

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОЛОГИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

Научный журнал

2013

№ 6 (26)

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-29496 от 27 сентября 2007 г.

Журнал входит в "Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук", Высшей аттестационной комиссии

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ФИЛОЛОГИЯ»**

Демешкина Т.А., д-р филол. наук, проф., зав. каф. русского языка, декан филологического факультета (председатель); Айзикова И.А., д-р филол. наук, проф., зав. каф. общего литературоведения, издательского дела и редактирования (зам. председателя); Ершов Ю.М., канд. филол. наук, доц., зав. каф. телерадиожурналистики, декан факультета журналистики (зам. председателя); Катунин Д.А., канд. филол. наук, доц. каф. общего, славяно-русского языкознания и классической филологии (отв. секретарь); Каминский П.П., канд. филол. наук, доц. каф. теории и практики журналистики (зам. отв. секретаря); Дронова Л.П., д-р филол. наук, проф. каф. общего, славяно-русского языкознания и классической филологии; Иванцова Е.В., д-р филол. наук, проф. каф. русского языка; Кручевская Г.В., канд. филол. наук, доц., зав. каф. теории и практики журналистики; Резанова З.И., д-р филол. наук, проф., зав. каф. общего, славяно-русского языкознания и классической филологии; Рыбальченко Т.Л., канд. филол. наук, доц. каф. истории русской литературы XX века; Суханов В.А., д-р филол. наук, проф., зав. каф. истории русской литературы XX века; Янушкевич А.С., д-р филол. наук, проф., зав. каф. русской и зарубежной литературы.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Волошина С.В. Автобиографические тексты в Интернете: жанровый и дискурсивный аспекты анализа	5
Голев Н.Д. «Общий род» и гендерная семантика русских имен существительных: бигендерность или агендерность?	14
Мишанкина Н.А., Деева А.И. Нефтегазовая метафорическая терминология: асимметричность и эквивалентность перевода (на материале русского и английского языков)	29
Резанова З.И., Романов А.С., Мещеряков Р.В. О выборе признаков текста, релевантных в автороведческой экспертной деятельности	38

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Анисимова Е.Е. В.А. Жуковский между двух юбилеев (1883–1902). Статья 2. Торжества 1902 г.: совмещение юбилеев, стратегии автоканонизации	53
Киселев В.С., Васильева Т.А. Эволюция образа Украины в имперской словесности первой четверти XIX в.: регионализм, этнографизм, политизация (Статья вторая. «Необходимо снизить под кровлю селянина. . .»)	61
Новикова Е.Г. Живописный экфрасис в романе Ф.М. Достоевского «Идиот». Статья 2. Пять картин	78
Рыбальченко Т.Л. Сюжет бродяжничества и новая картина мира в современной русской литературе	87

ЖУРНАЛИСТИКА

Вершинин В.А. Практика использования метода эксперимента в моделировании изданий	101
Мясников И.Ю., Тихонова Е.М. Моделирование прессы на пороге эпохи конвергенции: к проблеме модели описания конвергентной политики издания	110

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

Маркова Т.Н., Голованов И.А., Сейбель Н.Э. и др. Жанровые трансформации в литературе и фольклоре [Рец. А.С. Сваровской]	117
Манолакев Христо. Грибоедов – Гоголь – Достоевский. Типология и герменевтика Слова [Рец. Н.В. Хомука]	123
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	128
SUMMARIES OF THE ARTICLES IN ENGLISH	129

CONTENTS

LINGUISTICS

Voloshina S.V. Autobiographical texts on the Internet: genre and discursive aspects of the analysis	5
Golev N.D. 'Common Gender' and Russian noun gender semantics: bi-gender or non-gender?	14
Mishankina N.A., Deeva A.I. Oil and gas metaphorical terminology: equivalence and asymmetry of translation (based on Russian and English languages)	29
Rezanova Z.I., Romanov A.S., Meshcheryakov R.V. Selecting text features relevant for authorship attribution	38

LITERATURE STUDIES

Anisimova Ye.Ye. V.A. Zhukovsky between two jubilees (1833-1902): Article 2. Festivities of the year 1902: combination of jubilees, strategies of self-canonisation	53
Kiselev V.S., Vasilieva T.A. Evolution of image of Ukraine in imperial literature of the first quarter of the 19th century: regionalism, ethnography, politicization. Article 2. "Neobkhodimo snizoyti pod krovliu selianina" (It is necessary to descend under a villager's roof)	61
Novikova Ye.G. Painting ekphrasis in "The Idiot" by F.M. Dostoevsky. Article 2. Five paintings ...	78
Rybalchenko T.L. The vagrancy plot and a new picture of the world in contemporary Russian literature	87

JOURNALISM

Vershinin V.A. The use of experimental method in print media modelling	101
Myasnikov I.Yu., Tikhonova Ye.M. Press modelling and design before the age of media convergence: convergence policy of printed media and the problem of its description model	110

REVIEWS, CRITIQUES, BIBLIOGRAPHY

Markova T.N., Golovanov I.A., Seybel N.E., et al. Zhanrovyye transformatsii v literature i folklore: kollektivnaya monografiya (Genre Transformations in Literature and Folklore: Multi-Authored Book) [Rev. by A.S. Svarovskaya]	117
Manolakev Khristo. Griboyedov – Gogol – Dostoyevskiy. Tipologiya i germeneytika Slova (Griboyedov – Gogol – Dostoevsky. Typology and Hermeneutics of the Word) [Rev. by N.V. Khomuk]	123

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	128
SUMMARIES OF THE ARTICLES IN ENGLISH	129

ЛИНГВИСТИКА

DOI 10.17223/19986645/26/1

УДК 81'42

С.В. Волошина

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ В ИНТЕРНЕТЕ: ЖАНРОВЫЙ И ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА¹

В статье описываются автобиографические практики в интернет-дискурсе как новое явление, возникшее в последние десятилетия. Материалом исследования выступают автобиографические сведения работников российских федеральных и региональных телекомпаний. Анализ проводится с опорой на понятие речевого жанра. Особое внимание уделяется трансформации и дискурсивным особенностям реализации речевого жанра автобиографии в Интернете. Трансформация речевого жанра автобиографии рассматривается с точки зрения композиции, содержания и стиля.

Ключевые слова: интернет-дискурс, автобиографический рассказ, автобиографическая анкета, самопрезентация, речевой жанр.

Согласно данным энциклопедического словаря-справочника «Культура русской речи» «автобиография (от греч. *autos* – сам, *bios* – жизнь, *graphō* – писать, описывать) – жизнеописание какого-либо лица, составленное им самим. Пишут этот официальный документ при поступлении на работу, на учебу в вуз и в некоторых других случаях.

Автобиография составляется в произвольной форме, как правило, от руки, на листе чистой бумаги или на специальном бланке. Форма изложения – повествовательная, от первого лица. Все сведения подаются в хронологическом порядке, выделяются узловые события, наиболее существенные факты» [1. С. 17].

Несмотря на то, что автобиография составляется в произвольной форме, она, как и многие документы официально-делового стиля, характеризуется определенной стандартизацией и порядком подачи информации. «В автобиографии обычно указывается дата и место рождения, в какой семье родился автор, чем занимаются родители (профессия); когда и в каких учебных заведениях учился; какую получил специальность; служил ли в рядах вооруженных сил; где и кем работал; сообщается об участии в общественной жизни, о наградах, поощрениях (если есть); семейное положение, состав семьи и краткие сведения о ближайших родственниках (муж/жена, братья, сестры). Можно указать и другие сведения, которые автор сочтет необходимым осветить в автобиографии.

Под текстом слева ставится дата написания автобиографии, справа – подпись автора» [1. С. 17].

Относительно устойчивый набор высказываний, стандартность формы,

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 12-06-90701-моб_ст) и Российского гуманитарного научного фонда (грант № 13-14-70002).

стиля, содержания, типичные ситуации создания, написания позволяют, на наш взгляд, рассматривать автобиографию как отдельный речевой жанр.

Цель статьи – определить, как трансформируется речевой жанр автобиографии в Интернете и какими дискурсивными особенностями обладают автобиографические интернет-тексты.

С распространением Интернета как средства массовой коммуникации человек стал чаще обращаться к сообщению информации о себе. Создание личных, корпоративных, официальных сайтов, персональных страниц, интернет-дневников, блогов, страниц в социальных сетях потребовало размещения сведений о человеке, которые оформляются в разнообразных речевых жанрах, в том числе имеющих автобиографический характер.

Исследование автобиографических текстов актуально для многих наук и в первую очередь для филологии. Вместе с тем существует проблема анализа таких текстов, поскольку не найден единый подход к их описанию и жанровому разграничению. Так, к примеру, автобиографические рассказы исследуются в диалектной коммуникации, в фольклористике, существуют отдельные лингвистические исследования по изучению интернет-текстов автобиографического характера, например сетевых дневников. Для жанров разных типов дискурса создаются свои описательные модели. Это вызвано разнообразием автобиографических текстов, жанров и дискурсивных практик. В настоящее время отсутствуют работы, в которых бы изучались автобиографии, размещенные в Интернете, рассматривалась бы их трансформация и создавалась методика анализа.

Многие речевые жанры интернет-дискурса уже проанализированы (новостной анонс [2], лирическая миниатюра [3] и др.), появилась теория виртуального жанроведения. В ее задачи «входит описание и структурирование всего многообразия дигитальных или интернет-жанров и способов их классификации» [4. С. 370]. Это новое направление в теории речевых жанров рассматривает соотношение традиционных, «бумажных», жанров и дигитальных.

Языковые особенности и оформление текстов во многом зависят от типа дискурса, в котором эти тексты существуют. На наш взгляд, именно особенности интернет-дискурса обуславливают трансформацию традиционных речевых жанров, в том числе и автобиографии.

В настоящей работе рассматриваются автобиографические тексты сотрудников федеральных (телеканал «Россия-1», «Первый канал») и региональных телекомпаний («ТВ-Университет»), размещенные на официальных сайтах телевизионных каналов. Выбор материала произведен с учетом одного из признаков выделения речевых жанров – типичной сферы их появления, существования, в данном случае – сферы работы: человек пишет автобиографию, как правило, при трудоустройстве. Всего проанализировано 96 текстов. Их объем варьируется от 250 знаков до более 3 тыс. знаков, что, на наш взгляд, связано с возрастом, опытом работы, чертами характера автора и желанием размещать информацию о себе. Эти разные факторы, как представляется, имеют связь друг с другом. Небольшой опыт работы и молодость, с одной стороны, препятствуют объемности текста, так как у автора пока не много информации о своей трудовой деятельности. С другой стороны, желание

рассказать о себе, амбициозность, творческий характер профессии способствуют тому, что автор создает текст, состоящий из 2000–3000 и более знаков.

Описание автобиографических текстов сотрудников телекомпаний – часть исследования, направленного на изучение автобиографических сведений представителей разных профессиональных сообществ (учителей, рыбаков и др.). Анализ показал, что пока не выработаны определенные нормы для составления автобиографии в Интернете (см. также [6, 7]), так как размещение информации о себе в этом коммуникативном пространстве – явление новое, только зарождающееся. Следует отметить, что речевой жанр автобиографии в Интернете приобретает черты этой коммуникативной среды: происходит его трансформация.

Автобиография как жанр официально-делового стиля выступает прототипом для исследуемых текстов. В.В. Дементьев отмечает, что в жанроведении, согласно одному из направлений, наиболее близкому по духу к идеям М.М. Бахтина, вторичный речевой жанр понимается «как онтологически производный от первичного. Вторичный речевой жанр отличается от первичного сфера функционирования, или стилистическая обработка» [5. С. 167]. Автобиографические интернет-тексты следует считать относящимися к вторичному речевому жанру, происходящему от первичного – автобиографии, но отличающемуся от него формой, содержанием, стилем и сферой функционирования.

В рассматриваемом в данной работе материале выделяются:

– Автобиографические рассказы, соответствующие прототипическому образцу первичного речевого жанра автобиографии, которые, как может показаться на первый взгляд, перенесены в новую коммуникативную сферу без изменений. Вместе с тем они обладают характеристиками текстов, существующих в интернет-дискурсе: возможностью одновременной работы с ними большего количества людей [8], доступностью, открытостью, возможностью дополнить новыми сведениями, включенностью в виртуальное пространство – вписанностью в гипертекст [9]. Как и тексты речевого жанра автобиографии, эти интернет-тексты начинаются с сообщения даты, места рождения, в них последовательно сообщается о важных для автора жизненных событиях и становлении в профессиональной сфере: *Родился 14 января 1983 года в городе Каспийск Республики Дагестан. Окончив школу в 2000 году, поступил на филологический факультет Дагестанского Государственного Университета, отделение журналистики. Окончив ВУЗ со средней успеваемостью, в 2005 году устроился на работу на республиканский телеканал "РГВК Дагестан", проработав полтора года на должности корреспондента, в начале 2007 был назначен на должность главного редактора информационного вещания телекомпани.*

– Трансформированные автобиографические тексты, проявляющие особенности интернет-дискурса. Это автобиографические рассказы и анкеты. Термин «автобиографический рассказ» для исследуемых текстов выбран не случайно, поскольку, с одной стороны, делается акцент на устно-письменной форме речи, характерной для интернет-дискурса, с другой стороны, события, о которых пишут авторы, носят автобиографический характер, это события из их жизни. Речевой жанр автобиографического рассказа в интернет-

дискурсе, на наш взгляд, содержит в себе черты не только речевого жанра автобиографии, но и автобиографического рассказа как речевого жанра устной разговорной речи [11].

Поскольку, речевые жанры – «это устойчивые композиционные, тематические и стилистические типы высказываний» [10. С. 428], рассмотрим, как трансформируется речевой жанр автобиографии в Интернете с точки зрения композиции, содержания и стиля.

Композиционное построение автобиографических текстов, созданных сотрудниками телекомпаний, характеризуется относительной устойчивостью, они имеют определенную схему. Смысловые информационные блоки, из которых составляются автобиографические рассказы и анкеты, частично могут совпадать у разных авторов и у сотрудников разных телекомпаний. Следовательно, у тех, кто создает эти тексты, есть представление, какая автобиографическая информация должна быть отражена на сайте, в каких жанровых формах она может подаваться и какие данные являются важными для формирования образа телевизионщика. Так, автобиографические рассказы сотрудников телекомпаний включают в себя следующие элементы: дата (место) рождения, сведения о родителях, информация об образовании: среднем и высшем, сведения о том, как пришел в профессию, о первом опыте в профессии, о карьерном росте, о достижениях в профессии, должности в настоящее время, о семье (жене / муже, детях), информация о хобби.

Вместе с тем есть тексты, в которых отсутствуют те или иные элементы. Например, встречаются автобиографические рассказы, в которых авторы описывают только ту часть своей жизни, которая связана с трудовой деятельностью. Тексты могут начинаться с сообщения о «рождении» в профессии или появлении на телеканале, на котором сотрудник работает в данный момент: *Работать репортером начал в 1991-м, в газете "Гражданское достоинство", был такой еженедельник на закате перестройки.*

Некоторые тексты сотрудников одной и той же телекомпании имеют одинаковую структуру. Представляется, что при их написании авторы отвечали на подготовленные вопросы.

Многие автобиографические сведения подаются в жанре анкеты, что, на наш взгляд, не соответствует традиционному оформлению автобиографии и, скорее всего, обусловлено характером дискурса. Как считает Ю.Л. Щипицина, преобразование связного текста в совокупность перечней и списков, каждый из элементов которых грамматически не связан с соседними элементами, – явление новое, ставшее следствием высокой гипертекстуальности жанров Всемирной паутины [9. С. 30].

Автобиографические анкеты, как и рассказы, состоят из определенных пунктов, которые могут совпадать у разных авторов одной и разных телекомпаний: фамилия, имя отчество, дата (место) рождения, образование, интересы (хобби), предпочтения, любимые фразы. Информация располагается вертикально, каждый новый пункт начинается с красной строки и, по сути, является ответом на поставленный вопрос, что и дает основания говорить о принадлежности этих автобиографических сведений к жанру анкеты:

1. Родился: 9 апреля 1985 г.

2. *Образование: 1993–2002 гг. классическое-гимназическое (по сему всегда симпатизировал Климу Самгину), 2002–2007 гг. Факультет журналистики ТГУ*

3. *Интересы:*

Люблю Scrapbooking, ретро-фото.

Смотреть на звезды, помолчать.

Дарить цветы сорта «Маниту».

И деда Фрейда почитать.

4. *Не люблю: панибратство, дурной тон, пробки на дорогах, ждать, разговаривать по утрам, когда навязывают чужое мнение.*

5. *Симпатичные фразы, на мой взгляд: живи, не причиняя вреда, а тело дано, чтобы действовать.*

В речевых жанрах автобиографического рассказа и анкеты, размещаемых в Интернете, в отличие от жанра-прототипа, отсутствуют такие композиционные элементы, как подпись автора и дата составления текста. Кроме этого, на месте традиционного заголовка документа «Автобиография» пишутся фамилия, имя и должность автора.

В отличие от первичного речевого жанра автобиографии, исследуемые тексты размещаются на страницах Интернета и создаются в целях наполнения сайтов телекомпаний, где существуют разделы «лица телеканала», «персоны», «сотрудники» и т.д.

Место размещения – сайт телекомпаний – вызывает трансформацию речевого жанра автобиографии с точки зрения содержания: автобиографические рассказы наполняются преимущественно сведениями о работе в телекомпаниях, о профессии.

Автобиографические рассказы и анкеты – это, на наш взгляд, особые жанровые формы, объединенные одной макроцелью. Цель создания каждого из написанных текстов в анализируемом материале – дать информацию о себе, охарактеризовать себя, дать оценку себе и своей трудовой деятельности. Эти тексты выполняют несколько функций. С одной стороны, информативную, с другой – функции самоидентификации и самопрезентации.

Какого рода информацию сообщать о себе, авторы решают сами. Однако любой рассказ человека о своем прошлом, об увлечениях и т.п. может считаться автобиографическим, так как это повествование о событиях из его жизни. Речевой жанр автобиографического рассказа в нашем понимании – это рассказ о себе и своем прошлом с момента рождения до момента общения, написания. Автобиографический рассказ, на наш взгляд, такой речевой жанр, который позволяет человеку представить множество своих «я» («я» в прошлом, «я» в настоящем, «я» в профессии, «я» в хобби и т.д.) в одном тексте, а также о каждом из этих «я» в разных текстах. В исследуемом материале встречаются преимущественно автобиографические рассказы, в которых большая часть информации посвящена профессиональной сфере авторов, карьере. Почти в каждом тексте авторы сообщают сведения об образовании, профессии, семье, наградах: *Окончил отделение телевидения факультета журналистики МГУ. Работал кинообозревателем Агентства Печати Новости, был заместителем главного редактора еженедельника "Экран и сцена". В 1991 году, придя на Российское государственное телевидение, стал одним*

из создателей Студии К-2 ("Команда-2"). Вместе с Ильдаром Жандаревым был автором, режиссером и ведущим программ "Абзац", "Сюжет" и "Поцелуй в диафрагму". Лауреат премии "ТЭФИ" в номинации "Лучшая программа об искусстве" (1995 г.).

Автобиографические рассказы телевизионщиков характеризуются креативностью и стиранием границ официальности. Как и автобиография-документ, исследуемые тексты публикуются в основном от первого лица. Однако существуют и такие примеры текстов, в которых информация одновременно подается и от первого, и от третьего лица. Снижение степени официальности, отсутствие жестких требований к заполнению на сайте сведений о себе провоцируют возникновение такого явления, как размещение автобиографической информации в разных стилях:

Привет! Я – N.N. Рост – 183 сантиметра. Вес – 80,5 кг. Жим штанги лежа – 95 кг! (рекорд августа). Обожаю Интернет. Одновременно держу в голове информацию о десяти программных продуктах. Родился и закончил школу в г. N N области с серебряной медалью. 1994 год – факультет журналистики МГУ с красным дипломом. С 1998 года – студент РГГУ, юридический факультет...

А вот это уже язык справочного издания:

Родился 11 января 1972 года в городе N N области. В 1995 году окончил факультет журналистики МГУ имени Ломоносова, в течение полутора лет стажировался в N государственном университете...

С 2007 года – член Академии Российского телевидения.

Собирает записи певицы Нины Симон, ходит в тренажерный зал, коллекционирует марки (гордость коллекции – около тысячи "новогодних" марок). Летом выращивает цветы на балконе.

Первый текст, как и второй, имеет автобиографический характер, но не все его содержание соответствует традиционному наполнению жанра автобиографии. Поэтому второй текст, написанный в официально-деловом стиле, автор сопровождает метаязыковой рефлексией, показывая тем самым, что он знает, как составляются автобиографии, и что Интернет – особая коммуникативная среда, в которой возможны отступления от норм.

Такая творческая самопрезентация объясняется, на наш взгляд, тем, что эти тексты размещаются в Интернете, а «сеть стимулирует речевое творчество человека. Язык становится инструментом творческой самореализации общающихся на нем людей» [8. С. 16]. Следует также отметить, что их авторы – люди творческой профессии, для которых важен не только предмет речи (что сказать), но и способ речевого представления (как сказать). В них видна ориентация на адресата, что выражается эксплицитно: *Много и долго трудился на различных московских fm-радиостанциях. И вот уже восьмой год моя работа начинается, когда вы просыпаетесь; Привет вам от А.П. из утреннего эфира канала Россия!*

Как и к написанию автобиографических рассказов, авторы подходят творчески к заполнению анкет:

¹ Здесь и далее орфография и пунктуация источника сохранены.

N.N.N.

Родился 2 июня 1981 г. в N.

Образование: 2008 г., ТГАСУ, по специальности инженер.

Хобби: рыбалка, оружие, люблю собирать грибы.

Люблю: лето, отдых на природе, очень люблю животных, итальянский язык, кино, манты.

Не люблю: хамство, крик, езду в маршрутках, комаров, назойливых мух, творог.

Автобиографические тексты в основном пишутся в разговорном стиле: Поселившись в телевизоре, чувствую себя здесь вполне уютно. В трудовой книжке написано: "специальный корреспондент". Могли бы еще дописать: "счастливчик"; Родился в подмосковных Химках. На телевидение с 1988 года, почти сразу после школы пришел. Потом армия, служил на БАМе, в Тынде. Интересно, что часть стояла на сопке, на которой когда-то пел сам Дин Рид. После армии вернулся на уже родной "телек". Перебрал массу профессий, редакций и передач.

Авторы используют характерные для этого стиля конструкции с разговорной лексикой: Любую работу – сюжет смонтировать, ремонт дома сделать, движок перебрать – предпочитаю делать сам; У меня ВСЁ и ВСЕГДА решает вдохновение и очень часто – везение. Слава богу, две эти капризные "дамы" меня редко подводили. А две личные музы – жена и дочка – не подводили никогда, сокращениями, свёртыванием наименований: Был корром, спецкорром, комментатором, собкорром в Великобритании; Чаще всего от подобных тем у журналистов сводит скулы – считается, что они жутко тоскливые. Отчасти это правда, но зато, снимая и показывая "социалку", мы реально помогаем людям, в чем я неоднократно убеждался, повторами: Родился на Урале в 1980 году. Где мог бы стать шахтером, как дед и отец, если бы не переехал с родителями в Сибирь. Где мог бы стать юристом. Если бы медалистов не принимали на специальность "журналистика" без экзаменов. Мог бы так и работать на местном ТВ, если бы однажды не решился и не купил билет в один конец, который храню до сих пор», фразеологизмами: Родился там же, где пока и пригодился – во Владивостоке...

В анализируемых текстах употребляются оценочные, экспрессивные конструкции: Однажды я выиграл вбрасывание у самого! Старшинова и даже сыграл одну смену, секунд сорок, но с кем!!! Со знаменитой советской тройкой: Ларионов-Крутов-Макаров. В защите. На пару с Фетисовым!, метафорические высказывания: Сегодня я с благодарностью вспоминаю мудрость о заброшенном камне на вершину горы и коллег, которые на протяжении всего пути помогают мне открывать все новые маршруты в вершинах тележурналистики, высказывания, в которых реализуются приемы языковой игры: «Главным достоинством – умение оказываться в нужном месте в нужное "Время»», встречаются примеры словотворчества: Вот вроде на этом этапе "тележизни" и все. Ах да! Еще. С самого начала и все 8 лет на Первом канале. Только на "Первом".

Характерной особенностью автобиографических рассказов в Интернете является экспрессивный синтаксис, использование парцеллированных, соединительных конструкций. Авторы пытаются воспроизвести в письменной

форме разговорный синтаксис: *Вот вроде на этом этапе "тележизни" и все. Ах да! Еще. С самого начала и все 8 лет на Первом канале. Только на "Первом"*.

В речевом жанре автобиографического рассказа как жанре устной разговорной речи находят отражение «чужая» речь, информанты стараются представить ее с сохранением всех просодических особенностей. В автобиографических рассказах сотрудников телекомпаний также встречаются подобные высказывания: *Шеварднадзе угощал меня шоколадными конфетами, приговаривая с характерным акцентом: "Кюшайте! Оны московские"*.

Поскольку в разговорном стиле речи информация передается и с помощью мимики и жестов, авторы пытаются перенести их в свои тексты с помощью особенных символов, существующих в Интернете: *С 1976 по 1979 гг выполнял ответственное задание в ГДР :); Вторую семью, кстати, не менее любимую, мне "выдали" на "Первом". Вот какой каламбур получился :).*

Следует отметить и такую дискурсивную особенность, как использование невербальных средств, изменение шрифтов, регистров при создании текстов, использование неязыковых графических средств, знаков препинания для выражения эмоций, дополнительных смыслов, что не встречается в официальных документах-автобиографиях: *Раз-дра-жа-ет: Тупость и наглость, и отсутствие прописки; Все ВРЕМЯ я делал программу "ВРЕМЯ". Отвлекся лишь однажды на полгода, когда стал ведущим ночной программы "НУ-ВОСТЬ ДНЯ". Но и это отвлечение, все равно, было на ПЕРВОМ КАНАЛЕ.*

Таким образом, речевые жанры автобиографического рассказа и автобиографической анкеты, существующие в интернет-пространстве, – вторичные речевые жанры, имеющие своим прототипом речевые жанры автобиографии официально-делового стиля и автобиографического рассказа как жанра устной разговорной речи. Новая коммуникативная среда приводит к трансформации жанра автобиографии с точки зрения формы, содержания и стиля. Большинство текстов содержат информацию только о профессии и работе. Профессиональная принадлежность, на наш взгляд, также оказывает влияние на трансформацию речевого жанра автобиографии: кроме характерных и актуальных для данной профессии тем, тексты сотрудников телекомпаний отличаются творческое начало и особый стиль написания. Автобиографические тексты, размещаемые на сайтах, приобретают черты интернет-дискурса: они обладают особенностями письменной и устной форм речи, характеризуются креативностью, доступностью, открытостью, возможностью дополнения новыми сведениями, вписанностью в гипертекст, с ними одновременно может работать большое количество людей. При написании этих текстов авторы пользуются изменением регистров, шрифтов, включают в тексты неязыковые графические средства, знаки препинания для выражения эмоций.

Литература

1. Киселёва Л.А. Автобиография // Культура русской речи: энцикл. слов.-справ. / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. – М., 2003. – С. 17–18.
2. Ковальчукова М.А. Анонс как речевой жанр (на материале интернет-дискурса) // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. – 2008. – Вып. 26. – С. 54–58.

3. *Плотникова А.А.* Лирическая миниатюра в интернет-коммуникации (лингвопрагматический и метаязыковой аспект жанра): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2012. – 26 с.
4. *Горошко Е.И.* Теоретический анализ интернет-жанров: к описанию проблемной области // *Жанры речи.* – Саратов, 2007. – Вып. 5. – С. 370–389.
5. *Дементьев В.В.* Теория речевых жанров. – М.: Знак, 2010. – 600 с.
6. *Волошина С.В.* Автобиографические практики в интернет-дискурсе (на материале автобиографий учителей томских школ) // *Текст в системе обучения русскому языку и литературе: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Л.Н. Гумилева и 50-летию филологического факультета ЕНУ им. Л.Н. Гумилева 24–26 мая 2012 г.* – Астана, 2012. – С. 214–221.
7. *Волошина С.В.* Автобиографические практики в Интернете (на материале автобиографических сведений рыбаков) // *Традиции и инновации в филологии XXI века: взгляд молодых ученых: Материалы Всерос. молодежной конф., 23–25 августа 2012 г.* – Томск, 2012. – С. 98–102.
8. *Горошко Е.И.* Интернет-жанр и функционирование языка в Интернете: попытка рефлексии // *Жанры речи.* – Саратов, 2009. – Вып. 6. – С. 11–27.
9. *Щицына Ю.Л.* Комплексная лингвистическая характеристика компьютерно-опосредованной коммуникации (на материале немецкого языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Воронеж, 2011. – 40 с.
10. *Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров // *М.М. Бахтин. Литературно-критические статьи.* – М., 1986. – С. 428–473.
11. *Волошина С.В.* Речевой жанр автобиографического рассказа в диалектной коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2008. – 26 с.

DOI 10.17223/19986645/26/2

УДК 81'37, 81'366.52

Н.Д. Голев

«ОБЩИЙ РОД» И ГЕНДЕРНАЯ СЕМАНТИКА РУССКИХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ: БИГЕНДЕРНОСТЬ ИЛИ АГЕНДЕРНОСТЬ?

В статье рассматривается гендерность как функционально-семантическая категория современного русского языка с широким диапазоном разнопланового содержания и разноуровневых средств его выражения. План содержания категории организуется различными параметрами. Центральным из них является оппозиция гендерности и агендерности. Агендерность широко представлена в сфере одушевленных существительных, в их числе ее представляют существительные, традиционно относимые к общему роду. Гендерность маркируется на системном уровне наличием гендерной семы в самом лексическом значении, которая может быть сильной и слабой. В денотативно-речевом плане гендерность может быть представлена имплицитно (как знание ситуации) и может эксплицироваться в разных формах, в том числе в виде несогласуемых форм адъективных определений и сказуемых. Грамматическая семантика (морфологический род) существительных существует в лексеме независимо от модуляций денотативно-речевой семантики.

Ключевые слова: существительные общего рода, морфологическая система русского языка, обыденное метаязыковое сознание, род как грамматическая категория, гендерность как функционально-семантическая категория, согласование, тенденция к аналитизму.

Вступление

Настоящая статья представляет собой развитие тезисов, подготовленных нами для доклада на Виноградовских чтениях в 2001 г. [1]. Поводом для их продолжения послужил наш отзыв о кандидатской диссертации О.Ю. Горбацкой. В ней были исследованы существительные, традиционно относимые к общему роду, с антропоцентрических позиций [2]¹. Данная диссертация и отзыв о ней послужат далее одной из отправных точек в развитии сюжета предлагаемой статьи.

Обзор литературы (в том числе новейшей), проделанный диссертантом, показал, что, во-первых, традиционные взгляды на существительные общего рода как на лексемы, способные менять грамматический род в разных контекстах и, соответственно, в разных номинативных ситуациях, как был, так и остается в отечественной морфологии доминирующим и устойчивым и, во-вторых, что представление о составе группы существительных в литературе весьма пестрое и аморфное, что говорит об отсутствии у авторов определенной теоретической концепции, объясняющей феномен «грамматического трансвестизма». Подводя итог обзора, О.Ю. Горбацкая справедливо отмечает: «На сегодняшний день Грамматики и толковые словари русского языка о существительных общего рода содержат сведения, не складывающиеся в

---

¹ Диссертация во многом является развитием теоретических положений, высказанных научным руководителем диссертанта – Е.Б. Трофимовой в статье [3].

цельную картину, отражающую действительность» [2. С. 72]. Несмотря на такую фиксацию нерешенности теоретического вопроса о сущности «категории» общего рода, диссертант тем не менее следует традиции использования и трактовки терминов-понятий «общий род», «категория общего рода» и в результате также не достигает желаемой цельности в конструктивной части исследования. На наш взгляд, это свидетельство того, что традиционная концепция не обладает достаточной объяснительной силой. Объявленный диссертантом антропоцентризм «категории» общего рода в исследовании оказывается лишь ее дополнительной характеристикой, в которой метаязыковым оценкам родовой принадлежности одушевленных существительных, данным рядовыми информантами, придается статус объективных квалификаций их (существительных) грамматического рода.

Исходные теоретические позиции исследования

Далее мы сделаем свою попытку построения концепции общего рода, исходящую не из таких оценок, а из **системно-морфологических** представлений о грамматической категории рода в современном русском языке как элементе общей морфологической системы – составной части общей (вместе с синтаксисом) грамматической системы.

Кратко изложим эти представления, базирующиеся на идее имманентных значимостей морфологии как системы, сформированных потребностью обслуживания прежде всего синтаксических значимостей, но тем не менее относительно не зависящей от них. Согласно таким, системоцентрическим, взглядам основной функцией морфологии является перевод слов как единиц словаря в словоформы как единицы текста, маркирующие принадлежность слова синтаксическому плану текста. Главный компонент морфологических значимостей, проявляющийся на самых верхних (эмических, инвариантных) «этажах» морфологической системы, – синтаксический; номинативные оппозиции здесь, как правило, ослаблены или, по крайней мере, самым существенным образом опосредованы коммуникативной функцией, непосредственно связанной с текстовыми и синтаксическими сущностями. Категория рода, наряду с другими, также «обслуживает» синтаксическую идею согласования. «Согласовательная» значимость в парадигме родовых граммем является ядерной. Способность детерминировать согласуемые формы – внутреннее морфологическое содержание граммем рода имен существительных и некоторых местоимений-существительных (*кто был / что было*). Внешнее по отношению к морфологическим значимостям номинативное содержание (а именно признак половой принадлежности обозначаемых одушевленным существительным живых существ) и внешняя форма (система флексий) не составляют внутренних значимостей рода. Они в лучшем случае выступают в роли факторов распределения существительных по родам, но этот аспект для категории рода является генетическим, а не синхронно-функциональным. Синхронное функционирование категории рода на эмическом уровне в русском языке отчетливо показывает, что ее зависимость от номинативного значения пола и системы флексий не носит обязательного и регулярного характера (важнейшие показатели морфологической сущности) и не может пре-

тендовать на роль инвариантного признака граммем рода. Данные граммемы являются относительно условными по отношению как к полу обозначаемого живого существа, так и к флексиям самой лексемы¹.

Проекция исходных позиций на гендерную семантику слов, относимых к общему роду

С очерченных позиций в работе О.Ю. Горбацкой (как и в многочисленных работах ее идейных предшественников) исследуется не грамматическая, а семантическая проблема, касаемая семантики контекста и слова, речевой и системно-языковой семантики и номинативных способностей лексемы. На наш взгляд, для такого подхода есть все основания. Гендерность² существует в языке не как грамматическая, а как понятийная или, по А.В. Бондарко, **функционально-семантическая** категория³, выражаемая средствами разных уровней, в том числе, разумеется, морфологическими средствами, хотя они лишь опосредованно зависят от пола денотата существительного.

Мы полагаем, что семантика гендерности существует в двух ипостасях – **системной**, «прикрепленной» к слову как единице лексической системы (к примеру, в лексической семантике слов *теща*, *роженица*, *стюардесса*, *мым-ра*, *мегера* и т.п. содержится сема женскости), и в **контекстно-денотативной** (в другой парадигме – рефрентной) – при обозначении данным словом конкретных лиц в определенных контекстах-ситуациях⁴. В таких случаях мы имеем дело с семантикой не только слова, но и всего контекста и – глубже – всей коммуникативной ситуации, так как гендерная сема являет себя носителем языка как знание реальной ситуации, сопровождающееся актуализацией или нейтрализацией семы мужскости и женскости, в том числе и в семантике слов, обозначающих участников этой ситуации, к примеру, таких, как *судья*, *врач*, *бездарь*, *простофиля*, *кенгуру*).

В номинативном плане при таком подходе, по сути дела, трактуется способность одушевленных существительных обозначать живых существ обоих полов (или преимущественно одного пола). Полагаю, что это значимая задача семасиологии и ономасиологии, так как такая «гендерная способность» неодинакова у разных слов, обозначающих лиц, при этом между полюсами та-

¹ Наше представление исходных позиций осуществлено для того, чтобы вписать анализ феномена общего рода в более общий методологический контекст и придать ему последовательность движения «сверху вниз». Автор хорошо сознает, что очерченные идеи не могут претендовать на сколь угодно значительную новизну – в истории языкознания накопилось огромное количество общих подходов и конкретных идей. Их обзор и разного рода систематизация уже неоднократно осуществлялись, например, в [2, 4, 5, 6]. В них отмечены и такие значимые для развиваемой нами концепции идеи, как указание на отсутствие четкого разграничения рода и пола в традиционной морфологии, на отрицание гендерной детерминации родовых оппозиций, на приоритет согласования над гендерной семантикой в грамматической категории рода и др.

² В статье термин «гендер» и все производные от него используются как синонимы слова «пол» и его производных. Задачи исследования не предполагают дифференциации смыслов «пол» и «гендер», принятой в современной гендерной лингвистике. Главная оппозиция для нас – гендер (пол) и образуемая на его основе функционально-семантическая категория и род как грамматическая категория.

³ Такую квалификацию данной категории делает также М.В. Ласкова [5].

⁴ В.В. Виноградов использовал для обозначения денотативного значения такого типа термин «предметно-смысловое содержание» [7. С. 56].

кой способности находится большая промежуточная зона. Например, слово *кокетка* содержит в себе сему женскости, но эта сема слабая, она не мешает обозначить этим словом мальчика или юношу, в слове *повеса* сема мужскости сильнее, и использование ее по отношению к женщине уже имеет налет метафорического переноса¹. *Шляпа, тряпка* или *пила* в переносном значении в сигнификативном плане «бесполы», а в денотативно-референтном плане *тряпка* скорее мужская инвектива, а *пила* – женская. Слова *судья, воевода, персона, особь, особа, дитя, чудовище, существо, лицо, солнышко* (перен.), *тварь* – не несут в себе семы мужскости и женскости и не имеют **противопоказаний** для их употребления в качестве обозначений лиц обоих полов. Соответственно в выражениях *типа врач пришла, наша врач, кенгуру кормила детеныша* и т.п. существительные мужского рода, обозначающие существа женского пола, не становятся в данных контекстах существительными женского рода, а вне контекста не являются существительными «общего» рода. В данном случае не имеет значения, идет ли речь о концепции бигендерности «иногда мужского и иногда женского» или, как у В.В. Виноградова, «и мужского, и женского» – это варианты одного подхода, имеющего в виду зависимость рода от пола денотат и различающегося планами существования единиц языка – реализационным и потенциальным. Род прилагательных и глаголов определяется в данных контекстах не родом существительного, а контекстно-денотативной, «наведенной» (по терминологии И.А. Стернина) семой, актуализируемой автором контекста.

Агендерность и независимость формально-грамматического и гендерного планов содержания как базовые свойства слов, соотносимых с общим родом

Такие лексемы с точки зрения их номинативного употребления являются не **бигендерными** (как вытекает из исходной презумпции традиционной концепции общего рода), но **агендерными**² (такова презумпция предлагаемой нами концепции). Состав агендерных одушевленных существительных и местоимений в русском языке много- и разнообразен: *егоза, сирота, умница, бездарь, дитя, животное, синица, конь, чудовище, пугало, кукла, особа, особь, персонаж, тип, судья, врач, я, себя, кто*³. Агендерность таких лексем – центральный пункт развиваемой нами концепции общего рода, который по ходу дальнейшего обсуждения будет представлен в разных аспектах. Важно подчеркнуть, что реализуемый подход актуален не только для общего рода. Точно так же можно поставить вопрос в парадигме одушевленности. Например, существительное *представитель* является денотативно «безодушевленным» – оно в равной мере может обозначать и живых существ, и не-

¹ Полагаем, что и семантику граммемы (синтаксическую значимость) существительных типа *егоза* следует квалифицировать как ослабленную. Это особый аспект описания, не входящий в задачи настоящего исследования.

² Предлагаемые нами термины «бигендерный», «агендерный» (а также производные от них) мы употребляем только в узкоспециальном лингвистическом смысле и не соотносим их с омонимичными терминами из других научных сфер.

³ Большинство из представленных лексем (или их типов) в приведенном ряду фигурируют в качестве примеров лексем общего рода в лингвистической литературе по данному вопросу.

живые предметы, оставаясь грамматически одушевленным: *я изучаю ос – представителей класса насекомых, я изучаю алмазы – представителей класса кристаллов.*

Второй, не менее важный, пункт – системная независимость гендерных характеристик лексемы (и ее означаемого) от грамматического рода и наоборот. Не имеет значения, какого **грамматического** рода агендерные существительные, обозначающие мужчин и женщин, самцов и самок. Они могут иметь любую родовую принадлежность, скажем *воевода, судья, староста, дэнди, кит* – мужского, *дитя, существо, ваше высочество, животное* – среднего, *особа, кокетка, сирота, плакса, тварь, гнида, бездарь, синица* – женского. Столь же естественна для русского языка возможность обозначения существ женского пола (равно как и мужского) лексемами любого грамматического рода. Все это означает, что гендерность в существенной мере дистанцирована от грамматической категории рода. Гендер и род в современном русском языке уже давно живут в параллельных мирах – род определяется по согласовательной потенции существительного (при ее утрате, как например, у числительных и наречий типа *жаль* или междометий *караул* теоретически и грамматический род)¹.

Тесная детерминационная увязка гендера и рода (при примате первого²) в синхронии русского языка, обычная для традиционной морфологии³, – один из устойчивых лингвистических мифов, поддерживаемых наивным метаязыковым сознанием. Для обыденного сознания характерен поиск пола обозначенного существа для квалификации рода одушевленного существительного, и, наоборот, денотатам, обозначенным словами мужского и женского рода, часто приписываются соответствующие свойства [8, 9].

Из таких воззрений органически вытекает зависимость рода от контекста, в котором пол актуализируется. Однако грамматический род существитель-

¹ Утверждение о непересечении денотативной семантики гендера и грамматического рода существительных является, конечно, чрезмерно категорическим, оно возникло в силу потребности максимально дистанцироваться от ортодоксальных положений и терминов, мешающих объективно взглянуть на проблему. Это утверждение необходимо «ослабить». Разумеется, гендер опосредованным образом влияет на грамматическую категорию рода существительных, но не столько на ее внутреннюю синхронно-функциональную системную сущность, сколько на генетические стороны данной категории. Обычно говорят о распределении существительных по родам и влиянии в связи с этим гендерного фактора на лексическое наполнение родовой парадигмы. С этим трудно не согласиться. Но проблема вхождения слов в классы для грамматической категории рода не центральная, а периферийная (ранее мы указали на ее связь с генетической стороной категории рода); род как классификационная категория предполагает наличие классов и их системные оппозиции, а механизмы лексического заполнения этих классов-ячеек вопрос важный, но не главный. В школе есть классы – первый, четвертый, седьмой... Они различаются функцией (в частности, содержанием программы), а какие ученики и почему их (классы) заполняют, вопрос из другой плоскости. В нашем случае не грамматической, а лексической.

² В качестве примера такой зависимости можно привести тот факт, что в ряде словарей (например, в словаре С.И. Ожегова) в качестве начальной формы прилагательных типа *замужний, беременный* дается форма женского рода.

³ Определение «гендерно-родовой», активно используемое в диссертации О.Ю. Горбачкой [2] (в том числе в ее заглавии), следует квалифицировать как конструкт кентаврического типа. Автор определяет предмет своего исследования как выяснение «факторов, влияющих на носителей русского языка при определении **родовой** принадлежности имен существительных», на деле же в диссертационном эксперименте информантами выясняется **половая** принадлежность денотата существительного, которая трактуется ими (и диссертантом) как квалификация грамматического рода.

ного определяет не контекст или денотативная ситуация. Такая зависимость – нонсенс для морфологической системы, в частности, по следующей причине системного свойства: она (зависимость) лишает категорию рода несловоизменительного (классификационного) статуса, в соответствии с которым во фразах, скажем, *Петя забияка* и *Маша забияка* мы должны констатировать наличие двух разных лексем: *забияка* (муж.) и *забияка* (жен.), что противоречит как высокой теории, так и здравому смыслу (или, по терминологии Е.Б. Трофимовой [3] и О.Ю. Горбачевой [2], системоцентристскому и антропоцентристскому подходам).

Из сказанного вытекает, что понятие «общего рода» является для строгой грамматики фикцией. Слова *забияка*, *шляпа* (перен.) или *особь* – слова женского рода, способные обозначать лиц обоих полов, а *судья*, *кандидат*, *ребенок* – мужского с аналогичной способностью. Такая способность – проблема номинации и семантики, а не морфологии.

Отсутствие синтаксической семантики – способности детерминировать согласование – у слов, относимых к общему роду

Особо следует сказать о сочетаемости слов в контекстах типа *она хорошая врач, поэт была седая и худая*. Женский род у прилагательных здесь наличествует не потому, что существительные *врач* и *поэт* женского рода и что с ними прилагательные и глаголы якобы согласуются по роду. Но у этих существительных в лексическом значении нет внутренней, имманентно присущей им, семы женскости. Так же как, например, нет согласования по числу в лакейском контексте типа *княгиня Вера приказали* – грамматическое значение множественного числа у глагола здесь появляется независимо от числа существительного, так же как в контексте *пять человек пришло* род и число сказуемого независимы от рода и числа лексем, входящих в состав подлежащего. В этом смысле нет согласования и с местоименными лексемами *я*, *ты*, *себя* (в отличие от *кто*), соответственно, нет морфологических оснований "приписывать" им определенный род в сочетаниях типа *я сказала*, *Аня помнила себя*, *такую...* Эти лексемы находятся вне морфологического рода, в том числе «общего»: не все рядом находящееся связано структурно-синтаксическими связями, даже если они имеют внешнее подобие с ними, не все контекстуальное может быть квалифицировано как системное. В этом плане заслуживает внимания терминология, используемая при описании общего рода в «Русской грамматике»: «Особенностью существительных общего рода является зависимость их синтаксической сочетаемости от пола называемого лица <...>. Однако такая сочетаемость, определяемая полом называемого лица, не является строгим грамматическим правилом» [10. С. 466]. Авторы не используют обзывающего термина «согласование», предпочитая термин «сочетаемость», и тем самым дистанцируют общий род от жесткой («стройной») грамматики.

По названной причине существительные так называемого общего рода (*егоза*, *соня*, *плакса*, *сирота*) обнаруживают свой грамматический род не в

гендерно маркированных контекстах, а в контекстах гендерно нейтральных¹ (например, в свободном ассоциативном эксперименте) и особенно в контекстах контрадикторного типа, так, например, контекст *Маша такой сирота* невозможен, поскольку «сильная» граммема женского рода (не пола!) препятствует согласованию по смыслу с ситуативно-денотативной «женской семой», ассоциируемой с лексемой *Маша*². Из такого «запрета» вытекает, что слово *сирота* не является словом грамматического мужского рода. Следовательно, в контексте типа *Вася наш сирота* сема мужского пола (не рода!) является «наведенной» на весь контекст и согласования по роду с *сирота* здесь нет. Ср. аналогичное поведение существительных *особа*, *дрянь*, бесспорно принадлежащих женскому роду. Существительное *коллега* с этих позиций мужского рода, так как невозможно *Ваня моя коллега*. Аналогично *повеса*, *воевода*, *староста*, *судья*, *голова* (должность) – существительное м.р., а *кетка*, *вертихвостка* – ж.р.

Функционирование слов, относимых к общему роду, как проявление процессов «расшатывания» согласования

Иного плана дистанцирование от жесткой грамматики находим в «Опыте частотно-стилистического словаря вариантов» [11]. Вариативность сочетаний с «существительными общего рода» вводит проблему в новый контекст, образуемый колебаниями типа *эта толь / этот толь, этот домишко / это домишко, наша школа-интернат / наш школа-интернат* и т.п. Такая парадигма дает основания для принципиально иной концепции общего рода, которая в данном контексте становится частью **формальной** вариативности существительных по роду. Разумеется, как и во всех случаях конкуренции вариантов возникают моменты **нормативно-стилистического** характера, которые отдалают проблему общего рода от решения как содержательных (номинативно-денотативных) гендерных вопросов, так и вопросов грамматического статуса отношений внутри «конкурентных пар», как в случае с лексемой *лебедь*, которая в варианте мужского рода является нормой литературного языка, а женского – народно-поэтического (*лебедь белая плывет*). Характерно при этом, что в очерченный контекст включаются не только мужской и женский роды, но и средний род (*этот чудило – это чудило*) и даже множественного числа (*это жалузи / эти жалузи*). Именно так выстраивают контекст авторы названного словаря [11], помещая в один ряд «Род и смежные с ним явления» варианты типа *этот плакса / эта плакса, этот чудила / это чудило, кофе остыл / кофе остыло, директор пришел / директор пришла*. Гипертрофированная отражательность традиционной концепции и жесткость грамматической концепции уступают здесь место представлениям о функциониро-

¹ В заключительном фрагменте статьи «Обжора» описывается попытка осуществить нейтрализацию в направленном эксперименте.

² Аналогия. В эпизоде из «Золотого тельца» описывается, как в сумасшедшем доме мужчина изображал женщин: «Женщина с усами **закурил** трубку, и сладкий запах табака «*Наш кепстен*» внес в мятежную душу Берлаги успокоение». Нам представляется, что большинство носителей языка в данной денотативной ситуации предпочтут для глагола все-таки формально-грамматическое согласование, как того требует граммема слова *женщина*.

вании одушевленных существительных под эгидой условных значимостей и ортологических конвенций.

Говоря о расшатывании согласования при сочетании определяемых слов со словами, относимыми к общему роду, важно отметить также прямое – вне согласования – выражение семы женскости, где она выступает как несомненно номинативно сильная *не родись красивой, а родись счастливой*. Подобные конструкции (наряду с конструкциями типа *поэт была седая и худая*) ярко демонстрируют диалектику развития категории рода: деноминативные тенденции в одном участке системы «компенсируются» усилением номинативности на других. Наведенной семой в таких несогласованных конструкциях является преимущественно сема женскости. Морфологизация гендерных отношений (т.е. обретение ими условных смыслов, значимостей в рамках родовой грамматической парадигмы), по-видимому, в русском языке уже достигла определенного предела, исчерпанности, и в настоящее время наблюдается процесс деморфологизации, который может быть соотнесен с тенденцией русского языка к аналитизму. Расшатывание строгого, формально-грамматического, согласования – важнейший элемент данной тенденции. Другой особенностью данного процесса является движение формально-грамматических парадигм в сторону номинативности (как в примерах типа *врач пришла*) и, что не менее важно, движение классов слов, связанных с общим родом, в сторону лексико-стилистических парадигм. Так, в диссертации О.Ю. Горбацкой убедительно показана увязка существительных общего рода с различными социальными, ментальными, стилистическими коннотациями (см. также [9, 12]).

Такого рода процессы в русском языке не уникальны. Подобным образом деграмматизируется категория полноты / краткости прилагательных, их оппозиция, говоря словами Л.В. Сахарного [13], теряет признаки жесткой грамматичности, и их употребление все более связывается с мягкой грамматикой, дающей возможность выбора: *он умный / он умен* (несколько иначе идет развитие полноты / краткости у причастий, у которых краткие формы причастий совершенного вида жестко закрепляются за страдательными конструкциями (*проблема исследована*), тогда как глаголы несовершенного вида образуют пассив возвратными формами (*проблема исследуется*). Точно так же утрачивается жесткая грамматичность собирательных числительных (*сидели пять студентов / сидели пятеро студентов*), которая сохраняется лишь на небольшом «участке» числительных (*два, три, четыре*) в сочетании с существительными *pluralia tantum* (*четверо суток, но пять суток*).

Исследование показывает, как некоторые отклонения от строгих грамматических алгоритмов заполнения родовых кластеров и легализации их языковым сознанием расшатывают традиционную систему, каковой является категория рода. Отсюда правомерна и актуальна увязка такого рода процессов с темой «Активные процессы в современном русском языке». Перевод темы в область конкуренции вариантов, о чем речь шла выше, ярко иллюстрирует такую увязку. Принято считать, что наиболее общей тенденцией в современном русском языке является тенденция к аналитизму. Яркой чертой утраты синтетизма является ослабление формальной синтаксической зависимости всех типов, в том числе согласовательных алгоритмов. Обычно приводят в

качестве примера аналитизма проявления разного рода несклоняемости для иллюстрации отказа от согласования по типу приложений в составных именованных типа *лебедь-он*, *лебедь-она*, *космонавт-два*, *вес брутто*. Утрата жесткости грамматических связей означает в том числе и утрату однозначности (определенности) формы, которую предполагает собственно согласование. Поэтому переход на несогласовательные формы сочетания слов (*наша врач пришла*, *шимпанзе гуляла*, *я сказала*), независимое от существительного маркирование гендерности – значимое проявление аналитизма.

Гендерная семантика как компонент функционально-семантической категории. Макроуровень

Системное изучение гендерности как функционально-семантической категории в семантическом плане – вопрос будущего. Однако уже сейчас можно утверждать, что устройство этой категории весьма сложно и противоречиво. На макроуровне несомненно обнаружатся глобальные противопоставления, определяющие ее устройство и функционирование. Главное из них мы рассмотрели. Это оппозиции гендерно маркированных и гендерно немаркированных существительных, к которым мы причислили и лексемы так называемого общего рода. Но интересны и другие оппозиции.

Один из нерешенных (а точнее – нерешаемых) вопросов в традиционной концепции общего рода – соотношение «качества гендерности» у разных типов существительных, в первую очередь у одушевленных существительных – названий людей и названий животных. Их различие очевидно. Не случайно в большинстве научной и учебной литературы названия животных (типа *синица*, *таракан*, *кенгуру*, *сельдь*, *животное*, *насекомое*) не включаются в список существительных общего рода и трактуются, по сути как агендерные, т.е. имеющие устойчивый род в такой же мере, как неодушевленные существительные (*стул*, *табуретка*, *кресло*); они не обладают в своем лексическом значении конституирующей семей пола, но реально могут обозначать самцов и самок. Однако отрицание бигендерности и изменяемости по роду в зависимости от нее у таких слов в названной литературе имеет границы – относительно контекстов типа *кенгуру* (*шимпанзе*) *кормила детеныша* многие авторы, касающиеся этого вопроса, утверждают, что существительные *кенгуру* и *шимпанзе* уже «выступают как существительное женского рода» или что их «следует употреблять в женском роде» [14. С. 210].

Гендерная семантика как компонент функционально-семантической категории. Микроуровень

Отдельные лексемы и особенно отдельные акты актуализации гендерности в речи, как правило, представляют собой сложный симбиоз грамматического и лексического, системно-языкового и неязыкового, сигнификативного и денотативного, узуально-нормативного и ситуативного. Последовательный взгляд на ситуацию с позиций функционально-семантической категории гендерности – это отдельный аспект описания семантики одушевленных су-

существительных как словарных и речевых единиц. Попытаемся его проиллюстрировать.

Джентльмен. Лексема мужского рода, способность обозначать лиц разного пола имеет два варианта. В контексте *леди и джентльмены* актуализируется сема мужскости, которая во внеконтекстном (потенциальном) статусе лексемы ослаблена, но тем не менее наличествует, о чем говорит элемент метафоричности в контекстах типа *она настоящий джентльмен*. Для сравнения – лексем мужского рода *товарищ* и *коллега*¹ имеют другую гендерную структуру, они являются агендерными, и их употребление для обозначения женщин вполне нормативно в русском языке и не требует метафорических алгоритмов.

Умница. Лексема (женского рода) не имеет в узусе гендерной пары по типу *шутник – шутница, затейник – затейница* и является агендерной. Пара *умник – умница*, используемая в названии известной телевизионной передачи «Умники и умницы», объединяет не гендерные антонимы, а паронимы – независимые друг от друга члены словообразовательного гнезда *ум*. Об этом говорит разная коннотация, присущая данным лексемам: *умник* – ироническая, *умница* – позитивная.

Болтушка, хохотушка. Несмотря на свою похожесть, данные лексем женского рода имеют разную гендерную структуру: *болтушка* – агендерное, *хохотушка* – с семой женскости (сема ослаблена, возможность фраз *Миша – такой хохотушка* невысока). Здесь, как и в предыдущем примере, наличествуют сдвиги в словообразовательном гнезде: слова *болтушка* и *хохотушка* не связаны отношениями производности со словами *болтун* и *хохотун* (в отличие от *болтун – болтунья, хохотун – хохотунья*), хотя слабые (опосредованные и мутированные) мотивационные отношения с ними у слов *болтушка* и *хохотушка* несомненно присутствуют.

Конь, лошадь. Обе лексем агендерны. Их оппозиция не имеет отношения к полу, лексем являются синонимическими, они противопоставлены стилистикой, синтагматикой, нормативными контекстами.

Ворон, ворона. Данные лексем обозначают разные виды птиц и с этой (научной) точки зрения являются агендерными². В обыденном сознании, незнакомом с данным фактом, они ассоциируются с членами гендерной пары. В ассоциативных словарях проявляется их разное концептное содержание (символика, стилистика, прецедентика).

Кошка, кот. Если слово *кошка* обозначает непротивопоставленное по полу родовое понятие (*кошки – тигры, львы, гепарды*) или обобщенное понятие (*любительница кошек*), оно является агендерным. Слово *кот* имеет сильную гендерную маркированность, хотя возможности ее нейтрализации

¹ Еще раз подчеркнем, в рамках развиваемой нами концепции лексем *староста, старейшина, коллега, воевода, голова* (перен.), *расстрига, громила, рубака* и т.п. – мужского рода: *Иванов – моя коллега* – отчетливо ненормативный контекст, говорящий о том, что слово *коллега* не женского рода, тогда как в контексте-ситуации *Знакомьтесь. Зоя Иванова. Мой коллега* – мужской род у *мой* относительно нормативен.

² Мы не имеем в виду специальных биологических контекстов, где различие самок и самцов носит актуальный характер. Например, в определителях птиц, самцы и самки которых часто различаются по внешнему виду, возникает необходимость маркировать половые различия специальными значками.

обнаруживаются и в научном дискурсе (ср. название вида *камышовый кот*), и в дискурсе бытовом (*соседи завели котов*).

Женя (муж.) и **Женя** (жен.), **Седых** (муж.) и **Седых** (жен.). Такого рода пары иллюстрируют параграфы, посвященные общему роду, практически во всех учебниках по морфологии русского языка, где они размещаются в одном наряде с *плакса*, *сирота* и под. При этом не замечается, что их гендерная структура принципиально иная: гендерные семы у них сильные, входят в сигнификативную часть семантики. Следовательно, мужской и женский члены представляют **разные** лексемы и образуют **омонимические** пары, тождественные морфологически **не-омонимическим** парам типа *Евгений – Евгения*, *Петров – Петрова*, *Вагнер* (мужск., скл.) – *Вагнер* (жен., нескл.)¹.

Микроуровень (продолжение)

Гендерная семантика в толковых словарях русского языка

Анализ такого рода, на наш взгляд, должен присутствовать и при лексикографическом описании лексем. В настоящее время в словарях царит разноречивой в подаче сем мужскости и женскости для одушевленных (и смежных с ними) существительных. Это касается не только грамматических помет (*муж.*, *жен.*, *муж.* и *жен.*, *муж* / *жен* и под.)², но и лексической части. В качестве иллюстрации рассмотрим две группы примеров: уже проанализированные *болтушка*, *хохотушка* и *баран*, *овца*.

Болтушка и **хохотушка**. В словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [15] *болтушка* определяется как «то же, что болтун», а *хохотушка* – как «то же, что хохотунья»; на наш взгляд, такие толкования упускают наличие у слов *болтушка* и *хохотушка* более сложной семантической структуры по сравнению с *болтун* и *хохотунья*, в частности присутствие у первых элементов идиоматичности. В МАС [15] *болтушка* толкуется просто как «ласк. к болтун и болтунья», *хохотушка* – «то же, что хохотунья».

Баран и **овца**. В словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [15] у слова *баран* выделяются два значения: 1) животное (с подробным описанием его свойств), 2) самец овцы (при этом сугубо гендерное значение почему-то иллюстрируется агендерными примерами: *глуп, как баран; как баран на новые ворота; стадо баранов; вернемся к нашим баранам* – с неожиданной апелляцией к этимологии этого крылатого выражения). В МАС значение «самец овцы» подается первым номером без примеров, второе значение – животное. При этом и в том и в другом словаре при лексеме *овца* есть описание животного, но нет упоминания о ее «женскости». Таким образом, словари синонимизируют лексемы *баран* и *овца* в безгендерном значении «животное» (для чего есть основания, ср. *баранина* и *овчина*) и весьма невняты в квалифика-

¹ Важно отметить, что двувидовые глаголы без исключения вписываются в «омонимическую схему» – *исследовать* (несов.) и *исследовать* (сов.) представляют собой морфологически разные лексемы. Если трактовать морфологическую лексему как совокупность словоформ, то у двух лексем *исследовать* – сов. и несом. – имеются разные наборы (ср. *исследую* – только несом. и *исследовав* – только сов., *исследующий* – несом. и *исследованный* – несом.).

² Обзор словарных помет такого типа и вывод об их непоследовательности сделаны О.Ю. Горбачкой [2].

ции их гендерных отношений. Из словарных толкований явно вытекает, что *овца* – немаркированный член гендерной оппозиции, а *баран* – маркированный. Это не соответствует наивной картине мира, зафиксированной этими лексемами. Для носителей языка *овца* определено – «самка». Не исключено, что в опросе информантов исследователь получит круговое определение, как это получилось в словаре Д.Н. Ушакова [16]: *петух* – «домашняя птица, **самец кур**, с красным гребнем на голове и шпорами на ногах», а *курица* – «домашняя птица – **самка петуха**»¹. Такой «круг», впрочем, хотя и противоречит дефиниционной технике, весьма ярок в демонстрации сильной семы гендерности и вряд ли противоречит принципам наивной семасиологии.

Микроуровень (продолжение 2). Гендерная семантика слова в контексте: экспериментальное исследование

Необходимость соотнесения словарных описаний семантики слова с наивной картиной мира ставит перед лексикографией особые задачи, решение которых с опорой только на интуицию лексикографа вряд ли возможно. Это касается и оценки наличия / отсутствия, и силы семы гендерности в семантике слова. Здесь необходимо привлечение данных массовых экспериментов представления гендерной семантики в толковых словарях русского языка и сопоставления их с данными, например, ассоциативных словарей.

Обжора. В «Русской грамматике» утверждается, что «в отвлечении от пола называемого существа слова общего рода имеют тенденцию синтаксически функционировать как слова мужского рода; например, в журнальной статье *рыбка*, пролежавшая в пластах третичной формации 60 миллионов лет, названа: "*Древнейший обжора в мире*"» [10. С. 466]. Однако, на наш взгляд, подобное утверждение строится на контексте одного человека, и уверенности в том, что оно совпадает с нормой, сложившейся в массовом обыденном сознании, здесь быть не может.

Для получения массовых данных был проведен ряд опросов² с целью выяснения, действительно ли в повседневной речи для адъективного определения к слову *обжора*, традиционно относимому к общему роду, выбирается форма мужского рода. В качестве респондентов выступили пять групп молодых людей в возрасте от 18 до 25 лет. Респондентам было предложено выбрать тот вариант ответа, который они бы употребили в повседневной речи.

В предложениях слово *обжора* согласовывалось с прилагательным мужского или женского рода. При этом для первой группы подлежащее было выражено существительным женского рода, обозначающим животное без указания его пола (*рыбка*): *Эта рыбка – древнейший обжора в мире. / Эта рыбка – древнейшая обжора в мире.* Для второй группы подлежащее было выражено несклоняемым существительным мужского рода без указания на полную принадлежность (*какаду*): *Ваш какаду – страшный обжора. / Ваш кака-*

¹ Отметим важную деталь в контексте словарного разнообразия в подаче гендерности. У Д.Н. Ушакова гендерное значение дается в ряду характеризующих признаков предмета, для них не выделяется отдельный ЛСВ, как у С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой и в МАС.

² Автор благодарит студентку второго курса Кемеровского госуниверситета Е. Назарову за проведение данных опросов.

ду – страшная обжора. Для третьей и четвертой групп подлежащее было выражено существительными мужского и женского рода соответственно с указанием на половую принадлежность (*брат, сестра*): *Мой друг Кирилл, хоть и обжора, но самый лучший обжора в мире. / Мой друг Кирилл, хоть и обжора, но самая лучшая обжора в мире. // Я не перестаю удивляться своей сестре: она ужасный обжора. / Я не перестаю удивляться своей сестре: она ужасная обжора.*

В опросе 5 предлагалось подлежащее, выраженное существительным среднего рода, с отвлечением от пола.

Соседи купили . . . шкаф. – Соседи купили новый шкаф.

На полу лежит . . . кошка. – На полу лежит сонная кошка.

Мы увидели . . . дерево. – Мы увидели высокое дерево.

Это животное . . . обжора. – Это животное . . . обжора.

Полученные в ходе опросов результаты представлены в следующей таблице:

Род	Опрос 1 («рыбка»)	Опрос 2 («какаду»)	Опрос 3 («брат»)	Опрос 4 («сестра»)	Опрос 5 (животное)
Мужской	6 чел. (12%)	37 чел. (74%)	50 чел. (100%)	5 чел. (10%)	12 чел. (24%)
Женский	44 чел. (88%)	13 чел. (26%)	0	44 чел. (90%)	38 чел. (76%)
Средний	0	0	0	0	0

В опросе 1, в противовес «Русской грамматике», 88% респондентов считают, что слово *обжора* при подлежащем *рыбка* (жен. р., без указания на пол) согласуется с прилагательным женского рода. В опросе 2 14% респондентов указали, что слово *обжора* при подлежащем *какаду* (муж. р., несклоняемое) согласуется с прилагательным мужского рода. В опросе 3 все респонденты ответили, что слово *обжора* при подлежащем *брат* (муж. р.) согласуется с прилагательным мужского рода. В опросе 4 90% опрошенных считают, что слово *обжора* при подлежащем *сестра* (жен. р.) согласуется с прилагательным женского рода. Таким образом, можно сделать вывод, что существительное общего рода *обжора* согласуется с прилагательным в мужском или женском роде в зависимости от контекста.

Наличие контекста и отвлеченность от пола в варианте, предложенном в опросе 5, обусловило постановку прилагательного в женском роде в связи с граммемой женского рода в лексеме *обжора* (полагаем, что контекст *Маша – большой обжора* маловероятен в корректно проведенном опросе). Соответственно, утверждение «Русской грамматике» о том, что «в отвлечении от пола называемого существа слова общ. р. имеют тенденцию синтаксически функционировать как слова муж. р.», можно подвергнуть сомнению в связи с результатами проведенного опроса.

В теоретическом плане опрос показал зависимость рода определяемого слова от контекста. Это, на наш взгляд, еще раз (но уже в другом плане) свидетельствует об отходе в данном фрагменте лексики (агендерных лексем) от принципа жесткой грамматики. Такие «вибрации» граммемы в ответ на запрос контекста говорят об ослаблении прямой формально-грамматической

детерминации, свойственной жесткой грамматике. Хотя по сути согласование в контексте остается, но словом-детерминантой становится отдаленная лексема – *рыбка, какаду, брат, сестра, какаду* (за которым «стоит» *попугай*). В последнем случае находим аналогю влияния на род существительных формально скрытого опорного слова (*Онтарио* – среднего рода, так как озеро, *цеце* – женского, так как муха, *ЦСКА* – мужского, так как клуб, *домище* – мужского, так как *дом* и т.п.). При отсутствии опорного слова в последнем опросе и невозможности согласования по среднему роду с лексемой *животное* задействуются внутренние свойства лексемы, т.е. ее системная граммема.

Заключение

Итак, гендерность представлена в современном русском языке как функционально-семантическая категория с широким диапазоном разнопланового содержания и разноуровневых средств его выражения. План содержания (гендерная семантика) данной категории организуется многими параметрами. Центральным из них является оппозиция гендерности и агендерности. Агендерность широко представлена в сфере одушевленных существительных, в их числе существительных, традиционно относимых к общему роду. Гендерность маркируется на системном уровне наличием гендерной семы в самом лексическом значении, которая может быть сильной и слабой. В денотативно-речевом плане гендерность может быть представлена имплицитно (как знание ситуации) и может эксплицироваться в разных формах, в том числе в виде несогласуемых форм адъективных определений и сказуемых. Грамматическая семантика (морфологический род) существительных существует в лексеме независимо от модуляций денотативно-речевой семантики.

Литература

1. *Голев Н.Д.* Морфологическая сущность существительных так называемого общего рода // *Виноградовские чтения: материалы межвуз. науч. конф.* – Тобольск, 2001. – С. 107–108.
2. *Горбачкая О.Ю.* Отражение гендерно-родовых отношений в системе языка и метаязыковом сознании носителей языка: дис. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 2013. – 229 с.
3. *Трофимова Е.Б.* Существительные общего рода как проблемное поле в лингвистике // *Актуальные проблемы современного словообразования: сб. науч. ст. / под общ. ред. Л.А. Араевой.* – Вып. 4. – Кемерово, 2011. – С. 475–480.
4. *Аксенов А.Т.* К проблеме экстралингвистической мотивации грамматической категории рода // *Вопр. языкознания.* – 1984. – № 1. – С. 14–25.
5. *Ласкова М.В.* Грамматическая категория рода в аспекте гендерной лингвистики: дис. ... д-ра филол. наук. – Ростов н/Д, 2001. – 302 с.
6. *Руденкова М.В.* Проблема семантики грамматической категории рода: подходы и концепции // *Междунар. науч.-практ. (электронный) журнал «Inter-cultur@l-net».* – Вып. 5 [Электронный ресурс]. – URL: <http://vfn.glu.wladimir.ru/Rus/html/journal.htm>
7. *Виноградов В.В.* Русский язык (грамматическое учение о слове). – М.: Высш. шк., 1986. – 640 с.
8. *Норман Б.Ю.* Грамматическая категория рода как фрагмент обыденного метаязыкового сознания // *Обыденное метаязыковое сознание: онтологический и гносеологический аспекты.* Ч. 3 / отв. ред. Н.Д. Голев. – Кемерово, 2010. – С. 87–105.
9. *Павлова Т.С.* Функционирование существительных общего рода в художественном тексте // *Изв. Пензен. гос. пед. ун-та им. В.Г. Белинского.* – 2011. – № 23. – С. 205–207.
10. *Русская грамматика.* – Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – М.: Наука, 1980.

11. Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П. Грамматическая правильность русской речи: Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. – М., 1976. – 458 с.
12. Павлова И.Б. Оценочность существительных общего рода и средства ее выражения // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. – Сер.: Русская филология. – 2010. – № 5. – С. 52–58.
13. Сахарный Л.В. Человек и текст: две грамматики // Человек. Текст. Культура / под ред. Н.А. Купиной, Т.В. Матвеевой. – Екатеринбург, 1994. – С. 7–59.
14. Современный русский язык: в 2 ч. – Ч. 1 / под ред. Э.Д. Розенталя. – М.: Высш. шк. – 1976.
15. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1996. – 928 с.
16. Словарь русского языка: в 4 т. – М.: Рус. яз., 1981–1984.

DOI 10.17223/19986645/26/3

УДК 800

Н.А. Мишанкина, А.И. Деева

НЕФТЕГАЗОВАЯ МЕТАФОРИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ: АСИММЕТРИЧНОСТЬ И ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

В статье рассматриваются метафорические нефтегазовые терминосистемы русского и английского языков с позиции асимметричности и эквивалентности перевода. Описываются типы соотношения нефтегазовых метафорических терминов в русском и английском языках. При анализе асимметричности нефтегазовых терминологических систем предпринимается попытка выявить причины асимметрии. Эквивалентность и асимметричность рассматриваются как два аспекта одной проблемы — проблемы перевода. Устанавливается, на каких уровнях эквивалентность является достижимой.

Ключевые слова: языковая картина мира, научная картина мира, метафорический термин, терминологические системы, нефтегазовая терминология, перевод, асимметричность, эквивалентность перевода.

Настоящая статья отражает результаты исследования метафорической терминологии в русском и английском языках с позиции эквивалентности и асимметричности терминов.

Актуальность предлагаемого исследования обусловлена все возрастающим интересом к роли метафорической концептуализации в познании. Современные исследования в области терминоведения и лингвистики в целом [1–6] показывают, что терминосистемы самых различных научных дисциплин содержат значительное количество метафорических терминов. Наличие метафорической терминологии интерпретируется рядом исследователей [5, 7–10] с позиции реализуемой метафорой гносеологической функции. Понятие научной метафоры является относительно новым, так как формируется в работах философов и лингвистов конца XX в., таких как Х. Ортега-и-Гассет, С.С. Гусев, Н.Д. Арутюнова и др. [7–10]. Но сегодня можно с полной уверенностью утверждать, что метафора в современной гуманитарной науке осмысливается как неотъемлемая часть научного мышления и, соответственно, научного дискурса. Н.Д. Арутюнова пишет: «В метафоре стали видеть ключ к пониманию основ мышления и процессов создания не только национально-специфического видения мира, но и его универсального образа. Метафора тем самым укрепила связь с логикой, с одной стороны, и мифологией – с другой» [7. С. 14]. В научном дискурсе именно метафора способствует созданию новых гипотез и представлений о мире, позволяет иначе взглянуть на привычный объект. «Здесь происходит отождествление двух заведомо различных предметов или явлений. Научная метафора развивается от более сильного утверждения к слабому, от большего к меньшему. Сначала утверждается полное тождество, потом это же тождество отрицается, сохраняя в силе утверждение для *некоторой* части объекта» [9. С. 74]. В настоящее время идет активное исследование терминосистем различных наук в аспекте метафорич-

ности [6, 11–13]. Указанные работы, посвященные метафорическим аспектам терминообразования, позволяют сделать вывод о том, что базовыми понятиями в образовании терминов-метафор выступают *человек, природа, фауна, флора, война, ландшафт, артефакты (ткань, пища, архитектура и др.)*. Также активно исследуется и обсуждается вопрос о степени образности метафорического термина. В работе О.В. Галкиной представлены результаты психолингвистического эксперимента, в ходе которого выявились особенности идентификации метафорических именованных интерфейса начинающими пользователями. Результаты эксперимента показали, что «80% всех дефиниций были даны с опорой на первичное значение, т.е. встраивали представление о новом понятии на основании известного им из опыта общения» [11. С. 15]. При этом тексты интерпретаций содержат единицы, входящие в понятийную область-источник. Например, в определении того, что такое вирус, информанты давали следующие ответы: *посылается по электронной почте; «цепкий»*; *быстро распространяющийся*; *можно подцепить, работа в Интернете*; *болезнь машины*; *программа-паразит*; *заразный*; *что-то плохое*; *что-то страшное*.

Нужно отметить, что изучение отраслевой терминологической лексики становится актуальным и перспективным направлением современной лингвистики. При общем высоком уровне интереса к научной метафоре и терминологии мы можем отметить недостаточную изученность принципов функционирования метафорической терминологии нефтегазовой промышленности с точки зрения соотношения терминов, представленных в терминологических системах двух языков в аспекте метафорической концептуализации. Нефтегазовая терминология ранее была исследована как в русском, так и в английском языках [14–18] однако никогда ранее не был описан метафорический пласт.

Целью настоящей статьи является рассмотрение терминосистем нефтегазовой лексики русского и английского языков в аспекте соотношения метафорических и неметафорических терминов.

Объектом исследования является метафорический фрагмент нефтегазовой терминологической системы в русском и английском языках. Предмет исследования – асимметричная организация фрагментов русской и английской нефтегазовой терминосистем. В процессе рассмотрения метафорической терминологии обозначилась проблема эквивалентности перевода нефтегазовых метафорических терминов.

Материалом исследования послужила метафорическая терминология русской и английской терминосистем, извлеченная методом сплошной выборки из терминологических словарей по нефти и газу, а также профессиональных словарей, созданных переводчиками нефтяных компаний для внутреннего пользования. Именно представление терминов в переводных словарях [19–24] обозначило проблему эквивалентности, так как эквивалентность является одним из критериев успешно выполненного перевода.

Наиболее релевантной методологической базой для нашего исследования мы считаем теорию концептуальной метафоры [25], понимаемую нами вслед за целым рядом исследователей (Дж. Лакоффом, М. Джонсоном, Н.Д. Арутюновой, З.И. Резановой и др.) как базовая концептуальная модель, основан-

ная на аналогии и позволяющая осмыслить объекты (явления, сущности) на основе знаний о других объектах (явлениях, сущностях). В результате метафорической проекции происходит перенос из понятийной сферы-источника в понятийную сферу-мишень. Переносу подвергаются сформировавшиеся в результате опыта взаимодействия человека с окружающим миром элементы сферы-источника, которые и структурируют менее известную сферу-мишень. Этот механизм, описанный Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [25], составляет сущность когнитивного потенциала, которым обладает метафора.

Термин – это «слово (словосочетание) метаязыка науки и приложений научных дисциплин, а также слово, обозначающее специфические реалии областей конкретной практической деятельности человека» [26. С. 89], и практически все исследователи называют в качестве основной функции терминологического именованя фиксацию понятия. Нефтегазовая лексика представляет собой сложно организованный пласт технической лексики, в ней присутствуют заимствования из других отраслей промышленности, из других языков, неологизмы, обусловленные динамичным технологическим прогрессом, значительная доля метафорических терминов, образованных за счет переосмысления лексических ресурсов национального языка.

В нашем исследовании мы рассматриваем метафорический научный термин в рамках системы, как системный объект: «...научная терминология должна представлять собой не простую совокупность слов, а *систему* слов или словосочетаний, определенным образом между собой организованных» [27. С. 67]. Метафорические термины являются неотъемлемым компонентом терминологической системы. Несмотря на то, что термины дают точное обозначение предмета или явления, метафорическая терминология играет важную роль в процессе формирования нового знания: «...метафора в научном тексте снимает прежнее ограничение на форму описания объекта, а с другой – привносит в описание некую гипотетическую определенность, приписывая объекту одной области ранее не выявленные у них свойства, метафора как бы своеобразно направляет научный поиск на обнаружение новых свойств предметов» [8. С. 128].

Мы полагаем, что наличие метафорической терминологии в терминосистемах научных дисциплин можно объяснить тем, что каждая наука развивается в рамках определенного этнокультурного образования, ее язык формируется в тесной связи с общенациональным языком. С одной стороны, научная картина мира – это универсальная система, отражающая результаты познавательной деятельности человечества в целом. Но с другой – она является дискурсивным вариантом общенациональной картины мира в рамках одного национального языка и не может не отражать специфики мировосприятия, присущей тому или иному национальному менталитету, хотя при этом стремится к нивелированию этнических различий.

Еще В.В. Виноградов отмечал теснейшую связь научной терминологии с национальным языком: «Между словарем науки и словарем быта – прямая и тесная связь. Всякая наука начинается с результатов, добытых мышлением и речью народа, и в дальнейшем своем развитии не отрывается от народного языка. Ведь даже так называемые точные науки до сих пор удерживают в своих словарях термины, взятые из общенародного языка (вес, работа, сила,

тепло, звук, свет, тепло, отражение и т.п.). Еще большее значение имеет народное мышление и созданная им терминология для наук общественных и политических» [28. С. 164].

Мы полагаем, что познавательная деятельность носит более глубокий и глобальный характер, нежели деятельность научная, потому что познавательная деятельность представляет собой значительно более древний вид деятельности. Чилийские нейробиологи У. Матурана и Ф. Варела, рассматривая глубокие биологические основания феномена познания, отмечают, что познание присуще всему живому на земле, познание – это «эффективное действие, которое позволяет живому существу продолжать свое существование в определенной окружающей среде, той, которая рождает мир этого существа» [29. С. 26]. Именно уровень познавательной деятельности обеспечивает успешность существования всего живого.

Познавательная деятельность, в свою очередь, может быть реализована в ряде форм, одна из них – наука. Однако У. Матурана и Ф. Варела подчеркивают родство науки и других форм познания мира и делают вывод о том, что алгоритм научного логического мышления «не чужд нашему повседневному мышлению. Мы часто прибегаем к нему, объясняя различные явления – от поломки автомашины до президентских выборов. Ученые отличаются только тем, что стремятся быть последовательными и точно формулируют свои утверждения на каждом этапе. Они документально фиксируют свои наблюдения, чтобы создать традицию, выходящую за рамки одной личности или одного поколения» [29. С. 25]. Близость когнитивных моделей эпистемологии и «наивной» гносеологии отмечается также в работах ученых-лингвистов [1, 26].

Мы полагаем, что следует помнить о том, что научная картина мира создавалась и продолжает создаваться индивидами — учеными, обладающими индивидуальной картиной мира, индивидуальным стилем мышления, но сформировавшимися в рамках определенной национальной картины мира, включающей и формы мышления о нем, стереотипы, устойчивые образные формы его отражения. Именно поэтому многие исследователи говорят об этнической специфике науки, не только гуманитарного профиля, но даже об этноматематике. Ю.Н. Манин в работе «Математика как метафора» приводит мнение Дж. Р. Ньюмана, высказанное им в 1956 г. по поводу папируса Ринда – древнеегипетского руководства по математике, написанного около 1700 г. до н. э.: «Похоже, что должным образом оценить египетскую математику можно только при условии гораздо более широкого и глубокого понимания человеческой культуры, чем то, на которое претендуют и египтологи, и историки математики. На вопрос, как египетская математика соотносится с вавилонской, месопотамской или греческой, ответить относительно легко, но этот вопрос не слишком важен. Интереснее было бы понять, почему у египтян получилась математика именно такого вида, до какой степени она помогает понять их культуру, как ее можно связать с их социально-политическими институтами, с их религиозными верованиями, экономической практикой, повседневными привычками. Только при этом условии египетскую математику можно оценить по справедливости». А уже к 1990 г., пишет Ю.Н. Манин, «сформулированный в этой цитате подход стал широко распространенной парадигмой; Д'Амброзио назвал его «этноматематикой» [30. С. 45]. Исследователь выдвигает предположение, что

этнокультурная специфика математики связана с системой ценностей, а следовательно, и с культурной моделью мира.

Таким образом, можно говорить о том, что индивидуальное научное творчество осуществляется на базе когнитивных механизмов индивидуально-го и национального характера, но необходимо должно получать оформление в рамках порядка дискурса.

Мы исследуем терминологические системы, выработанные в рамках отдельных *национальных вариантов* одной научной дисциплины, а это, в свою очередь, представляет собой «*информативный инвариант* в национальной языковой оболочке» [1. С. 22]. И в этой связи рассматриваем их как специфические подсистемы, выработанные в рамках национальных языковых картин мира. Специфика языковых картин мира наиболее ярко проявляется в метафорической концептуализации. Именно этим, с нашей точки зрения, и обусловлена асимметричность метафорических фрагментов нефтегазовых терминосистем русского и английского языков.

В процессе анализа эмпирического материала – сопоставления метафорических фрагментов терминосистем – стало очевидно, что метафорические термины в двух языках являются асимметричными, что свидетельствует о различиях в структурировании человеческого опыта и культурном дистанцировании.

Асимметрия терминологических систем двух языков проявляется уже на этапе сопоставления отдельных терминов, что свидетельствует о *количественной асимметрии*: в количественном соотношении наблюдается преобладание метафорических терминов в английском языке – на настоящий момент исследования их выявлено 248, в то время как в русском языке их насчитывается лишь 132. *Качественная асимметрия* раскрывается в двух основных типах соотношений метафорических терминов в двух языках. Назовем их.

Первый тип – «**метафора – прямая номинация**». Данный тип соотношения наблюдается в случаях, когда англоязычный термин представлен метафорой, а русский – прямой номинацией: *rabbit* (*кролик*) – *скребок для чистки трубопровода*; *deadwood* (*сухостой*) – *якорь для крепления оттяжки*; *godevil* (*иди-дьявол*) – *сбрасываемое в скважину устройство*; *monkey board* (*обезьянья доска*) – *площадка для верхового рабочего*; *dog house* (*собачья будка*) – *бытовка*; *crow nest* (*воронье гнездо*) – *верхняя площадка на вышке*; *pig tail* (*свиной хвост*) – *наземный кабель (подведенный к кабельному вводу и имеющий специальный проем)*; *thief* (*вор*) – *резервуарный пробоотборник*; *stripper* (*стриптизер*) – *истощенная скважина* и др. Обратных случаев соотношения, когда русский термин представлен метафорой, а английский – прямой номинацией, нами выявлено не было. Следует также отметить, что среди проанализированных словарных данных подобных терминов – большинство.

Второй тип соотношения – «**метафора – метафора**» – представлен тремя подтипами:

Первый подтип включает русские и английские термины, которые репрезентируют одинаковые понятийные сферы, т.е. метафорический образ в английском термине соответствует метафорическому образу, который мы наблюдаем в русском термине. Например: *рыбалка* – *fishing* (*рыбалка*), *приток* – *inflow* (*приток*); *башимак* – *shoe* (*ботинок*); *таpelка* *ректификационной колонны* – *dish*

(тарелка); плечо – *shoulder* (плечо), палец – *finger* (палец), вертлюг – *swivel* (вертлюг). Такие метафоры можно назвать **симметричными**.

Второй подтип представлен терминами, в которых исходная понятийная сфера общая, но актуализированы разные ее фрагменты, образы, так как они являются естественными для носителей определенной культуры. В качестве примера приведем следующие пары метафорических терминов: *коленце* – *dogleg* (собачья лапа); *рейс* – *roundtrip* (поездка в оба конца); *муфта* – *collar* (ворот) и др. Как можно убедиться, понятийные сферы, служащие источником метафорической номинации, идентичны, но различие наблюдается в деталях: человеческая конечность и конечность животного, поездка в два направления и циклический характер поездки, детали одежды. Полагаем, что данный подтип можно обозначить как **частично симметричный** термин.

Третий подтип содержит русские и английские метафорические термины, в которых наблюдается несовпадение исходных понятийных сфер и, соответственно, образов: *шайба* – *washer* (мойщик); *амбар* – *swamp* (болото); *стакан* – *bucket* (ведро), *подсвечник* – *derrick floor* (пол виселицы); *фонтанная арматура* – *Christmas tree* (рождественское дерево) и т.д. В данном случае мы имеем дело с **асимметричной** метафорической терминологией.

В представленных выше примерах мы наблюдаем качественную асимметрию метафорических терминов двух терминосистем. Несмотря на позиционирование науки как сферы, в которой нивелируются этнокультурные различия, терминосистемы несут на себе отпечаток языковой культуры народа, являются асимметричными, что влечет проблемы в переводе и, следовательно, проблемы в научной коммуникации.

С нашей точки зрения, именно это является причиной сложностей в установлении эквивалентности терминов при переводе. Технический перевод требует однозначности, что обусловлено «порядком» данного дискурса. Но выявленная специфика метафорической терминологии показывает, что достижение эквивалентности становится проблемой, так как прежде чем перевести термин, необходимо понять метафорический образ, скрывающийся в его смысловой структуре.

По мнению П. Ньюмарка, несмотря на то, что переводчик передает актуальный смысл термина, а не его внутреннюю форму, для него важно осознать, какой семантический объем метафоры следует подвергнуть переводу [31]. В ситуации, когда требуется перевести метафорический термин, а словарь не дает прямого соответствия английскому термину, переводчик должен прибегнуть к описательному переводу, точно передающему смысл, однако метафорический образ будет утерян. Такой подход к переводу называется экспликацией, или описательным переводом. Переводчик вынужден производить лексико-грамматическую трансформацию. Более того, при такой трансформации лексическая единица исходного языка будет заменена словосочетанием, эксплицирующим ее значение, т.е. будет дано более или менее полное объяснение данной лексической единицы на языке перевода. Этот подход является решением при работе с безэквивалентной терминологией. Одним из существенных недостатков такого подхода является громоздкость и многословность [32. С. 251].

В теории перевода существуют две позиции относительно перевода метафоры. Согласно первой позиции «концептуальный сдвиг» в двух языках не будет наблюдаться, когда проецирование из одной области в другую в двух языках изоморфно (см. первый подтип соотношения терминов «метафора – метафора»). В этом случае проблема эквивалентности не актуализирована. Если же проецирование из одной области в другую в двух языках различно, мы можем говорить о наличии «концептуального сдвига» (см. второй и третий подтипы соотношения «метафора – метафора»), что влечет за собой проблему выбора адекватной единицы при переводе, создает проблему эквивалентности.

Так как мы рассматриваем термины с позиции переводчика, необходимо сказать об *уровнях* эквивалентности выявленных типов и подтипов соотношения терминов из двух терминосистем. Определенный тип эквивалентности актуален для определенного подтипа соотношения метафорических терминов. В.Н. Комиссаров говорит о шести уровнях эквивалентности метафоры при переводе любых текстов [32. С. 13]. П. Ньюмарк, говоря о том, что перевод метафоры напрямую предопределен типом текста, в котором она употребляется, различает два типа текстов: информативные и экспрессивные [33. С. 56]. Обращаясь к текстам по нефтегазовой тематике, приходится констатировать их информативную направленность, что свойственно любым научным текстам, поэтому уровни эквивалентности, актуальные для экспрессивных текстов, в данном случае не значимы. В связи с этим эквивалентность технического термина проявляется только на трех уровнях.

Самый высокий, **третий, уровень эквивалентности** демонстрируют метафоры первого подтипа соотношенности терминов, когда обе концептуальные сферы – сфера-источник и сфера-мишень совпадают: *рыбалка – fishing (рыбалка)*, *приток – inflow (приток)*; *башмак – shoe (ботинок)*; *тарелка ректификационной колонны – dish (тарелка)*; *плечо – shoulder (плечо)*, *палец – finger (палец)*, *вертлюг – swivel (вертлюг)* и др.

Второй уровень эквивалентности объединяет метафорические термины, представленные во втором и третьем подтипах – частично симметричные и асимметричные термины. Неэквивалентность (неполная эквивалентность) исходной сферы (образа) метафорической номинации приводит к *реметафоризации*: *goose neck (шея гуся) – горловина вертлюга*.

Первый уровень эквивалентности, самый низкий, проявляется в случаях, когда термин, в одном языке (в нашем исследовании – в английском) представленный метафорой, переводится на другой (русский) прямой номинацией, описательно. Таким образом, происходит *деметафоризация*, утрата первоначального метафорического образа: *ram (баран) – плашка (запорный элемент противовыбросового превентора)*; *pig (свинья) – трубопроводный скребок*; *horrer (прыгун) – загрузочный люк*; *fish up (выловить) – выловить инструмент из скважины* и др.

Итак, в результате анализа терминологических метафор английской и русской нефтегазовой терминологии становится очевидной количественная и качественная асимметрия терминосистем, вместе с тем можно отметить проблему эквивалентности терминов. Отсутствие эквивалентности является следствием асимметрии, а основополагающая причина асимметрии метафо-

рических терминов – различие в формировании и интерпретации человеческого опыта. Говоря о диссонансе в видении мира, мы имеем в виду, что для наименования того или иного объекта представители разных наций будут опираться на разные исходные понятийные области. В результате мы наблюдаем межъязыковую асимметрию. Как отмечает О.А. Корнилов, эта асимметричность проявляется «не просто в том, что один язык покрывает определенный фрагмент семантического пространства с помощью одного понятия... а в том, что фокусы (центральные понятия) категорий не совпадают по объему значения [1. С. 200].

За асимметричными терминологическими системами двух языков стоит национальная научная картина мира, структура и состав которой определяются формой национального языка. Научная национальная картина мира оформляется средствами национального языка, следовательно, несет отпечаток специфики определенного мировосприятия, образности мышления, менталитета и характера, что находит отражение в терминологии и тем более в метафорической терминологии. В результате анализа метафорических терминов английской и русской нефтегазовой терминологии становится очевидным, во-первых, их количественное несоответствие – превалирование англоязычных терминов; во-вторых, различие культурных фонов, лежащих в основе сфер-источников, фундирующих метафорический термин. Следовательно, можно сделать вывод о том, что метафорические терминосистемы двух языков асимметричны, что порождает проблему эквивалентности перевода.

Эквивалентность при переводе метафор достижима, однако осуществляется она на разных уровнях. В превалирующем большинстве проанализированных словарных данных мы наблюдаем эквивалентность на самом низком уровне, когда нивелируется образ, взятый за основу для термина-метафоры, и производится описательный перевод термина.

Литература

1. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ЧеРо, 2003.
2. Резанова З.И. Метафора в лингвистическом тексте: типы функционирования // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2007. – №1. – С. 18–29.
3. Никитина С.Е. Семантический анализ языка науки: на материале лингвистики. – 2-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.
4. Прохорова В.Н. Русская терминология (лексико-семантическое образование). – М.: Филологический факультет, 1996.
5. Мишанкина Н.А. Метафора в терминологических системах: функции и модели // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2012. – № 4 (20). – С. 32–46.
6. Овсянникова В.В. Метафорические модели терминообразования научного геологического дискурса (сферы-источники «Артефакт», «Животное», «Растение») // Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики: Материалы конф. молодых ученых, 2 апреля 2010 г. – Томск, 2010. – Вып. 11, т. 1: Лингвистика. – С. 160–165.
7. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990.
8. Гусев С.С. Наука и метафора. – Л., 1984.
9. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры / сост. Н.Д. Арутюнова. – М., 1990. – С. 68–82.
10. Петров В.В. Научные метафоры: природа и механизм функционирования // Философские основания научной теории. – Новосибирск, 1985. – С. 196–220.

11. *Галкина О.В.* Метафора как инструмент познания (на материале терминов-метафор компьютерного интерфейса): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2004.
12. *Дудецкая С.Г.* Метафора как способ терминообразования (на материале английской терминологии челюстно-лицевой хирургии и стоматологии): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2007.
13. *Уткина Т.И.* Метафора в научно-популярном медицинском дискурсе (семиотический, когнитивно-коммуникативный, прагматический аспекты): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Пермь, 2006.
14. *Думитру Е.Ш.* Структурно-семантический анализ русской терминологии нефтедобычи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2009.
15. *Панкратова Е.А.* Сравнительно-сопоставительный анализ развития терминологии "нефть и нефтепродукты" в английском и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2005.
16. *Смагулова А.С.* Специфика терминологического поля в области нефти и газа (на материале английского и казахского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Алматы, 2010.
17. *Сулэйманова А.К.* Терминосистема нефтяного дела и ее функционирование в профессиональном дискурсе специалиста: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Уфа, 2006.
18. *Юнусова И.Р.* Семантическая диффузия в английском и русском технических терминах на материале нефтегазовой терминологии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2010.
19. *Белоусов В.С.* Нефтегазовая промышленность: Основные процессы и англо-русская терминология. — М.: ООО «Техинпут», 2006.
20. *Булатов А.И.* Англо-русский словарь по бурению и заканчиванию скважин. – М.: Недра, 1991.
21. *Глоссарий геологических терминов по профессиональному английскому языку / сост. Р.Н. Абрамова, А.Ю. Фальк.* – Томск: Изд-во Том. гос. политехн. ун-та, 2006.
22. *Тимофеев В.А.* Краткий геологический словарь (русско-английский). – М.: АО «Гвант», 1996.
23. *Матвейчук А.А., Ромашов А.И., Копышевский В.В.* Краткий англо-русский тематический словарь нефтяника и газовика. – М.: Магистерיום, 1995.
24. *Уткин И.А.* Англо-русский терминологический словарь по геолого-поисковому бурению. – Л.: Гос. науч.-техн. изд-во нефтяной и горно-топливной литературы, 1963.
25. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. – М.: УРСС, 2004.
26. *Баранов А.Н.* Введение в прикладную лингвистику. – М.: УРСС, 2001.
27. *Лотте Д.С.* Некоторые принципиальные вопросы отбора и построения научно-технических терминов. – М.: Изд-во АН СССР, 1961.
28. *Виноградов В.В.* Основные типы лексических значений слова // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М., 1977. – С. 162–189.
29. *Матурана У., Варела Ф.* Древо познания / пер. с англ. Ю.А. Данилова. – М.: Прогресс-Традиция, 2001.
30. *Манин Ю.И.* Математика как метафора. – М.: МЦНМО, 2008.
31. *Newmark P.* A Textbook of Translation. – Harlow: Pearson Education Limited, 2008.
32. *Комиссаров В.Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты). – М.: Высш. шк., 2000.
33. *Newmark P.* The Translation of Metaphor // Approaches to Translation. – N.Y., 1998.

DOI 10.17223/19986645/26/4

УДК 519.25:004.8 +81.13

З.И. Резанова, А.С. Романов, Р.В. Мещеряков

О ВЫБОРЕ ПРИЗНАКОВ ТЕКСТА, РЕЛЕВАНТНЫХ В АВТОРОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье анализируется результативность вовлечения разнотипных признаков текста в автороведческую экспертную деятельность, осуществляемую с привлечением количественных методов анализа, разрабатываемых в теории информации и интеллектуальном анализе данных. Характеризуется релевантность количественных методов анализа языковых элементов текстовой структуры (единицы означивания, в том числе фонетико-графические элементы, элементы грамматики текста), а также собственно текстовых признаков (структура и графическое оформление, метаданные документа). Противопоставляются параметры, количественная квалификация которых проявляет диагностическую силу относительно широкого спектра текстов, и параметры, действенность которых зависит от конкретных целей атрибуции, своеобразия анализируемых текстов и их авторов.

Ключевые слова: автороведческая экспертиза, стилометрия, междисциплинарные методы исследования, информатика, интеллектуальный анализ данных, авторская атрибуция текста.

Вопросы авторской атрибуции текста относятся к числу проблем, которые могут быть поставлены и разрешены как междисциплинарные с опорой на теоретико-методологический аппарат юриспруденции, лингвистики, информатики. Данные науки занимают вполне определенные позиции относительно рассматриваемой проблемы: необходимость авторской идентификации текста актуализируется в области юридической (реже – филологической) практики, разрешается она с привлечением количественных методов анализа, разрабатываемых в теории информации и интеллектуальном анализе данных, параметризация текста осуществляется с опорой на результаты лингвистического анализа. Однако мы полагаем, что в настоящее время не достигнута искомая степень интеграции данных наук: лингвисты в анализе не используют потенциал количественных методов анализа, разработанных в современной теории информации, пользуясь элементарными количественными подсчетами, оперируя, как правило, понятиями относительного преобладания того или иного свойства/признака текста. Специалисты в области теории информации не учитывают результаты лингвистических исследований в области теории языковой личности, лингвоперсонологии, лингвистики текста, стилистики. Именно недостаточная интегрированность методов и приемов автороведческих исследований, проводимых представителями разных наук, на наш взгляд, замедляет прогресс в данной научной сфере.

В статье обсуждается одна из проблем автороведческой экспертизы – выбор единиц текста, количественный анализ которых может быть наиболее эффективным, с позиций задач, *разрабатываемых и решаемых в теории информации и интеллектуальном анализе данных* в общем проблемном поле авторской атрибуции текста. Так как данные задачи по своему целеполага-

нию непосредственно соотнесены с рядом смежных проблем, решаемых собственно лингвистическими методами, мы полагаем, что вовлечение в обсуждение данных проблем лингвистов было бы весьма полезным. Данная статья, написанная лингвистом и специалистами в области информатики, и инициирует такое обсуждение в научном лингвистическом издании.

Выбор языковых характеристик авторского стиля является важнейшим этапом при идентификации авторства текста. По подсчетам Дж. Рудмана [1], для идентификации автора разными исследователями используется порядка тысячи различных групп характеристик. Уже этот факт косвенно свидетельствует, во-первых, об объективных причинах такого исследовательского разнообразия – это показатель реальной сложности, многомерности текста, обуславливающего необходимость проверки релевантности разного рода единиц в данном аспекте, их способности быть устойчивым показателем своеобразия авторского стиля. Во-вторых, это показатель того, что данное направление науки находится в ситуации становления и далеко от разрешения поставленной проблемы. В-третьих, многообразие выделяемых единиц, лишь частично пересекающихся в практике автороведческой экспертизы, свидетельствует о различии типов текстов, с которыми работают авторы, и о разнообразии конкретных задач, решаемых исследователями.

Актуализация вопроса о составе единиц, диагностирующих своеобразие авторского стиля, может быть связана с разрешением разнонаправленных задач: либо с поиском признаков текста, релевантных при решении конкретной исследовательской задачи, либо с выявлением относительно универсального набора признаков (при этом принципиален вопрос о степени универсальности такого корпуса). Решение второй задачи имеет и общетеоретическую, и практическую направленность и связано с частными языковедческими направлениями: теорией текста, лингвоперсонологией, лингвистикой универсалий и рядом других направлений. Выделение такого набора признаков опирается на знания об универсальных свойствах языков, о наличии в них типовых единиц, не зависящих от глобальных типологических языковых различий. Актуален этот вопрос вследствие того, что в поле зрения европейских исследователей находятся, как правило, языки флективного типа. В известных нам работах не приводятся данные о наборе признаков текста, написанных на языке, к примеру, изолирующего типа. Данное замечание также применимо и к признакам графического оформления текста: в имеющейся в нашем распоряжении литературе обсуждаются особенности графического облика текста, написанного в звукобуквенных системах письма (ср. глобальные отличия текста, написанного на основе иероглифики и звукобуквенной графики).

Значимы и менее «сильные» различия синтетичности и аналитичности в области флективных языков: в последнем случае исследователи могут работать кооперативно, так как накопленные данные о верификационной силе параметра, доказанной для одного типа языков, могут быть проверены относительно другого (см. об этом далее). В настоящее время в том случае, когда говорят об универсальном наборе признаков, как правило, имеют в виду их набор для текстов разных стилей и жанров в пределах *одного языка*. И это во многом обусловлено тем, что стилометрия сложилась как практически ориен-

тированная отрасль знания, область задач которой ограничивалась данными одного этнического языка. Однако и при работе с текстами одного языка проблему составляет соотношение универсальности параметров текста, способных устойчиво идентифицировать речевое произведение автора безотносительно к смене его коммуникативных позиций, речевых жанров, и свойств текста, наиболее результативно «работающих» при решении частных исследовательских задач. Эта проблема в наибольшей степени актуализировалась в настоящее время, когда стилометрия из сферы филологической квалификации текста (в начале решались задачи определения авторов художественных текстов) все более перемещается в область криминалистической экспертизы, что предопределяет вовлечение в сферу анализа текстов новых систем коммуникации – обыденных письменных, электронной коммуникации и т.д.

В данной статье, обсуждая вопросы выбора единиц текста, вовлекаемых в анализ при автороведческой экспертизе, которая осуществляется с привлечением количественных методов анализа, разрабатываемых в теории информации и интеллектуальном анализе данных, остановимся на следующих аспектах: проверенность результативности признака на материале конкретных языков; релевантность признака при анализе текстов разных стилей и жанров, при решении конкретных исследовательских задач; наличие или отсутствие осложняющих факторов при выборе конкретных единиц, выступающих в качестве параметра идентификации автора.

Признаки текста, используемые в настоящее время для идентификации автора, можно разделить на группы и подгруппы (рис. 1).

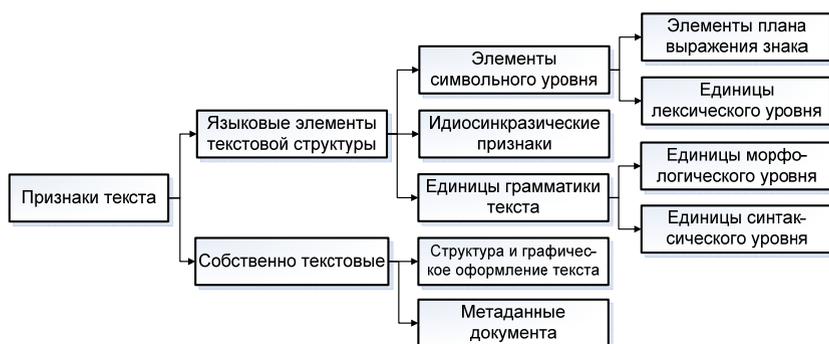

Рис. 1. Типы признаков текста, используемых в автороведческой экспертизе

Языковые и собственно текстовые признаки могут быть как формальными, так и формально-семантическими. Как показал анализ, признаки выделенных групп в разной степени обнаруживают контекстную и конситуативную зависимость.

1. Языковые элементы текстовой структуры

1.1. Единицы символического уровня

На этом уровне выявляется специфика номинативного состава текста в широком смысле этого слова, анализ ведется по формальным и формально-

семантическим единицам означивания. В группу включаются собственно знаковые единицы и элементы плана выражения знаковых единиц.

1.1.1. Прежде всего в методиках этого типа выявляется специфика текста на уровне *единиц плана выражения*: буквенный состав, распределение слов по длине и др.; анализируются как частота появления отдельных символов, так и их последовательность с детализацией по цифрам, буквам, знакам пунктуации, а также наиболее частых *N*-грамм символов вместо использования полного набора [2–9]. Кроме того, каждое слово имеет такие свойства, как, например, количество слогов или определенных морфем и т.д. Простейшие свойства слов в той или иной мере использовались в автороведческой экспертизе в сочетании со статистическими мерами [10, 11], однако, как правило, проигрывали более простым в плане трудоемкости извлечения/анализа признакам.

Исследования отечественных и зарубежных авторов свидетельствуют, что данная группа признаков нередко является более информативной при идентификации автора, чем признаки высоких уровней, причем данный принцип работает для многих языков, в числе которых английский, датский, русский, итальянский, греческий и др.

Высокая релевантность этих параметров определяется и тем, что, будучи собственно формальными, эти признаки в обычных условиях речепорождения не рефлексированы коммуникантами, вследствие чего вероятность намеренного моделирования текста по данным параметрам практически равна нулю.

Вследствие их принадлежности к низшему уровню языковой системы высока вероятность их инвариантного проявления в текстах разной жанровой и стилиевой принадлежности одного автора.

Информативность данной группы признаков определяется и тем, что для выявления статистических закономерностей в области графического, собственно символического аспекта достаточными являются тексты меньшей длины, нежели при установлении статистики относительно единиц высших уровней языковой системы.

Преимуществом использования символов и их последовательностей является простота анализа. Любой программист способен написать компьютерную программу, подсчитывающую частоту появления символов в тексте, немаловажно и то, что при членении текста на единицы данного текстового среза, как правило, программисту нет необходимости опираться на сугубо специфические лингвистические знания.

1.1.2. Одним из самых простых способов, позволяющих подтвердить или опровергнуть авторство текста, считается использование характерных *особенностей словаря автора*. В данном случае слово интерпретируется не как последовательность графических символов, а как двусторонняя единица лексической системы, маркированная не только семантически, но и функционально-стилистически.

В автороведческой экспертизе словарный срез текста анализируется как минимум в двух аспектах.

Во-первых, выявляется использование *определенных слов автором*, которое может быть явным признаком его индивидуальности. Человек, обладаю-

щий богатым словарным запасом, выражает свои мысли, как правило, более емкими словами и фразами, наиболее близкими к описываемой ситуации, его речь последовательна и выразительна. Люди с небольшим словарным запасом вынуждены ограничиваться повторением одних и тех же слов, отчего их устная и письменная речь выглядит более примитивной.

По словарю текста можно судить об историческом времени, в которое был написан документ, так как все его слова на момент написания уже должны были существовать и, вероятнее всего, входили в активный словарь. Специфические слова могут означать принадлежность автора к определенной группе: по профессионализмам можно судить о профессии автора, уровне образования, по диалектизмам – о географическом месте, в котором вырос автор или жил во время создания текста, жаргонизмы позволяют судить об уровне культуры человека и т.д.

Данный прием автороведческой экспертизы более других соотнесен с практикой исследования идиостиля автора в филологических работах. Однако отметим проблемность использования описанного подхода в автороведческой экспертной деятельности, что, на наш взгляд, определяется рядом факторов. Во-первых, ярких характерных особенностей лексикона у текста, равно как и у автора, может и не быть. Во-вторых, если текст имеет выраженные особенности, то существует большая вероятность их намеренного моделирования. К недостаткам следует также отнести и тот факт, что выявление отличительных черт авторского лексикона во многом носит субъективный характер, зависит от личности исследователя. Кроме того, данный признак проявляет значительную зависимость от смены темы и жанра коммуникации (данное замечание справедливо прежде всего относительно знаменательных единиц, но в целом относится к единицам всех грамматических классов) и, вследствие этого, не может выступать в качестве надежного идентификатора при вовлечении в экспертизу разножанровых текстов одного автора. Существенным ограничением применения данного приема в автороведческой экспертизе, осуществляемой с привлечением количественных методов анализа, разрабатываемых в теории информации и интеллектуальном анализе данных, является и необходимость привлечения к статистическому анализу значительного по объему корпуса текста. Вследствие этого данный прием используется и апробируется, как правило, при определении авторов художественных текстов. Однако с приведенными выше ограничениями прием может быть использован и используется в стилометрии. Фактором, стимулирующим использование данного приема специалистами в области информационных систем, является и то, что при обработке текста в аспекте частотности корпус анализируемых текстов не нуждается в специальной лингвистической разметке.

Во-вторых, в автороведческой экспертизе, осуществляемой на основе последовательного применения количественных методов, при обращении к лексическому уровню текста широко распространено *выявление частотности слов*. Так, в качестве признаков стали использоваться слова (или признаки слов), сгруппированные по частоте встречаемости в тексте. Наиболее типичными для текста являются группы слов, встретившиеся в нем один (нарах legomena) или два раза (dis legomena), – такие слова, как правило, преобладают в большинстве текстов, и чаще всего это знаменательные слова. Неболь-

шая по составу группа служебных слов характеризуется значительной повторяемостью в тексте, и по этой причине, частотность служебного слова может значительно варьироваться в разных текстах.

Например, мерой, учитывающей описанное выше распределение, является оценка, предложенная Юлом (G.U. Yule) в работе [12]:

$$K = 10^4 (\sum i^2 V_i - N) / N^2,$$

где V_i – количество слов, встретившихся в тексте i раз, N – количество слов в тексте.

Оценку K можно интерпретировать как коэффициент повторения слова в тексте: чем чаще повторяется произвольно выбранное слово, тем выше коэффициент K . Соответственно, чем выше значение K , тем беднее словарь автора.

Позже были предложены другие оценки разнообразия авторского словаря, однако в работе [13] показано, что постоянными для одного автора являются лишь меры K , предложенные Юлом, и D [14]:

$$D = \sum V_i (v_i / N) ((i - 1) / (N - 1)),$$

но и они не обладают достаточной различительной способностью в случае большого количества идентифицируемых авторов.

Словари авторов можно сравнивать напрямую, например, рассчитывая статистическое расстояние между ними по частоте слов, как это сделано в работе О. Хрулева [15].

Достоинства данного приема мы усматриваем в его апробированности (его результативность проверена на материале разных языков), а также в том, что членение текста на лексические единицы не требует специальной подготовки программиста.

Однако при применении данной методики необходимо осознавать ее ограниченность при решении ряда задач автороведческой экспертизы. Очевидно, что частотность слов в текстах одного автора, относимых к разным стилям и жанровым формам, будет значительно различаться. Вследствие этого, как показывает анализ, эффективно данная методика работает при анализе текстов одного стиля. Недостатком подхода, основывающегося на оценке разнообразия словаря автора, является то, что он по умолчанию основывается на предположении о том, что каждый человек использует на протяжении жизни и в разных коммуникативных ситуациях сформировавшийся словарь. При этом не учитывается, что словарный запас в течение жизни человека изменяется и растет по мере получения новых знаний, варьируется в разных дискурсивных практиках. Таким образом, в составе единиц символического уровня выделяется группа **контентно-специфических** признаков.

С учетом этого аспекта единиц символического уровня также проводится автороведческая экспертиза. Группа чувствительных к содержанию признаков, вовлекаемых в стилометрический анализ, который основан на применении формально-количественных методов, включает ключевые слова и фразы по

определенной тематике [45, 46] или определенные N -граммы ключевых слов [47]. Кроме того, могут подсчитываться специфические сокращения и аббревиатуры или слова и фрагменты текста, написанные на языке, отличном от оригинального языка текста, а также эмодиконы [50].

Основной принцип, на котором базируются приемы автороведческой экспертизы, использующие количественный анализ тематически ограниченных ключевых слов, состоит в том, что если слово часто встречается в текстах одного класса, но редко в текстах другого, то оно, возможно, более значимо для качественного разделения двух классов, чем слово, встречающееся в малом количестве текстов, но во многих классах. Очевидным недостатком привлечения данной группы текстовых признаков является то, что их использование эффективно только в текстах по определенной тематике, однако это не исключает их действенности при решении частных задач автороведческой экспертизы.

* * *

Слабость приемов, основанных на анализе словаря, заключается в том, что при этом, как правило, не учитывается словоизменение. Автор, индивидуальной особенностью которого является употребление определенного слова и его частота, использует его в речи в разных формах. Учет этого фактора особенно актуален для флективного русского языка, тенденция к аналитичности грамматической структуры которого проявлена в значительно меньшей степени, чем в английском языке, на материале которого проведено большее количество стилометрических исследований. Но и исследования, проведенные на материале текстов английского языка с учетом данного фактора [16, 9], строились на количественном анализе не слов, а последовательностей символов, из которых они состоят. Полученные N -граммы символов учитывают особенности текста, недоступные при анализе с помощью ограниченного словаря.

Для более полного учета словоизменения необходимо применение алгоритмов стемминга для выделения неизменяющейся части слова, а также проведение морфологического анализа с помощью специальных инструментов для определения грамматического класса, нормальной формы слов и т.д. Эти приемы количественного анализа основываются на совмещении признаков лексического и грамматического уровней.

1.2. Единицы грамматики текста

Вовлечение в практику автороведческой экспертизы, основанной на последовательном применении методов количественного анализа, единиц грамматики текста видится нам весьма эффективным, так как данный уровень текста генерируется подсознательно во время его создания и не контролируется автором направленно. Следствием этого является и значительная жанровая и дискурсивная независимость грамматических текстовых характеристик. Грамматика текста реализуется как функциональное соотнесение морфологических признаков слов и их синтаксических позиций, определяемых структурой синтаксического целого – высказывания (предложения).

В числе *морфологических признаков* наиболее часто для целей определения авторства используются распределения частей речи [17, 18, 50], реже – более полный набор грамматических классов и их сочетаний [19, 20]. Ряд работ выстраивается на комбинации данных признаков, А. Argamon-Engleson и М. Korrel, например, анализируют *N*-граммы частей речи как более информативную группу характеристик, чем одиночные части речи слов [21, 22].

Группа *синтаксических признаков* включает характеристики словосочетаний и предложений, способов их образования и употребления.

Основная сложность применения данного приема связана с необходимостью привлечения специальных лингвистических знаний программистом. Тексты, с которыми может работать программист, нуждаются в предварительной специальной грамматической разметке. С проблемами приходится сталкиваться уже на этапе определения границ предложения из-за неоднозначностей, существующих в языке. Омонимия, неполнота используемого морфологического словаря и отсутствие эффективных алгоритмов морфологического анализа обуславливают неоднозначность определения грамматического класса слова. Это приводит к невозможности автоматического выделения даже устойчивых синтаксических конструкций. По сути, задача может быть решена только с опорой на разработанные специальные корпуса текстов.

Вследствие этого в практике автороведческого анализа часто используются собственно формальные признаки предложения: его длина [23, 24, 25] и знаки пунктуации, репрезентирующие его смысловое и функциональное членение [26, 27, 50]. Очевидно, что чем сложнее предложение, тем оно длиннее и тем больше знаков препинания в нем используется; употребление вопросительных и восклицательных знаков может свидетельствовать об эмоциональной окраске речи и под.

К этой же группе признаков относится анализ синонимических конструкций [28]. Выбор того или иного слова при формировании фразы в соотнесении с особенностями ее построения носят индивидуальный характер и могут использоваться как признаки для идентификации автора текста.

Другой способ заключается в ограничении группы анализируемых признаков набором служебных (функциональных) слов, этот способ активно используется отечественными и зарубежными исследователями [28, 29, 30]. В данном случае идея состоит в том, что слова из этих подмножеств встречаются в любом фрагменте текста намного чаще, чем специфичные слова автора, и являются более информативным признаком. Использование данного способа позволяет их легко выделить из потока слов благодаря высокой встречаемости¹.

При работе с функциональными словами следует учитывать различие грамматических структур языков. Так, в английском, французском, болгарском и других языках большинство синтаксических связей выражается с помощью предлогов и других служебных слов, а также порядком слов в предложении. В отличие от них русский язык (а также немецкий, латинский,

---

¹ Некоторые исследователи используют модификацию данного метода – выявляются наиболее часто встречающиеся слова корпуса, которые помимо непосредственно функциональных слов языка включают наиболее часто употребляемые слова автора [26, 31, 32, 33, 50].

польский и др.) является флективным и синтетичным, следовательно, служебные слова играют меньшую роль в выражении синтаксических связей.

Альтернативным способом, учитывающим лексическую и синтаксическую информацию и анализирующим слово в контексте его окружения, является использование *N*-грамм слов [34, 35, 36]. При этом можно также учитывать позиции слов в предложении для построения дальнедействующих *N*-граммных моделей [37].

1.3. Идиосинкразические признаки

К особой группе характеристик текста, с опорой на который ведется автороведческая экспертиза, осуществляемая специалистами-информатиками, относятся идиосинкразические признаки: орфографические и грамматические ошибки и другие текстовые аномалии, связанные с нарушением норм употребления единиц всех языковых уровней. Обычно подобные характеристики извлекаются программистом в предварительной работе с текстом с помощью словарей и средств проверки орфографии, грамматики, а также путем сравнения текста с эталоном.

Подход, основанный на использовании текстовых аномалий на всех лингвистических уровнях, предложен в работах [38, 39, 40]. Эксперт в области криминалистической лингвистики К. Часки (С.Е. Chaski), в частности, утверждает, что выделенные таким образом значимые отличия, являются ключевыми для идентификации и понижают все уровни от фонетики и морфологии до синтаксиса, семантики и дискурса включительно, и подтверждает это серией экспериментов на собственном корпусе [27]. Точность при использовании в качестве признаков орфографических ошибок составила от 65 до 78%, ошибок пунктуации – 75%, грамматических ошибок, связанных с неправильным образованием морфологических форм слов, – от 72 до 92%. Данные подтверждаются также в работах [41].

Стоит отметить, что ошибки пунктуации, построения предложений, грамматические ошибки и т.д. активно используются отечественными экспертами-криминалистами при проведении автороведческой экспертизы. Так, например, А.Ю. Комиссаров в своей диссертационной работе описывает методику идентификации исполнителя текста по орфографическим ошибкам [42]. Для оценки им предлагается использовать отношение количества совпавших в двух документах ошибок к общему количеству ошибок в исследуемом тексте. Если полученное значение превышает 65%, то выносится категорически положительное решение о тождестве исполнителя текста. При этом автор отмечает, что надежность методики снижается с повышением уровня орфографических навыков.

Однако следует сказать, что использование в качестве диагностических признаков пунктуационных и орфографических (а также в значительной степени и аномалий на других уровнях) ограничено текстами так называемой естественной письменной речи. Они утрачивают свою репрезентативность в текстах, подвергающихся редакторской и корректорской правке. Таким образом, широкий спектр художественных текстов не может атрибутироваться с опорой на данные признаки. С осторожностью данные приемы должны использоваться и при анализе текстов различных жанров интернет-коммуникации в связи с введением элементов автоматической правки текста, а также осмыслен-

ным коверканием слов и использованием интернет-жаргона (в данном случае эксперт имеет дело с сознательно моделируемым коммуникантом аспектом текстовой структуры, что, несомненно, должно учитываться).

2. Следующая группа признаков относится нами к разряду **собственно текстовых**, опосредствованно соотносимых с языковыми элементами.

2.1. Структура и графическое оформление текста

Структурные признаки в целом тяготеют к группе контентно-специфических.

В меньшей степени зависят от типа, канала коммуникации, в пределах которого порождаются тексты, такие структурные признаки, как разделение текста на фрагменты (главы, пункты, абзацы), наличие у фрагментов заголовков и их стиль.

Некоторые структурные признаки, выделяемые в автороведческой экспертизе, релевантны для текстов ограниченного набора дискурсов. Так, например, цитирование автором других источников и способы указания ссылок на них, как правило, выделяются и просчитываются в автороведческой экспертизе научных текстов. Следующие структурные признаки выделяются в автороведческой экспертизе текстов электронной коммуникации. Для многих видов текстов, веб-страниц, электронных презентаций, текстов, подготовленных для печати в издательских системах, структура и разметка играют важную роль при определении авторства [10, 11, 43]. Подобные системы позволяют контролировать форматирование, включая выбор параметров шрифта, оформление фигур, таблиц и анимации, цветовую гамму документа и его отдельных элементов.

Характеристики печатных документов, используемых в автороведческих экспертизах, могут включать количество пробелов, предшествующих знакам пунктуации, отступы, позиции табуляции и т.д.

Подобные признаки присущи текстам исходных кодов компьютерных программ [44]: оформление комментариев, конструкций условий и циклов, количество пробелов в отступах при переходе к следующему уровню вложенного кода и т.д.

Данные типы признаков являются сугубо формальными и достаточно легко выделяются в предварительной обработке анализируемого текстового массива.

Однако в последнее время данные признаки утрачивают актуальность, так как большинство современных сред разработки поддерживают автоматическое форматирование текста. Разметка гораздо чаще подвергается правке корректорами, редакторами или модераторами веб-сайтов перед публикацией, чем состав словаря, морфологические или синтаксические характеристики текста. Различные инструменты для создания документов одного формата обладают разными возможностями, которые могут отсутствовать в других инструментах. Перевод документа из одного формата в другой может привести к изменению его разметки. Стоит также учитывать знание автором конкретной среды создания документов и ее возможностей.

2.2. Метаданные документа

Другой плодотворной областью исследований является использование **метаданных** – дополнительных служебных данных, не относящихся непо-

средственно к содержанию текста. Учитывая современный уровень развития судебной компьютерной экспертизы, отметим, что данные характеристики являются наиболее проработанными в аспекте идентификации автора. Например, заголовок электронного письма, относящегося к делу, содержит адрес отправителя и другую информацию. Даже в том случае, когда информация скрыта намеренно, эксперт может извлечь некоторые полезные для себя данные, которых будет достаточно для определения следующего звена в цепи передачи сообщения, на основе которого можно продолжить анализ.

Подобные метаданные обычно присутствуют и в составных документах. Так, всем известный редактор Microsoft Word включает в документ информацию о дате создания, версии программы, имени пользователя, истории изменений, имени оригинального файла, авторе правок и т.д. [48, 49]. С практической точки зрения наличие или отсутствие имени автора в таком документе при проверке студенческой работы на плагиат порой бывает намного полезнее, чем статистический анализ документа. А информация о том, что документ был создан в Microsoft Word в 10 часов утра, может стать существенным доводом против предположения о том, что он написан ярым сторонником операционных систем Linux. Возможно также целенаправленное добавление метаданных, содержащих информацию об авторе, в документ при помощи методов стеганографии.

Однако не стоит преувеличивать информативность метаданных. Они должны рассматриваться с тем же уровнем доверия, что и форматирование и разметка текста.

Заключение

1. Анализ существующих в настоящее время работ по идентификации автора текста, осуществляемых с привлечением количественных методов анализа, разрабатываемых в теории информации и интеллектуальном анализе данных, свидетельствует о значительной эффективности использования в качестве релевантных для современных индоевропейских языков таких признаков, как биграммы и триграммы символов и слов, функциональные (служебные) слова, распределение слов по частям речи, наиболее частотные слова, знаки пунктуации, распределение длины слова и длины предложения. Как видим, это прежде всего *собственно языковые единицы практически всех уровней языковой системы*, признаки как сугубо формальные, так и формально-семантические.

2. К числу наиболее часто используемых в качестве диагностических параметров в автороведческой экспертизе относятся *признаки формального членения текста*, в составе последних – признаки низших уровней языковой системы, что мотивируется как объективными факторами (это слабо- или нерелексированные говорящим аспекты порождения речи), так и субъективными – простотой их вычленения, не требующей специальной лингвистической обработки текста, относительно незначительным объемом привлекаемых текстов для установления статистических закономерностей.

3. Относительно меньшая частотность и результативность использования в качестве диагностических параметров языковых единиц *формально-смыслового членения речи* определяется взаимодействием разного рода причин:

– единицы высших – лексического и лексико-синтаксического – срезов текста в большей степени по сравнению с единицами формального структурирования могут быть рефлекслируемыми и, следовательно, намеренно моделируемыми;

– при работе с единицами грамматического уровня требуется предварительная квалифицированная разметка текстов, создание лингвистически размеченных корпусов текстов;

– при анализе единиц высших уровней языковой системы для установления статистических закономерностей необходимы более объемные корпуса текстов, нежели при выявлении статистики использования единиц символического формального уровня.

4. В составе выделяемых в практике автороведческой экспертизы следует различать признаки текста, которые могут выступать в качестве диагностирующих только в определенных типах текста (идиосинкразические признаки не работают в текстах, подвергающихся редакторской и корректорской правке; использование метаданных применимо к компьютерным текстам и т.д.), и признаки контекстно независимые.

5. Вопрос о составе контекстно независимых признаков текста нуждается в серьезной многоаспектной проработке.

Во-первых, многие из обсуждавшихся в данной статье результатов получены при исследовании текстов английского и ряда других индоевропейских языков. В связи с этим актуализируется вопрос о релевантности данных признаков для русскоязычных текстов, особенно остро этот вопрос стоит при обращении к единицам грамматического уровня. В частности, особенностью русского языка в сравнении с английским, на материале которого получена большая часть результатов, является его флективность, а следовательно, и более сложное словообразование, высокая степень морфологической и синтаксической омонимии, что в совокупности обуславливает необходимость дополнительной проверки функционирования данных признаков в качестве диагностирующих. В целом в настоящее время недостаточно внимания уделяется идентификации автора на основе *сочетаний признаков русскоязычного текста*.

Во-вторых, автороведческая экспертиза русскоязычных текстов формировалась и апробировала методологию преимущественно на материале художественных текстов. В настоящее время спектр текстов, вовлекаемых в автороведческую экспертизу, существенно расширяется, что актуализирует вопрос и о составе максимально контекстно устойчивых признаков текста, и признаков, релевантных при анализе текстов определенного типа.

В-третьих, в состав контекстно независимых признаков включаются единицы морфологического и синтаксического членения текста, эффективное использование которых возможно только на основе предварительной лингвистической разметки текста, что актуализирует необходимость создания специализированных корпусов русскоязычных текстов, следовательно, более последовательного и направленного взаимодействия лингвистов и специалистов в области теории информации и интеллектуального анализа данных.

Литература

1. *Rudman J.* The state of authorship attribution studies: Some problems and solutions // *Computers and the Humanities*. – 1998. – Vol. 31. – P. 351–365.
2. *Хмелев Д.В.* Распознавание автора текста с использованием цепей А.А. Маркова // *Вестн. МГУ*. – Сер. 9: Филология. – 2000. – № 2. – С. 115–126.
3. *Шевелев О.Г.* Методы автоматической классификации текстов на естественном языке: учеб. пособие. – Томск: ТМЛ-Пресс, 2007. – 144 с.
4. *Benedetto D.* Language Trees and Zipping / D. Benedetto, E. Caglioti, V. Loreto // *Phys. Rev. Lett.* – 2002. – Vol. 88, №4. – P. 487–490.
5. *Hoorn J.* Neural network identification of poets using letter sequences / J. Hoorn, S. Frank, W. Kowalczyk et al. // *Literary and Linguistic Computing*. – 1999. – Vol. 14, № 3. – P. 311–338.
6. *Kjell B.* Authorship attribution of text samples using neural networks and Bayesian classifiers / B. Kjell // *IEEE International Conference on Systems, Man and Cybernetics*. San Antonio, TX, 1994.
7. *Kjell B.* Authorship determination using letter pair frequencies with neural network classifiers // *Literary and Linguistic Computing*. – 1994. – Vol. 9, № 2. – P. 119–124.
8. *Peng F.* Augmenting Naive Bayes Text Classifier with Statistical Language Models / F. Peng, D. Schuurmans, S. Wang // *Information Retrieval*. – 2004. – Vol. 7, № 3–4. – P. 317–345.
9. *Peng F.* Language independent authorship attribution using character level language models / F. Peng, D. Schuurmans, S. Wang et al. // *Proceedings of the 10th conference on European chapter of the ACL*. – 2003. – Vol. 1. – P. 267–274.
10. *De Vel O.* Mining e-mail content for author identification forensics / O. De Vel, A. Anderson, M. Corney et al. // *ACM SIGMOD*. – NY : ACM, 2001. – Rec. 30. – № 4. – P. 55–64.
11. *Zheng R.* A framework for authorship analysis of online messages: Writing-style features and techniques / R. Zheng, J. Li, Z. Huang et al. // *Journal of the American Society for Information Science and Technology*. – 2006. – Vol. 57, № 3. – P. 378–393.
12. *Yule G.U.* *The Statistical Study of Literary Vocabulary*. – Cambridge University Press, 1944. – 306 p.
13. *Tweedie F.J.* How Variable may a Constant be? Measures of Lexical Richness in Perspective / F.J. Tweedie, H. Baayen // *Computers and the Humanities*. – Springer, 1998. – Vol. 32, № 5. – P. 323–352.
14. *Simpson E.H.* Measurement of Diversity / E.H. Simpson // *Nature*. – Macmillan Publishers Ltd, 1949. – № 163. – P. 688.
15. *Хрулев О.* Определение автора по тексту на естественном языке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.geshtalt.ru/psycholinguist_author.php.
16. *Juola P.* What can we do with small corpora?: Document categorization via cross-entropy [Electronic resource] // *Proceedings of an Interdisciplinary Workshop on Similarity and Categorization*, Edinburgh, UK. – 1997. – URL: <http://www.mathcs.duq.edu/~juola/papers.d/identification.ps>.
17. *Argamon S.* Routing documents according to style [Electronic resource] / S. Argamon, M. Koppel, G. Avneri // *Proceedings of the 1st International Workshop on Innovative Information*. – 1998. – URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.52.688&rep=rep1&type=pdf>.
18. *Baayen R.H.* Outside the cave of shadows: Using syntactic annotation to enhance authorship attribution / R.H. Baayen, H.V. Halteren, F.J. Tweedie // *Literary and Linguistic Computing*. – 1996. – Vol. 11. – P. 121–131.
19. *Кукушкина О.В.* Определение авторства текста с использованием буквенной и грамматической информации / О.В. Кукушкина, А.А. Поликарпов, Д.В. Хмелев // *Проблемы передачи информации*. – 2001. – Т. 37, вып.2. – С. 96–109.
20. *Stamatatos E.* Computer-based authorship attribution without lexical measures / E. Stamatatos, N. Fakotakis, G. Kokkinakis // *Computers and the Humanities*. – 2001. – Vol. 35, № 2. – P. 193–214.
21. *Argamon-Engleson A.* Style-based text categorization: What newspaper am I reading / A. Argamon-Engleson, M. Koppel, G. Avneri // *Proceedings of the AAAI Workshop of Learning for Text Categorization*. – 1998. – P. 1–4.
22. *Koppel M.* Automatically categorizing written texts by author gender / M. Koppel, S. Argamon, A.R. Shimoni // *Literary and Linguistic Computing*. – 2002. – Vol. 17, № 4. – P. 401–412.
23. *Argamon S.* Style mining of electronic messages for multiple authorship discrimination: first results / S. Argamon, M. Saric, S.S. Stein // *Proceedings of the 9th ACM SIGKDD International Conference on Knowledge Discovery and Data Mining*. – NY : ACM, 2003. – P. 475–480.

24. *Kruh L.* A basic probe of the Beale cipher as a bamboozlement. P. 1 / L. Kruh // *Cryptologia*. – 1982. – Vol. 6, № 4. – P. 378–382.
25. *Morton A.Q.* Literary Detection: How to Prove Authorship and Fraud In Literature and Documents / A.Q. Morton. – New York : Scribner's, 1978. – 221 p.
26. *Baayen R.H.* An experiment in authorship attribution / R.H. Baayen, H.V. Halteren, A. Neijt et al. // *Proceedings of JADT 2002*. – Universit'e de Rennes, St. Malo, 2002. – P. 29–37.
27. *Chaski C.E.* Empirical evaluations of language-based author identification // *Forensic Linguistics*. – 2001. – Vol. 8, № 1. – P. 1–65.
28. *Mosteller F.* Inference and Disputed Authorship: The Federalist / F. Mosteller, D.L. Wallace. – Reading, MA : Addison-Wesley, 1964 – 287 p.
29. *Сысыев В.* Проект «Пси Офис» [Электронный ресурс]. – 2002. – Режим доступа: <http://psy-two.narod.ru/embedded.html>.
30. *Green T.R.G.* The necessity of syntax markers: Two experiments with artificial languages / T.R.G. Green // *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*. – 1979. – Vol. 18. – P. 481–96.
31. *Burrows J.* “An ocean where each kind...”: Statistical analysis and some major determinants of literary style / J.F. Burrows // *Computers and the Humanities*. – 1989. – Vol. 23, №4. – P. 309–321.
32. *Halteren H.* New machine learning methods demonstrate the existence of a human stylome / H. Halteren, R.H. Baayen, F. Tweedie et al. // *Journal of Quantitative Linguistics*. – 2005. – Vol. 12, № 1. – P. 65–77.
33. *Hoover D.L.* Delta prime? / D.L. Hoover // *Literary and Linguistic Computing*. – 2004. – Vol. 19, № 4. – P. 477–495.
34. *Nowson S.* Identifying more bloggers: Towards large scale personality classification of personal weblogs [Electronic resource] / S. Nowson, J. Oberlander. – 2007. – URL: <http://nowson.com/papers/NowOberICWSM07.pdf>
35. *Oakes M.* Text categorization: Automatic discrimination between US and UK English using the chi-square text and high ratio pairs / M. Oakes // *Research in Language*. – 2003. – Vol. 1. P. 143–156.
36. *Yu B.* English usage comparison between native and non-native english speakers in academic writing [Electronic resource] / B. Yu, Q. Mei, C. Zhai // *Proceedings of ACH/ALLC*. – 2005. – URL: http://mustard.tapor.uvic.ca/cocoon/ach_abstracts/xq/xhtml.xq?id=207.
37. *Эл Л.С.* Вывод и оценка параметров дальнедействующей триграммной модели языка / Л.С. Эл, С.В. Протасов // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международ. конф. «Диалог», Бекасово, 4–8 июня 2008 г.* – М., 2008. – Вып. 7 (14). – С. 443–448.
38. *Chaski C.E.* Multilingual Forensic Author Identification through N-Gram Analysis [Electronic resource] / C.E. Chaski // *Proceedings of the 8th Biennial Conference on Forensic Linguistics/Language and Law, July 2007, Seattle, WA*. – 2007. – URL: http://www.allacademic.com/meta/p177064_index.html
39. *Foster D.* Author Unknown: Adventures of a Literary Detective / D. Foster. – London : Owl Books, 2000. – 320 p.
40. *Koppel M.* Exploiting stylistic idiosyncrasies for authorship attribution / M. Koppel, J. Schler // *Proceedings of IJCAI'03 Workshop on Computational Approaches to Style Analysis and Synthesis, Acapulco, Mexico, 2003*. – 2003. – P. 69–72.
41. *Grant T.* Identifying reliable, valid markers of authorship: A reponse to Chaski / T. Grant, K. Baker // *Forensic Linguistics*. – 2001. – Vol. 8, № 1. – P. 66–79.
42. *Комиссаров А.Ю.* Криминалистическое исследование письменной речи с использованием ЭВМ: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2001. – 225 с.
43. *Abbasi A.* Identification and comparison of extremist-group Web forum messages using authorship analysis / A. Abbasi, H. Chen // *IEEE Intelligent Systems*. – 2005. – Vol. 20, № 5. – P. 67–75.
44. *Oman W.P.* Programming style authorship analysis / W.P. Oman, R.C. Cook // *Proceedings of the 17th Annual ACM Computer Science Conference*. – NY, 1989. – P. 320–326.
45. *Elliot W.* Was the Earl of Oxford the true Shakespeare? / W. Elliot, R. Valenza // *Notes and Queries*. – 1991. – Vol. 38. – P. 501–506.
46. *Martindale C.* On the utility of content analysis in author attribution: The federalist / C. Martindale, D. McKenzie // *Computers and the Humanities*. – 1995. – Vol. 29. – P. 259–270.
47. *Diederich J.* Authorship attribution with support vector machines / J. Diederich, J. Kindermann, E. Leopold // *Applied Intelligence*. – Springer Netherlands, 2003. – Vol. 19, №1–2. – P. 109–123.

48. *Migletz J.* Automated metadata extraction [Electronic resource] / J. Migletz. – 2008. – URL: http://simson.net/clips/students/08Jun_Migletz.pdf.
49. The risks of metadata and hidden information [Electronic resource]. – 2007. – URL: <http://www.stg.srs.com/eds/docdet/archive/BitformFortune100Study.pdf>.
50. *Романов А.С., Шелупанов А.А., Мещеряков Р.В.* Разработка и исследование математических моделей, методик и программных средств информационных процессов при идентификации автора текста. – Томск: В-Спектр, 2011. – 188 с.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

DOI 10.17223/19986645/26/5

УДК 82-94

Е.Е. Анисимова

В.А. ЖУКОВСКИЙ МЕЖДУ ДВУХ ЮБИЛЕЕВ (1883–1902) СТАТЬЯ 2. ТОРЖЕСТВА 1902 г.: СОВМЕЩЕНИЕ ЮБИЛЕЕВ, СТРАТЕГИИ АВТОКАНОНИЗАЦИИ

В статье продолжено начатое ранее исследование рецепции наследия и личности В.А. Жуковского в практике юбилейных торжеств 1883 и 1902 гг. Изучаются эстетические и функциональные аспекты произведенного в 1902 г. соединения культов Жуковского и Гоголя. На примере журнала «Вестник Европы» освещаются особенности внедрения образа Жуковского в «персональные» истории отдельных изданий и определяющих их политику лиц.

Ключевые слова: Жуковский, литературный юбилей, канонизация классики, биография, рецепция.

Новый этап развития социокультурного реноме Жуковского позволяет выделить не только продолжение официальной линии осмысления его личности, не только ставшие уже традиционными прямолинейные проекции биографии на поэзию, но интерференции «культов» Жуковского и Гоголя, а также возникновение прецедентов своего рода «автоканоноизации», усиления харизмы того или иного здравствующего автора или актуального издания под сенью мифа о Жуковском.

На сей раз официальное признание поэта и чествование его памяти было подкреплено высочайшим указом. Пользуясь терминологией П. Бурдые, можно сказать, что к юбилею 1902 г. «поле власти», заинтересованное фигурой Жуковского, стало оказывать более сильное давление на «поле литературы» [1] и, думается, главную роль в этом процессе играли не столько поэзия и/или выписанный Зейдлищем «рыцарский» житнетекст, сколько уже общеизвестные факты создания Жуковским государственного гимна и воспитания Александра II. Поднимая символические «ставки» Жуковского, «поле власти» тем самым подпитывало и самое себя.

На рубеже столетий, как показал Дж. Брукс, берет свое начало государственная политика конструирования литературного канона, прежде всего проявившаяся в прославлении Жуковского и Гоголя (оба умерли в 1852 г., поэтому юбилейные даты у них совпали). «Священный синод выпустил инструкции приходским учителям и прочим, кто пожелал бы почтить память обоих авторов, советуя отслужить литургии и панихиды, организовать публичные чтения отрывков из их произведений под аккомпанемент церковных и патриотических песен» [2. С. 322]. Исследователь ссылается на рескрипт из «Церковного вестника» 1902 г., в котором, в частности, говорится:

Для руководства же в этом деле Училищный совет находит полезным преподать нижеследующие указания: 1) в тех храмах, в приходе которых существуют церковные школы, могут быть совершены заупокойные литургии или панихиды – 21 февраля по Н.В. Гоголю и 10 мая – по В.А. Жуковскому; 2) 11-го мая, в день установленного празднования учащимися в церковных школах памяти святых Мефодия и Кирилла, по окончании церковной службы, могут быть устроены в помещениях церковно-приходских школ или в других удобных зданиях, в память почивших писателей Н.В. Гоголя и В.А. Жуковского, торжественные собрания учащихся и учащихся в церковных школах, с чтениями о литературных заслугах названных писателей, а также и с прочтением небольших по объему стихотворений и повестей из их произведений, избранных для этой цели заведывающими школами, и 3) чтения могут сопровождаться пением гимнов и песней патриотического характера, одобренных для хоров церковно-приходских школ [3].

На юбилейный 1902 г. пришлась новая волна публикаций – документальных и художественных. Так, практически весь апрельский выпуск «Русской старины» был посвящен Жуковскому: здесь читатель мог найти письма поэта к разным лицам, его альбомные записи, неизданные стихотворения, а также программную статью Н. Дубровина «В.А. Жуковский и его отношения к декабристам». Создав коллаж из писем и других документальных свидетельств, автор реконструировал летопись диалога поэта с Николаем I о судьбе декабристов, итогом которого стал императорский указ 1837 г. об облегчении участи ссыльных [4. С. 103]. Важнейшим актом в издательской деятельности, презентовавшей наследие Жуковского, стало вышедшее в юбилейный год первое полное собрание сочинений поэта под редакцией А.С. Архангельского [5].

К неофициальным, но тем не менее заметным обстоятельствам юбилея 1902 г. можно отнести его «парный» характер: в большей части праздничных мероприятий 1902–1903 гг. имена Жуковского и Гоголя стоят рядом. Другим немаловажным событием, совпавшим с этой датой, было столетие со дня основания журнала «Вестник Европы», редактором которого в начале XIX в. был Жуковский. Кроме того, с подачи В.С. Соловьева к 1902 г. был приурочен еще один юбилей – 100-летие со дня рождения русской поэзии. Остановимся на этих «перекрестках» отмечавшихся годовщин более подробно.

В журнальной и газетной периодике 1902 г. большая часть юбилейных материалов увязывала имена Жуковского и Гоголя: если заходила речь об одном юбиларе, то следом появлялось упоминание и о другом. Хроника общественной жизни также демонстрировала парность юбилейных мероприятий. Например, крупным событием культурной жизни стала организованная В.А. Гиляровским «гоголевско-жуковская» выставка картин [6]. Даже в новаторских, в духе модернизма, акциях писателей нарочито сближали: «Гоголя и Жуковского в Москве решили чествовать довольно оригинальным образом: в Сокольниках на громадной клумбе из цветов и растений различных оттенков будут созданы... портреты обоих писателей. За сходство конечно не ручаются. Но создается новый жанр в pendant декадентству, клумбовый! Появятся и художники клумбисты» [7].

Почву для отождествления подготовила близость писателей в последние годы их жизни: обоих связывали дружеские отношения, мистические настроения и жизнь за границей. Парный характер торжественных мероприятий 1902 г. имел и свои чисто литературные последствия. Так, Б.К. Зайцев много позднее в посвященном поэту биографическом романе усилит параллелизм Жуковского и Гоголя, сделав из них двойников и указав на символичность их единовременной смерти (в духе жития Бориса и Глеба). Пока же в восприятии потомков Жуковский связывался с главными писателями первой половины XIX в. не столько поэтически, сколько биографически. Художественной версией подобного восприятия становится картина П.И. Геллера «Гоголь и Жуковский у Пушкина в Царском Селе» (1910).

С одной стороны, гоголевский юбилей несколько затмевал юбилей Жуковского, с другой – 50-летняя годовщина со дня смерти поэта не была бы столь заметным культурным явлением, не будь она усилена гоголевской. Любопытно, что в «парных» юбилейных статьях 1902 г. больше говорится о Гоголе-писателе и о Жуковском-человеке, причем лейтмотивом в описании биографии русского романтика становится осуществленное им примирение поэтических идеалов и жизни. Так, в статье «Гоголь и Жуковский в народной школе» Д.И. Тихомиров пишет: «Жуковский открывает в человеке человека, ведет его к чистому идеалу и радуется, и торжествует за все то светлое и высокое, чистое и прекрасное, что в человеке есть или может быть и что представляется в святых мечтах поэта так легко осуществимым в действительной жизни» [8. С. 51]. В 1904 г. схожую мысль высказал А.Н. Веселовский, связав синтез поэзии и жизни с эстетикой сентиментализма [9].

В то время как юбилей 1883 г. соотносил Жуковского главным образом с Пушкиным и Александром II, способствуя становлению мифа об учителе гениального поэта и будущего царя-освободителя, годовщина 1902 г. объединила Жуковского уже с Гоголем и потому дала несколько иную пищу для размышлений. Богатый материал для понимания смыслов нового юбилея дают гоголевско-жуковские сборники, выпущенные в столицах и ряде университетских городов (см., например, [10, 11]). В них еще четче проступила тенденция, намечившаяся в юбилейных изданиях 1883 г., где личность Жуковского предстала симбиозом трех его амплуа: поэта, педагога и человека (т.е. придворного и бытового обликов). В статьях 1902 г. размышления о литературном творчестве Жуковского были столь же энергично оттеснены на второй план, причем сопоставление с Гоголем только усилило этот эффект. Едва ли не каждая статья, посвященная личным и творческим взаимоотношениям юбиляров, начиналась с мысли, что литературные дарования Жуковского и Гоголя неравноценны: «Мы затруднились бы категорически утверждать, что Жуковский понимал в полной мере все значение его (Гоголя. – Е.А.), как гениального изобразителя отрицательных сторон русской действительности» [12. С. 42]; «...круг влияния Жуковского, конечно, всегда будет уже и меньше» [13. С. 20] и т.д.

При этом по своему объему материалы о Жуковском не только не уступали, но и заметно превосходили написанное о Гоголе. Логика юбилейных статей подводила читателя к мысли о том, что именно для Гоголя встреча с Жуковским имела судьбоносный характер, сам же он не оказал столь же сильно-

го воздействия на судьбу и личность «первого русского романтика»: «Место, занимаемое Гоголем в жизни Жуковского, не может быть соизмеримо с тем значением, которое имел Жуковский в жизни Гоголя»; «Во взгляде Жуковского на Гоголя постоянно было что-то отеческое»; «Жуковский для Гоголя и в первую половину их личного знакомства был важной и существенной опорой жизни» [12. С. 35, 37]. По наблюдению Е.В. Петухова, близость Гоголя к Жуковскому располагалась, прежде всего, «в сфере интересов общественных и житейских», а сам поэт «нужен был ему не только как судья его произведений и как близкая душа, но и как посредник денежных милостей от двора и вообще как опора в затруднениях материальных» [12. С. 5–6, 11–12].

Подобная стратегия выстраивания посмертной литературной репутации Жуковского часто определяла не только концепцию отдельных статей, но и композиционное решение целого сборника. Например, составитель «Харьковского университетского сборника в память В.А. Жуковского и Н.В. Гоголя» (1903) Н.Ф. Сумцов распределил все статьи по следующим тематическим блокам: «1) статьи о В.А. Жуковском, как филантропе, 2) статьи о В.А. Жуковском, как художнике, и 3) статьи о Н.В. Гоголе» [14. С. 5–6]. Нетрудно заметить, что Жуковский-человек и Жуковский-художник (в данном случае в буквальном смысле – живописец) представлялись автору двумя самостоятельными предметами для размышлений, в то время как раздел о Гоголе-писателе выглядел целостным и не требовал дополнительных разъяснений. В программной статье «В.А. Жуковский и Н.В. Гоголь» исследователь так обосновал свою мысль: «Жуковский – талантливый поэт, писатель-публицист, педагог представляет лишь известную вариацию Жуковского-филантропа» [14. С. 8]. Показательно при этом, что филантропическая деятельность Жуковского освещалась в юбилейном сборнике не в связи с нюансами гуманистического мировоззрения поэта, а как перечень его человеколюбивых деяний: конкретика здесь торжествовала над метафизикой. Так, из посвященных поэту 42 глав харьковского сборника 39 представляли собой своеобразные документальные новеллы о помощи Жуковским тому или иному лицу с массой биографических подробностей («В.А. Жуковский и К.Н. Батюшков», «В.А. Жуковский и Т.Г. Шевченко», «В.А. Жуковский и А. Мещевский» и т.д.).

Даже обращаясь к поэзии и эстетике Жуковского, исследователи предпочитали использовать не первоисточники (сами стихи и литературно-критические статьи), а личные документы и свидетельства современников. Например, А.Н. Троицкий в работе «Отношение Гоголя к Жуковскому», поставив перед собой цель проанализировать, «во-первых, как Гоголь смотрел на поэтическую деятельность Жуковского, во-вторых, – как он относился к последнему, как ценителю его (Гоголя) произведений», специально указывает на то, что решать эту научную задачу будет «исключительно на основании писем Гоголя» [15. С. 3]. Внимание исследователей привлекали, прежде всего, поступки Жуковского, символическая ценность которых, что специально подчеркивалось, не уступала его литературным достижениям. «Жуковский оставил после себя прекрасную память, как человек, писатель, педагог; выше всего стоял он, как человек, и все прочие его достоинства были лишь отражением его прекрасного доброго сердца» [14. С. 24]. К 50-й годовщине со дня

смерти биография поэта окончательно «олитературируется»: сотканный Жуковским биографический текст начинает рассматриваться в той же перспективе, что и художественный. В этом отношении юбилейная пара Жуковский – Гоголь позволяет увидеть два взаимодополняющих типа творчества: художественный в случае Гоголя и жизнестроительный в случае Жуковского. Не случайно другим лейтмотивом юбилейных сборников стала синтезирующая роль Жуковского в литературном процессе и литературном быту XIX в.

Встречая у Жуковского на каждом шагу проявления доброго чувства, в его колоссальной частной переписке, в сочинениях, в сфере личных отношений, в кругу семейных и общественных отношений, естественно возникает вопрос, какие обстоятельства личной жизни поэта воспитали и развили вложенное в его сердце от природы гуманное настроение, что закрепило в нем идеи добра в тот мрачный век, который Пушкин назвал «жестоким», и сделало из Жуковского нравственное средоточие для обширного круга писателей, более того, для всей русской литературы первой половины прошлого столетия [14. С. 9].

Наряду с практикой символического «увязывания» Жуковского с Гоголем, в культуре эпохи обращает на себя внимание еще одна тенденция «удвоения» юбилейных торжеств. Если можно соединить двух классиков в пределах активно пополняющегося пантеона русских национальных писателей, то почему нельзя, усилив идею связи, вынести ее за пределы «канонического» пространства и опустить одним «концом» на «грешную землю», в сферу злободневной журнальной работы и литературно-политической борьбы, «подпитавшись» тем самым от уже непререкаемой харизмы создателей русской литературы? Примерно так поступил в 1902 г. издатель «Вестника Европы» М.М. Стасюлевич.

В юбилейных выпусках его журнала за 1902 г. представление о литературно-публицистическом процессе как о целостности, наметившееся в нераздельности жуковско-гоголевских торжеств, приобрело программный характер. Появление наиболее масштабных публикаций о Жуковском именно в «Вестнике Европы» в юбилейные 1883 и 1902 гг., конечно, было неслучайным: этот журнал был одновременно связан с именем и Жуковского-поэта, и Жуковского-редактора (1808–1810 гг.). Более того, 1902 г. давал «Вестнику Европы» повод отметить сразу несколько юбилеев.

В 1897 г. в примечании к своему стихотворению «Родина русской поэзии. По поводу элегии “Сельское кладбище”», опубликованному все там же, в «Вестнике Европы», В.С. Соловьев указал на творчество Жуковского как на точку отсчета русского золотого века: «“Сельское кладбище” может считаться началом истинно-человечной поэзии в России после условного риторического творчества Державинской эпохи» [16. С. 347]. «Сельское кладбище» Жуковского было опубликовано в декабрьском выпуске карамзинского «Вестника Европы» за 1802 г. [17] и стало не только началом новой литературной эпохи в России, но и моментом восхождения звезды поэта – именно с этой публикации он начал завоевывать всеобщее признание. Высказывание Соловьева было безоговорочно принято целым рядом писателей XX в. и не

только воспроизводилось ими в художественных и критических текстах, но использовалось, например, в сочинениях Л.Л. Кобылинского-Эллиса и Б.К. Зайцева как достоверное в научном отношении наблюдение¹.

И в 1883 г., и в 1902 г. редактором «Вестника Европы» был один и тот же человек – М.М. Стасюлевич. В юбилейном выпуске журнала за 1883 г. подборка материалов о Жуковском была одной из самых значительных и, что особенно важно, охватывала все сферы деятельности русского романтика: поэтическую, педагогическую и жизнестроительную. В первом выпуске журнала за 1883 г. Стасюлевич напечатал неизданные стихотворения поэта, юбилейное стихотворение Полонского, собственную статью, сообщение из общественной хроники о публикации писем Жуковского к Александру II и объявление о выходе биографии Зейдлица, также напечатанной в издании «Вестника Европы» [20–24].

Спустя 19 лет в майском номере журнала за 1902 г. Стасюлевич поместил новые материалы первого подготовленного Жуковским выпуска за 1808 г.: факсимиле, программную статью «Письмо из уезда к Издателю» и оглавление всего номера. Кроме того, Стасюлевич напечатал портрет Жуковского, подаренный ему Зейдлицем и сопровождаемый следующей подписью: «Михаилу Матвеевичу Стасюлевичу, нынешнему редактору «Вестника Европы». Портрет прежнего (1808–10 г.) посылает в знак дружбы и почтения – Доктор Карл Зейдлиц. Дерпт. Январь, 1883 г.» [25]. Таким образом, намечалась, с одной стороны, преемственность русской журналистики, и в особенности элитарного «Вестника Европы» по отношению к Жуковскому-журналисту, с другой – вновь утверждалась фигура Зейдлица как главного интерпретатора жизни и творчества поэта.

Однако в строгом смысле слова журнал Стасюлевича не был прямым продолжением карамзинского: символическая преемственность в данном случае была важнее фактических длинных перерывов в истории издания. «Мы восстановили имя Карамзинского журнала в 1865 году, когда исполнилось столетие со дня рождения Карамзина, желая тем самым почтить его память», – писал Стасюлевич [26. С. 421]. Первый выпуск журнала за 1902 г. Стасюлевич сопроводил факсимиле обложки за 1802 г., портретом Карамзина и юбилейным сообщением в разделе «Общественная хроника» [26]. Поэтому майский выпуск «Вестника Европы» в 1902 г. подчеркивал преемственность журнала от Карамзина – к Жуковскому и от Жуковского – к действующему редактору, прочие же издатели не удостоивались юбилейных реверансов. Путь от 1802 к 1902 г. в интерпретации редактора «Вестника Европы» приобретал не только литературный, но и исторический смысл. «Весь XIX-ый век пошел в России <...> на продолжение дела, начатого вторым его годом», – резюмировал он [26. С. 421]. В контексте таких размышлений 1902 г. начинал выглядеть более масштабно, так как объединял в единую смысловую точку

---

¹ Например: «Первым настоящим поэтом новой России и первым автором “золотого века” был Василий Андреевич Жуковский. Все, что сочинялось до Жуковского, было подготовкой, все, что возникло после него, было бы невообразимо без Жуковского» [18. С. 12]; «Соловьев находил, что лирическая наша поэзия, России XIX века, родилась близ Белева, из легких строф молодого Жуковского. Новый, прекрасный звук в лирике русской явился с Жуковским – Карамзин не был поэтом, Дмитриев недостаточно значителен» [19. Т. 5. С. 199].

несколько ключевых дат: 100-летие существования в России современной литературы, новой социально-политической культуры (на создание которой недвусмысленно претендовал «Вестник Европы»), а также 50-летие со дня смерти поэта, образ которого символизировал оба этих достижения.

За два десятилетия, прошедших с 1883 по 1902 г., «поле литературы» в России претерпело значительную трансформацию. Если в начале 1880-х гг., в дни пушкинских торжеств, по мнению многих, состоялся первый получивший общественный резонанс акт самосознания русской литературы, то к 1900-м гг. уже сформировалось представление о последовательном отечественном историко-культурном процессе и его роли в национально-государственной мифологии. Этими обстоятельствами определился характер празднования 100-летия со дня рождения и 50-летия со дня смерти Жуковского. Тексты и мероприятия, приуроченные к юбилею 1883 г., стали своеобразной проверкой на право вхождения в пантеон русских классиков. Позднее одного лишь статуса поэта для этого было уже недостаточно. Пример Пушкина, осознанный в эти годы как эталон соотношения биографии и творчества, задал высокие требования к человеческому облику других литераторов. Отсюда то особенно пристальное внимание к писательской биографии, которое сначала проявилось в исследовательских подходах, а затем обрело самодостаточный характер в жизнетворческих стратегиях поэтов-модернистов. В юбилейных отзывах о Жуковском 1883 г. делался акцент на универсальном характере его личности и жизненного пути, отвечавших самым разным, подчас диаметрально противоположным, концепциям идеального. Так, одни видели в нем рыцаря, другие – поэта, говорящего на равных с царем, третьи – уникального педагога, четвертые – освободителя собственных крестьян.

К юбилею 1902 г. Жуковский уже осознавался как ключевая фигура русской литературы: с его именем стала ассоциироваться нижняя граница в развитии ее «классического» периода. В то же время в сформировавшейся версии истории отечественной литературы поэту отводилась роль важного скрепляющего звена, в свое время поэтически сформулированная кн. Вяземским: «Чудесный дар имеет / Всех соединять кругом» [27. С. 9]. Посвященные Жуковскому исследования конца XIX в. продемонстрировали, что в силу особенностей жизнестроительного сценария он стал неотъемлемой частью едва ли не всех крупных биографий своего времени (Александра II, Пушкина, Гоголя, Карамзина, Батюшкова и др.), объединяя их, таким образом, в единое смысловое поле. Поэтому пафос юбилея Жуковского 1902 г. звучал уже иначе, нежели за 20 лет до того: сочетаясь с юбилеем Гоголя, торжества в честь Жуковского превращались в юбилей русской классики, а соединяясь с юбилеем карамзинского «Вестника Европы» – в юбилей русской журналистики и вообще культуры Нового времени.

Литература

1. Бурдые П. Поле литературы // Новое литературное обозрение. – 2000. – № 45. – С. 22–87.
2. Brooks J. Russian Nationalism and Russian Literature: the Canonization of the Classics // Nation and Ideology: Essays in Honor of Wayne S. Vucinich. – Boulder; New York, 1981. – P. 315–334.
3. О чествовании памяти Н.В. Гоголя и В.А. Жуковского: (От Училищного совета при Св. Синоде) // Церковный вестник. – 1902. – № 7. – Стб. 202.

4. Дубровин Н. В. А. Жуковский и его отношения к декабристам // Русская старина. – 1902. № 4. – С. 45–119.
5. Жуковский В. А. Полное собрание сочинений: в 12 т. / под ред., с биогр. очерком и примеч. А. С. Архангельского. – СПб., 1902.
6. [Хроника] // Новости дня. – 1902. – 30 (17) января. – URL: <http://starosti.ru/archive.php?m=1&y=1902>
7. [По телефону из Москвы] // Петербургская газета. – 1902. – 6 мая (23 апреля). – URL: <http://starosti.ru/archive.php?m=5&y=1902>
8. Тихомиров Д. И. Гоголь и Жуковский в народной школе // Русская мысль. – 1902. Кн. 7. – С. 39–54 (2-й пагинации).
9. Веселовский А. Н. В. А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». – СПб., 1904.
10. Харьковский университетский сборник в память В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя. – Харьков, 1903.
11. Сборник в память Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского, изданный Имп. Юрьевским университетом. – Юрьев, 1903.
12. Петухов Е. В. Гоголь и Жуковский // Сборник в память Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского, изданный Имп. Юрьевским университетом. – Юрьев, 1903. – С. 1–44.
13. Каллаш В. Жуковско-Гоголевская юбилейная литература // Русская мысль. – 1902. – Кн. 7. – С. 20–38 (2-й пагинации).
14. Суцзов Н. Ф. В. А. Жуковский и Н. В. Гоголь // Харьковский университетский сборник в память В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя. – Харьков, 1903. – С. 5–149а.
15. Троицкий А. Н. Отношение Гоголя к Жуковскому. – Владимир, 1902.
16. Соловьев В. С. Родина русской поэзии: По поводу элегии «Сельское кладбище» // Вестн. Европы. – 1897. – № 11. – С. 347–348.
17. Жуковский В. Сельское кладбище, Греева элегия, переведенная с английского // Вестник Европы. – 1802. – Ч. 6, № 24. – Дек. – С. 319–325.
18. Kobilinski-Ellis L. W. A. Joukowski. Seine Persönlichkeit, sein Leben und sein Werk. – Paderborn, 1933.
19. Зайцев Б. К. Собрание сочинений: в 5 т. – М., 1999–2000.
20. М. С. <М. Стасюлевич>. Столетний юбилей рождения В. А. Жуковского // Вестник Европы. – 1883. – Т. 99. – С. 468–472.
21. Неизданные стихотворения В. А. Жуковского / публ. П. В. Висковатова // Вестник Европы. – 1883. – Т. 99. – С. 808–812.
22. Полонский Я. П. Двадцать девятое января. 1783–1883 // Вестник Европы. – 1883. – Т. 99. – С. 813.
23. [Из общественной хроники] По поводу столетнего юбилея Жуковского, и его письма к покойному государю // Вестник Европы. – 1883. – Т. 99. – С. 899–901.
24. «Вышла в свет новая книга...» [Объявления] // Вестник Европы. – 1883. – Т. 99. – С. X [2-й пагинации].
25. [Портрет В. А. Жуковского] // Вестник Европы. – 1902. – Т. 1.
26. [Стасюлевич М. М. «Вестник Европы» – сто лет назад] // Вестник Европы. – 1902. – Т. 1. – С. 420–421.
27. В. А. Жуковский. Чествование его памяти в С.-Петербурге 29 и 30 января 1883 года. – СПб.: Изд. Н. И. Стояновского, 1883.

DOI 10.17223/19986645/26/6

УДК 821.161.1

В.С. Киселев, Т.А. Васильева

**ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА УКРАИНЫ В ИМПЕРСКОЙ
СЛОВЕСНОСТИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.:
РЕГИОНАЛИЗМ, ЭТНОГРАФИЗМ, ПОЛИТИЗАЦИЯ
(СТАТЬЯ ВТОРАЯ. «НЕОБХОДИМО СНИЗОЙТИ
ПОД КРОВЛЮ СЕЛЯНИНА...»)**

В статье проанализирована общая эволюция украинского историографического дискурса 1800–1810-х гг., зафиксировавшая, во-первых, переход от автономизма к регионализму, в связи с этим рассмотрены ведущие причины и следствия этого процесса на материале трудов Д.Н. Бантыш-Каменского, А.И. Мартоса, М.Ф. Берлинского, а также влияние «традиционной схемы» русской истории Н.М. Карамзина на особенности выстраивания украинской историографии; во-вторых, глубокую переоценку роли простонародья в создании, сохранении и исторической трансляции национальной культуры, зафиксированной в языке, фольклоре и обрядности, чему способствовало распространение идей И.Г. Гердера. Основное внимание сосредоточено на особенностях малороссийской этнографии и археологии рассматриваемого периода и ее воздействии на украинскую историографию.

Ключевые слова: русская литература, украинская литература, историография, образ Украины, национализм, регионализм, этнографизм.

Еще к концу XVIII в. был накоплен большой материал об украинской истории и этнографии. Причем ведущий тон здесь задавала историография: исторические документы и летописи в контексте румянцевских реформ подтверждали правомерность притязаний местных патриотов на самобытность Украины и, как следствие, ее автономность. Уже первое поколение малороссиян, привлеченных Екатериной II к имперской деятельности, считало важным отметить особое место своей родины в истории. Так, в 1765 г. П.И. Симоновский, малороссийский генеральный подскарбий и товарищ Г.В. Козицкого, известного литератора и статс-секретаря императрицы, составил «Краткое описание о козацком малороссийском народе и о военных его делах», оставшееся в рукописи и доведенное автором до начала 1750-х гг. [1]. Частью литературно-историографических занятий В.Г. Рубана, секретаря Г.А. Потемкина, журналиста и одописца, становится собрание и публикация украинских исторических памятников [2], в подготовке которых к печати принимал активное участие А.А. Безбородко, в тот момент секретарь по принятию прошений, поступающих на высочайшее имя. А.А. Безбородко намеревался впоследствии подготовить «издание полной Малороссийской истории» [3. Т. 1. С. 262].

Хотя эти планы не осуществились в полной мере, они отозвались в собирательской и публикаторской деятельности Ф.В. Туманского, издавшего в журнале «Российский магазин» (1792–1793) «Летописца Малыя России» и

ряд исторических документов¹, А.И. Ригельмана («Летописное повествование о Малой России» [6]), М.А. Антоновского (материалы в составе «Описания всех обитающих в Российском государстве народов» [7]), Г.А. Полетики и В.Г. Полетики, активно использовавших собранные ими исторические источники при подготовке публицистико-юридических «Записок», А.И. Чепы, мечтавшего о создании украинской «Вивлиофики» наподобие новиковской², анонимного автора «Истории русов» [9]. Тем не менее при всей исторической ценности эти опыты до поры оказались выключены из магистрального направления русской историографии, двигавшейся к созданию универсального общеимперского нарратива. Именно поэтому большинство подобных материалов либо затерялось в библиотеках и архивах, либо осталось неопубликованным и вышло к широкому читателю значительно позднее, как произошло с «Историей русов», приобретшей известность лишь к 1820–1830-м гг.³, или с произведениями А.И. Ригельмана [6].

Своеобразным ответвлением, а в определенном смысле альтернативой историческим разысканиям выступили описания родного края, зачинателем которых явились Г.И. Калиновский, выпустивший «Описание свадебных украинских простонародных обрядов» [11], и В.Г. Рубан, автор «Землеописания Малой России» [12] (издано вместе с «Краткой летописью Малой России» [2]). Природно-географический, экономико-статистический и этнографический подход, заявленный ими, в большей степени вписывался в контекст научно-дискурсивного освоения имперских окраин, систематически проводившихся со второй половины XVIII в. Начинания Калиновского и Рубана пересекались с интенциями ученых путешествий и описаний И.Г. Георги («Описание всех обитающих в Российском государстве народов»), П.С. Палласа («Путешествие по разным провинциям Российской империи» [13]), затрагивавших и Украину – в случае С.Г. Гмелина (фрагменты «Путешествия по России для исследования трех царств естества»⁴ [14]) и И.А. Гильденштедта (часть его путевого дневника, изданного уже посмертно [15. С. 180–228; 16. С. 85–153]). Развернувшаяся в преддверии путешествия Екатерины II активная работа по систематизации малороссийского материала, призванная подвести итог румянцевским реформам и наметить административные планы на будущее, нашла воплощение в универсальных краеведческих обзорах А.Ф. Шафонского («Черниговского наместничества топографическое описание» [17]), И.А. Переверзева («Топографическое описание Харьковского наместничества» [18] и «Топографическом описании Киевского наместничества» (1786) [19]). В них исторический компонент редуцировался или вовсе отсутствовал, однако своеобразие региона выходило на первый план, насыщаясь, как у А.Ф. Шафонского, подробными описаниями материальной культуры и этнографическими заметками⁵. Наметившуюся тенденцию развили

¹ См. «Российский магазин» [4. Ч. 1. Нояб. С. 187–197; 5. Ч. 2. Март. С. 1–97; 5. Ч. 2. Май. С. 209–290; 5. Ч. 2. Июнь. С. 335–349, 366–388; 5. Ч. 3. Сент. С. 1–75; 5. Ч. 3. Окт. С. 125–155; 5. Ч. 3. Нояб. С. 157–222; 5. Ч. 3. Дек. С. 280–312].

² Ср. планы создания «Истории Малороссии» в переписке двух последних [8. С. 41–76].

³ См. о знакомстве имперской публики с рукописью «Истории русов» [10. С. 335–353].

⁴ Первое издание вышло на немецком языке. (СПб., 1770).

⁵ Ср. также этнографические приложения к «Летописному повествованию о Малой России» А.И. Ригельмана, созданные в конце 1780-х гг. [6. С. 706–744].

«Записки о Малороссии, ее жителях и произведениях» Я.М. Марковича [20] и наблюдения М.А. Антоновского в дополнительном томе «Описания всех обитающих в Российском государстве народов» (1799)¹.

Украинский регионализм первой четверти XIX в. придал археолого-этнографическому подходу новое, более глубокое и фундаментальное изменение, что выразилось, в том числе и в растущей популярности у имперской публики. Если описания А.Ф. Шафонского, И.А. Переверзева, книга Я.М. Марковича либо предназначались для внутреннего административного употребления, либо издавались крошечным тиражом, то публикации М.Ф. Берлинского, Н.А. Цертелева или Д.Н. Бантыш-Каменского приобретали достаточно большую известность, становясь частью набиравшего силу украинофильства. Региональное видение, пришедшее на смену автономизму, позволило решить две коренные проблемы историко-этнографического дискурса. Во-первых, украинская история оказалась встроена в историю имперскую, выступив ее временным (с XIV по середину XVII в.) ответвлением, а во-вторых, культурные различия велико- и малороссов снимались или ослаблялись их общим происхождением, позволявшим рассматривать Украину как колыбель «русскости».

Основой для сближения выступило утверждение в трудах Н.М. Карамзина «традиционной схемы» русской истории или имперского «великого нарратива». Как справедливо констатировал З. Когут, «для Карамзина "российскость" воплощена в самодержавии и государственности, а не в особой территории» [22] и, добавим, этничности². Отталкиваясь от концепции «Синопсиса» И. Гизеля (1674) [24], автор «Истории государства Российского» [25] прослеживал наследование власти великих князей киевских князьями владими́ро-суздальскими, а затем московскими. Логика карамзинской истории строилась на преемственности устойчивой самодержавной власти, в свете которой Южная Русь, территория будущей Малороссии, с XII–XIII вв. все больше погрязает в междоусобицах, в то время как северная ее часть крепнет благодаря единству сильной княжеской династии. Ко времени монголо-татарского нашествия украинские земли, лишённые, по мысли историографа, цементирующего государственного начала, выпали из истории и вернулись в ее сферу только к XVII в., к моменту присоединения к Московскому царству, преемницей которого выступила Российская империя. «С такой позиции история Украины выглядела лишь локальным ответвлением русской национальной истории, а украинцы и белорусы – непослушными детьми русской национальной родины»³ [26. С. 62].

В свете этой концепции, популяризация которой осуществлялась и харьковскими журналами (статьи И.И. Квитки, М.К. Грибовского, М.Е. Маркова, М.Ф. Берлинского⁴), попытки утверждения истории Украины XIV–XVII вв. как самостоятельного государства, предпринимавшиеся малороссийскими

¹ См. анализ этнографического материала в публикациях XVIII в. [21].

² См. о роли этнического начала у Н.М. Карамзина и в раннеимперской российской историографии [23. С. 44–62].

³ Оригинал [27. Р. 453–477].

⁴ См. подробнее о роли харьковской журнальной историографии в утверждении украинского регионализма [28. С. 55–73].

историками XVIII – начала XIX в., выглядели маргинальными и отражавшими лишь запоздалую ностальгию по временам ушедшей вольницы. Восходившие к «казацким летописям» хроники Самуила Велички, Григория Грабянки, П.И. Симоновского, А.И. Ригельмана и другие источники вплоть до «Истории русов» полностью сосредоточивались на местном материале определенного периода и настаивали на коренном различии украинской и русской политической организации, подразумевавшем, помимо прочего, скорее федеративные, договорные, чем унитарные отношения с метрополией. Маргинализации способствовала и архаичная форма подобной историографии, построенная на хроникальном принципе и допускавшая свободное компилирование разнородных источников без их критического рассмотрения и встраивания в единую концепцию¹. Переход к форме обобщающей научной историографии оказался немыслим без усвоения новой синтетической стилистики, образцом которой также выступила «История государства Российского».

Малороссийские историки новой волны, принимая карамзинскую схему, стремились заполнить ее лакуны, ввести в поле имперского прошлого события, происходившие на «своей» территории. Самый выразительный образец здесь – фундаментальная «История Малой России со времен присоединения оной к российскому государству при царе Алексее Михайловиче», законченная Д.Н. Бантыш-Каменским к концу 1810-х гг. Ее автор сразу предупреждал читателя: «Как первоначальная малороссийская история соединена совершенно с российскою и польскою, я не почел нужным распространяться о сем предмете, а в кратком обозрении изложил первобытное состояние сего края. Подробное же повествование о случившихся в оном происшествиях начал с тех только времен, когда славный козацкий вожьд вознамерился преклонить булаву свою перед могущим скипетром российского самодержца» [33. С. 5].

В изложении Д.Н. Бантыш-Каменского этап Киевской Руси, получивший уже широкое освещение в карамзинской и посткарамзинской историографии, вовсе не затрагивался, а история украинских земель в составе Великого княжества Литовского и Речи Посполитой занимала лишь сорок страниц объемного труда. Написанная по официальному поручению малороссийского генерал-губернатора Н.Г. Репнина, основное внимание «История Малой России» посвящала политическим событиям на территории Гетманщины, причем с выдвиганием на первый план действий центральной власти. В итоге автору первой систематической, основанной на большом круге источников работы удалось популяризировать украинскую историю, свидетельством чего явился ряд переизданий (1830, 1842), в первом из которых, заметим, материал был дополнен и включил в себя описание древнего и литовско-польского этапа. «Однако в целом, – по оценке З. Когута, – история Бантыш-Каменского была не более чем подробной историей одной из многочисленных провинций России»² [26. С. 65].

Варианты согласования имперской и региональной истории, впрочем, могли существенно различаться. Так, А.И. Мартос в своей неизданной «Истории Украины», не отказываясь от карамзинской схемы, предпочел сосредото-

¹ См. об их идеологии и структуре [29. С. 593–607; 30; 31. С. 151–167; 32].

² См. также наблюдения В.В. Кравченко [34. С. 158–191].

точиться на доимперском периоде, как более выразительном с точки зрения местного своеобразия. В его подходе уже вполне чувствовалось стремление к воссозданию через историю национального характера. За сосредоточенность на событийной эмпирике в ущерб телеологичности и национальному колориту, а также за недостаточный показ ответного влияния малороссиян на имперскую культуру (в лице Дмитрия Ростовского, Феофана Прокоповича и др.) он как раз и упрекал своего коллегу: «Думаем, что она («История Малой России». – В.К., Т.В.), конечно, будет приятна Малороссам, потому, что она есть первая подробная <...>. Но скажем, что бывшая Украина, составившая из себя более нежели Черниговскую и Полтавскую губернии, вероятно, потребует другой своей истории, преимущественно до раздробления ее на части (т.е. до вхождения Левобережной Украины в состав Московского царства. – В.К., Т.В). Она потребует показать причины и начала причин удивительного состава козацкого народа» [35. С. 137–138].

В какой-то степени это стремление к «началам причин» компенсировалось усилиями краеведческой археологии, главным представителем которой выступал М.Ф. Берлинский. Его «История города Киева», написанная еще в конце 1790-х гг., но пришедшая к широкому читателю только в 1820-е гг., отталкивалась от «Синописа» и предвосхищала будущую карамзинскую схему. В своем обзоре автор не ограничивался историей одного города, но вписывал ее в широко понимаемую историю Украины (без членения на Левобережную и Правобережную), рассматриваемую с равной подробностью от древности до современности. Этот исторический нарратив, однако, выступал лишь фоном археолого-топографического обозрения, позволявшего насытить живым содержанием «киевские древности». В сокращенном издании 1820 г. именно археологическая часть явилась центром, а сам Киев представал своеобразным историческим палимпсестом: «Существуя почти 18 столетий и находясь во все сие время, так сказать, в средоточии разных народов, из коих каждый действовал на него по владычеству духу того времени, невозможно было ему не измениться, ни в физическом, ни в политическом, ни в нравственном своем существовании. Из первого, от древности, едва остались малые признаки прежнего его бытия <...>»¹ [36. С. 29].

Археологический подход М.Ф. Берлинского, более широкий по историческому охвату, хорошо согласовался с интересами имперской образованной публики, отразившимися в нарративных схемах украинских путешествий. В.В. Измайлов, П.И. Шаликов, И.М. Долгорукий, А.И. Левшин воспринимали современную Малороссию через призму древности, отыскивая в городах и урочищах материальные следы летописных событий, правда только древнерусских². Одновременно происходило и становление научной имперской археологии, отозвавшейся и на украинском этапе экспедиции А.И. Ермолаева, хранителя рукописей Императорской Публичной библиотеки, члена кружка Н.П. Румянцева, который вместе с К.М. Бороздиным произвел первоначальное археологическое описание древностей в Северной России, а в 1810 г.

¹ См. подробнее о методологии и концепции украинского археолога в книге М.Ю. Брайчевского [37. С. 5–20].

² См. наиболее подробный анализ украинских травелогов с этой точки зрения в книге А. Толочко [38. С. 47–134].

Киева и Чернигова [39]. В 1821 г. поездку в Киев с археологическими целями предпринял и сам Н.П. Румянцев¹. В 1822 г. Евгений (Е.А. Болховитинов), известный библиограф, историк литературы, археограф, став митрополитом Киевским и Галицким, организовал уже полноценные археологические исследования, начавшиеся в 1823 г. и продолжившиеся в дальнейшем. В ходе раскопок были обнаружены фундаменты Десятинной церкви, Золотых ворот и другие остатки домонгольской архитектуры [41. С. 15–23]. Большой вклад в изучение украинской археологии внес с польской стороны А. Чарноцкий (З. Доленга-Ходаковский), при этом он также сосредоточивался на древнерусской истории. В опубликованной на польском языке работе 1818 г. «О славянщине до христианства» З. Доленга-Ходаковский впервые наметил программу комплексных исследований славянских народов, а в «Проекте учёного путешествия по России для понимания древней славянской истории» (1820) и «Исторической системе Ходаковского» (1838), опираясь на материалы полевых разысканий, в том числе украинско-белорусских, обосновал принципы междисциплинарного археолого-этнографического подхода к реконструкции древней культуры².

Гердеровско-романтическая концепция З. Доленга-Ходаковского, совершив радикальный методологический переворот, обнажила глубинное противоречие, варианты разрешения которого обозначили внутренние вехи в развитии историко-этнографических разысканий 1800 – начала 1820-х гг. Оно заключалось в неразрывной связи регионального своеобразия с образом жизни низших сословий, прежде всего крестьянства. Социокультурная элита Малороссии уже ко второй половине XVIII в. перешла к унифицированным русско-европейским бытовым формам. В их свете простонародная культура, сохранившая архаические черты, выступала предметом дистанцированного восприятия. Варианты преодоления этой дистанции определялись как меняющимися мировоззренческими установками (от сентиментально-просветительских к романтическим), так и особенностями дискурса (история как нарратив об элите, этнография как репрезентация простонародья). Данные элементы могли выступать в сложных сочетаниях и порождать весьма причудливые идейно-художественные комбинации, чутко отзывающиеся на политический контекст – наполеоновские войны и «польский вопрос».

Более того, формирующийся русский национализм придал особую актуальность системе различий своего и чужого, обостряя чувствительность имперских авторов к культурным границам. Так, в этнографических описаниях Украины XVIII в. местное своеобразие не выступало сигналом инаковости, например, у С.Г. Гмелина, отмечавшего, что «одежда малороссов от употребляемой в Великой России не во многом отлична» и «язык малороссийский, что до существенности его касается, во всем сходствует с российским» [14. С. 139, 140]. Для путешественников александровской поры подобные различия становятся гораздо более заметны, порождая иногда четкое ощущение чуждости, как в случае И.М. Долгорукого, заметившего в 1810 г.

¹ О впечатлениях этой поездки см. [40. С. 1–334].

² Подробнее об А. Чарноцком и его этнографической системе см.: [42. С. 38–87; 43. Т. 1. С. 281–285; 44; 45].

при въезде из Слободской Украины во внутренние малороссийские губернии: «Здесь я уже почитал себя в чужих краях, по самой простой, но для меня достаточной причине: я перестал понимать язык народный; со мной обыватель говорил, отвечал на мой вопрос, но не совсем разумел меня, а я из пяти его слов требовал трем переводу. Не станем входить в лабиринт подробных и тонких рассуждений; дадим волно простому понятию, и тогда многие, думаю, согласятся со мною, что где перестает нам быть вразумительно наречие народа, там и границы нашей родины, а по-моему, даже и отечества. Люди чиновные принадлежат всем странам: ежели не по духу, но по навыкам – космополиты; их наречие, следовательно, есть общее со всеми. Но так называемая чернь – она определяет живые урочища между царствами, кои политика связывает, и лифляндец всегда будет для России иностранец, хотя он и я одной державе служим» [46. С. 64].

И.М. Долгорукий уже последовательно разводит политические и этнические категории, в свете которых общая государственная принадлежность не редуцирует разницы культур. Носителем объединяющего начала выступает в его восприятии административная, а шире – дворянская элита империи, по своему статусу и функциям вынужденная дистанцироваться от национальных корней, что, однако, не отменяет их значимость для «черни».

Скептические замечания И.М. Долгорукова выступали частью обозначившегося интереса к народным началам. Историко-этнографические исследования помогали сфокусировать его и становились платформой для сознательного конструирования нового этнокультурного образа Украины. Подлинный сдвиг здесь произойдет позже, к середине XIX в., когда «старый региональный патриотизм умер» и на смену ему пришел «новый национализм, основанный на исторической антропологии, филологии и народной культуре (или том, что тогда считалось народной культурой)» [47. С. 82]. В этом процессе можно условно выделить два этапа – сентиментально-русоистский, сохранявший актуальность до конца 1810-х гг., а рудиментарно отзвывавшийся и позже, и гердеровско-романтический, первые предвестия которого можно заметить еще у А.Ф. Шафонского и Я.М. Марковича, но в полном объеме реализовавшийся у А. Чарноцкого.

Главным содержанием обоих периодов была переоценка роли простонародья как носителя национального своеобразия. Она, заметим, была столь же актуальной и для формирующегося русского национализма, столкнувшегося со схожей проблемой разрыва между космополитической дворянской элитой и крестьянством, как раз и воплощавшим в себе «народное тело», если воспользоваться руссоистской органицистской метафорой. По мысли В.М. Живова, выход был найден в поиске обобщенных свойств национального характера, объединяющих все сословия: «Обеспечивающими целостность нации чертами оказываются любовь к вере отцов и верность монархическому принципу, то есть, говоря в терминах уваровской триады, православие и самодержавие, которые и составляют содержание народности» [48]. В случае Малороссии эта формула разрешала проблему лишь частично: она работала на укрепление имперской лояльности и, в ее рамках, региональной идентичности, однако не снимала самих этнокультурных различий, уже достаточно чувствительных, как мы видели, и для имперских, и для местных авторов.

Здесь требовались более сложные дискурсивные конструкции, выраставшие тем не менее из того же истока – руссоизма, который в применении к Украине имел к началу XIX в. два извода. Предтечей первого была полонофильская просветительская литература, в особенности «Соображения об образе правления в Польше» (1771) Ж.Ж. Руссо и «Образ правления и законов Польши» (1782) Г. Мабли, где государственное единство Речи Посполитой, уничтоженное в ходе австрийско-прусско-российских разделов, трансформировалось в единство национальное, существующее как бы поверх политических институтов¹. Хранителем и выразителем его становились знать и образованное общество, консолидирующее вокруг себя другие сословия. Перенос этой концепции с образа Польши на образ Украины – заслуга старшего поколения традиционалистов, в частности Г.А. Полетики, отстаивавшего идеи малороссийской шляхетской демократии в ходе работы Комиссии по составлению нового уложения. Этот комплекс идей наиболее полно сказался в «Истории русов», созданной на рубеже XVIII–XIX вв.², но в смягченном и ограниченном виде он определил и установки украинской историографии 1800-х – начала 1820-х гг., сказавшись, при соответствующем идеологическом переосмыслении, и в использовании украинских исторических сюжетов в декабристской литературе (от Ф.Н. Глинки до К.Ф. Рылеева).

Второй извод руссоизма сосредоточивался на крестьянстве как носителе естественности, близости к природе, патриархальности. Именно он определил образ «народа, поющего и пляшущего», служащего репрезентантом современной Украины в имперской словесности рубежа XVIII–XIX вв. В его содержании, однако, доминировали общие признаки, выражающие универсальные качества неиспорченной цивилизацией человеческой природы. «Оставим различные состояния людей, – настаивал А.И. Левшин в «Письмах из Малороссии», – забудем отличия, производящие между ими неравенство, обратимся к человеку вообще. Согласимся с Руссо в том, что он одинаков во всех обществах (т.е. сословиях. – В.К., Т.В.) и что, следовательно, большего уважения нашего заслуживают многочисленнейшие из них (т.е. крестьяне. – В.К., Т.В.)» [51. С. 65]. Взятый в сентиментально-филантропическом качестве украинский простолюдин, однако, в сущности своей мало отличался от русского и не мог выступать средоточием национального единства, по крайней мере, в том смысле, какой ему придавал трактат Ж.Ж. Руссо «Об общественном договоре». Этот крестьянский «народ», кроме того, оказывался еще и изъятый из истории: его сферой являлась природа, а не политика.

Тем самым оба варианта руссоизма вытесняли простолюдин на периферию национального дискурса. В историографии это мотивировалось сословными установками и вело свой генезис от хроник XVII–XVIII вв., которые создавались представителями казацкой старшины, чаще всего связанными с гетманской канцелярией. Здесь нужно учитывать, что именно в данную эпоху в украинском обществе происходил интенсивный процесс сословного расслоения и, приближаясь по социальному статусу к российскому дворянству, казацкая элита искала идеологическое обоснование своему привилегирован-

¹ Подробнее см. в исследовании Л. Вульфа [49. С. 351–360].

² См. подробный анализ «Истории русов» с данной точки зрения у В.В. Кравченко [50].

ному положению. Образцом выступала в первую очередь польская модель, возводившая происхождение шляхты от древних сарматов, что отличало ее от славянского и литовского простонародья. Элементы сарматизма и в целом шляхетской сословной идеологии могли заимствоваться напрямую и переноситься на казацкую старшину (наиболее радикально – в «Истории русов»), но могли создаваться по аналогии, формируя мифологизированный образ казачества как особого этноса («казацкого народа»). Разделение казаков и украинцев, в связи с незавершенностью социальной стратификации, так и не приобрело устойчивого характера, однако явилось чертой и многих местных исторических описаний, с особым интересом комментирующих происхождение и особый статус казачества (от Самуила Велички до А.И. Ригельмана), и имперских трудов, в которых, напротив, образ казачества с середины XVIII в. последовательно вытеснялся на периферию и заменялся образом идиллических малороссиян¹.

Эта традиция оказывала существенное влияние на украинскую историографию вплоть до начала 1820-х гг. Так, А.И. Мартос и Д.Н. Бантыш-Каменский сделали центром своих трудов именно казачество, а в его составе – казацкую старшину. Более того, А.И. Мартос, разделявший методологию А.Л. Шлецера, настаивал на последовательной критике источников и возможно полном учете иностранных свидетельств (Боплан, Шевалье, Шерер и др.), в свете которых даже авторы «казацких летописей» выступали носителями простонародно-архаической культуры и требовали проверки образованным взглядом. «Конечно, Клио не любит скрытности, – писал он в рецензии на «Историю Малой России», – но верны ли записки в манускриптах, доставшихся автору от грамотных простолюдинов?» [35. С. 135]. О конкретном содержании «Истории» А.И. Мартоса судить невозможно, поскольку она осталась неизданной², а рукопись ее утеряна, однако эпистолярные свидетельства говорят об организующей роли предводителей казачества в композиции и нарративе пятитомного труда: «По плану моей истории, она составит из пяти томов, т.е. до уничтожения гетманства; пятая часть со всеми подробностями революции Мазепиной, извлеченная из источников верных, равномерно давно кончена, следовательно только переделываю четвертую часть. Она чрезвычайно разнообразна и обильна, ибо содержит ход происшествий всех гетманов от Богдана, столь противоположно описанных малороссиянами и хрониками польскими, но становится все занимательнее» [55. С. 178].

Официально-академический характер «Истории Малой России» Д.Н. Бантыш-Каменского делал ориентацию на гетманов и казацкую элиту еще более заметной. Разделяя мнение казацких летописей, он возводил истоки самобытного общественного устройства Украины к XVI в., времени правления Стефана Батория, придавшего казачеству регулярный характер и наделившего казацкую старшину особыми привилегиями: «Избранного козаками на его место предводителем князя Богдана Ружинского можно почитать первым малороссийским гетманом. При нем король Стефан Баторий даровал

¹ См. нашу статью [52. С. 478–517].

² За исключением трех отрывков из третьего тома, напечатанных в «Северном архиве» (53. № 13. С. 1–18; № 14. С. 99–125; 54. № 6. С. 461–479).

козакам, в 1576 году, полное войсковое учреждение, разделив их на полки и сотни, в которые действительно служащие козаки были записаны» [33. С. 17].

Примечательно, однако, что история Запорожской Сечи, сохранившей сугобо военную организацию и тем отделившейся от украинского казачества в целом, расценивается Д.Н. Бантыш-Каменским негативно. Запорожцы, преследуя свои цели, часто выступают зачинателями смут, переходят на сторону врагов, вносят политическую дезорганизацию. Реестровое же казачество и близкая к нему по статусу православная шляхта, глубоко интегрированные в общественную систему, рассматриваются как единственный легитимный источник власти, способный защищать страну и принимать правильные политические решения, одним из которых становится договор с Московским царством и в дальнейшем верное служение ему: «С сего времени козаки занимают первое место в Истории Малороссийской. Распространяясь на родине своих праотцев, откуда властолюбие принудило их сначала удалиться, они посредством мужества приобрели себе независимость и соделались страшными даже для самых повелителей своих. Между тем как несчастные жители отторженных от России областей, управляемые литовскими законами, стонали под владычеством польских воевод, каштелян и других урядников, поселившиеся на свободных землях козаки судились между собою от своих старшин и имели свои уряды» [33. С. 19].

Основная часть «Истории Малой России» описывает в первую очередь деяния гетманов, смена которых определяет композицию самого труда (ряд от Богдана Хмельницкого до К.Г. Разумовского). Вторжение в события рядового казачества или крестьянства немногочисленны и чаще всего деструктивны, связаны с бунтами («недовольные <...> малороссияне сначала роптали, потом вышли из повиновения, умертвили многих помещиков, ограбили сборщиков податей»¹). За исключением казацкой верхушки население Украины описывается Д.Н. Бантыш-Каменским как слабо дифференцированная социальная масса, способная выступать лишь фоном для героев из элиты.

Вытеснение простонародья из исторического дискурса, характерное для украинской историографии 1800–1810-х гг., часто оборачивалось у имперских авторов образом народа без истории. Для целого ряда русских путешественников-археологов, заинтересованных, однако, только в сведениях о древнерусском прошлом, удивительным становилось «беспамятство» простонародья, не сохранившего никаких воспоминаний о местных достопримечательных местах и событиях. Так, А.И. Ермолаев в ходе экспедиции 1810 г. сетовал своему начальнику А.Н. Оленину, директору Императорской Публичной библиотеки: «Писать почти совершенно нечего. Мы путешествуем в стране плодородной, изобильной хлебом, но не древностями; здесь все новое. Этот край долгое время принадлежал Польше или составлял нашу Украину и беспрестанно был подвержен набегам татар, которым не учиться было грабить и жечь, разорять. О древних памятниках ранее Петра Великого и говорить нечего» [39. С. 179].

Подобный разрыв создавал существенную проблему для набиравших силу украинофильских тенденций специфического «очищения» исторических

¹ Речь идет о реакции малороссов на выбор гетманом И. Мазепы [33. Ч. 3. С. 10].

первоначал от народного забвения или искажающих наслоений. К этому методу вынужден был прибегнуть в качестве оправдания, например, А.П. Павловский, создатель первой малороссийской грамматики, представляя ее на суд Императорской Академии наук в 1805 г.: «Я слышал вопрос: *«К чему пригодна может быть предлагаемая мною грамматика малороссийского наречия»*. Признаюсь, что вопрос сей для меня тягостен. Филолог <...> захочет в нужном случае употребить малороссийское наречие к разысканию некоторых исторических истин <...>. Читая Историю летописца российского преподобного Нестора, я во многих местах чувствовал, что надобно бы знать язык малороссиян. <...> Кто же нам тогда покажет истинный образ наших предков в прошедших временах, если мы не сохраним настоящего образа их мыслей и наречия?»¹ [56. С. 112–113].

За «прикладными» мотивациями изучения малороссийской культуры как средства реконструкции древнерусского прошлого чувствовались, тем не менее, уже новые интенции, придающие самостоятельную ценность знакам национального колорита: «Вопрошают: *„нужно ли сохранять различные наречия, которых во всяком языке находится не малое количество? или предать все оные забвению?“* Решительно отвечаю: *нужно сохранять все наречия, сколько бы их ни нашлось, в каком бы ни было, а тем более в нашем отечественном, языке*»² [56. С. 113–114].

Трансформация украинского историко-этнографического дискурса оказалась возможна именно благодаря распространению подобных гердеровских по происхождению идей, переоценивших роль простонародья в создании, сохранении и исторической трансляции национальной культуры, зафиксированной в языке, фольклоре и обрядности. Они отражали некий постоянный, не зависящий от перемены политических обстоятельств народный характер. Через крестьянскую культуру можно было восстановить, а по сути, сконструировать заново сущность этого национального характера и через него национального единства. Это тонко почувствовал Адам Чарноцкий (З. Доленга-Ходаковский), призывавший в конце 1810-х гг.: «Необходимо снизойти под кровлю селянина в разных отдаленных краях; надо поспешить на его пиры, забавы и различные события жизни. Там, в дыму, носящемся над головами (т.е. в избах, топящихся по-черному. – В.К., Т.В.), витают еще старинные обряды, расппеваются древние песни и среди пляски народной слышатся имена забытых богов» [59. С. 74].

Интенсивно развивавшиеся в этом направлении малороссийская этнография и археология помогали преодолеть разрыв с историографией, переосмыслив ее в контексте истории не только шляхетской элиты, но и народа. Именно поэтому «открытие» в конце 1810-х гг. Н.А. Цертелевым исторических песен и дум³, репрезентирующих народную версию истории, явилось первым заявлением зрелого имперского украинофильства.

¹ Подробнее о «Грамматике» см. в исследовании Д.Г. Бучко [57. С. 91–115].

² О принципиальной роли языка как основания культуры в просветительской идеологии, особенно поздней, гердеровской см. у Ю.М. Лотмана [58. С. 216–223].

³ Их активно собирал в этот же период З. Доленга-Ходаковский, однако его записи остались неизданными и были опубликованы лишь в XX в. [60]. О раннем собирательском этапе украинской фольклористики см.: [61; 62; 63. № 1. С. 58–64; № 2. С. 27–36].

Методологический переворот Ходаковского предполагал выход из узкой сферы документальных источников, связанных с историей и культурой, в пространство фольклорно-языковых и археологических свидетельств. Сам ученый, прежде всего, интересовался древним дописьменным этапом в истории славянства, который в историографии XVIII – начала XIX в., в том числе у Н.М. Карамзина, представал эпохой «баснословной», поскольку летописи или иностранные источники давали о нем отрывочные и разноречивые сведения. Однако именно этот начальный период этногенеза позволял подвести прочный базис под утверждение общности славянских народов. Критика «Истории государства Российского», которую предпринял Ходаковский в ряде печатных трудов (в «Разысканиях касательно русской истории» [64], «Проекте учёного путешествия по России для понимания древней славянской истории» [65], «Исторической системе Ходаковского» [66]), заключалась как раз в указаниях на проигнорированный Н.М. Карамзиным этнографотопографический материал. Собранный в разных районах Украины, Белоруссии, Северной России, он свидетельствовал о целой системе культурно-языковых пересечений, о совокупном славянском космосе. Благодаря ему можно было модернизировать «великий нарратив» имперской истории, включив в него историю славянства в целом – от Вислы до Ладоги. Этот посыл хорошо вписывался в идеологию формирующегося панславизма, разные варианты которого предлагали в политической плоскости официальные уставы Священного союза и федеративные проекты декабристов. Историческому разделению народов (Польша vs Россия) он противопоставлял глубинное этническое единство, средоточием которого оказывалась как раз Украина, славянский «Полдень». Более того, носителем и хранителем славянских начал, его древней мудрости, выступало простонародье, не затронутое европейской космополитической культурой: «Что нынешним озарением (т.е. просвещением. – В.К., Т.В.) нашим обязаны мы чрезмерному, быть может, подражанию Европе, из того еще не следует, чтоб и наши предки подлежали тому правилу и все чужое имели. Откуда наши добрые ратаи имеют по старым преданиям столько названий разных растений, даже и звезд, чего не имеется и в диалекте нашей учености? Кому ж мы обязаны сокровищем языка нашего; в чем он был прежде попечении, пока вошел, и то не совсем, в известные книги? Если б мы менее руководствовались модою и дворянством, наблюдаемым и в сих отношениях, а заглядывали под соломенную крышу поселянин, которые не изменили столько своим предкам, то наверно ожидать можно, что сокровище *мовы* нашей более б умножилось» [64. С. 282].

В своих странствованиях Ходаковский на деле воплотил призыв войти в курные избы крестьянства, предвосхитив идеалы будущего народничества, как украинского, так и русского. Для имперской публики 1810 – начала 1820-х гг. значимее, однако, был не столь радикальный мотив знакомства с народной жизнью, встречи образованной, но потерявшей корни элиты с архаичным и сохранившим этническую и нравственную оригинальность простонародьем. В этом плане пафос Ходаковского хорошо вписывался в декабристские поиски народности, в открытие «умного, бодрого нашего народа» (А.С. Грибоедов) [67]. Ситуацию такой встречи рисовало и предисловие Н.А. Цертелева к «Опыту собрания старинных малороссийских песен» (1819): «Случай,

помогавший многим открытиям, был виновником сего опыта. Нечаянно попался мне слепой бандурист, который подобно древним рапсодам, переходя из одного места в другое, воспеваает подвиги отечественных героев. Я описал все, что он знал, и с удовольствием увидел шесть старинных песней, к которым, впоследствии, присоединив и еще четыре таковых же, принял намерение издать оные» [68. С. 1].

Подразумеваемый коллективный автор «старинных песен», как и анонимный бандурист у Н.А. Цертелева, еще не выступал самоценной фигурой. В предисловии он рисовался вполне стилизованно и реализовал популярную аналогию «Украина – Греция», восходящую к И.Г. Гердеру и И.Х. Энгелю («*Commentatio de republica militari seu comparatio Lacadaemoniorum, Cretenaium et Cosacorum*» [69], «*Geschichte der Ukraine und der ukrainischen Kosaken*» [70]) и широко распространившуюся в украинских травелогах. В ее свете малороссийские песни являлись подобием «Илиады», созданным первоначально представителями элиты, но, в отличие от греческого памятника, не сохранившимся во всей полноте содержания и чистоте стиля, а приспособившимся с течением веков к вкусам простонародья: «Правда, что сии памятники народного гения, сохраняясь столь долгое время в изустных преданиях, много испорчены <...>. Это безобразные развалины, свидетельствующие о красоте разрушенного здания!» [68. С. 5]. Смягчая «грубую» стилистику, Н.А. Цертелев опубликовал не аутентичный текст песен, а, по сути, их литературную обработку, нацеленную на то, чтобы передать «пиитический гений народа, дух его, обычаи описываемого времени и, наконец, ту чистую нравственность, которою всегда отличались малороссияне и которую тщательно сохраняют по сие время, как единственное наследие предков своих, уцелевшее от жадности народов, их окружавших!» [68. С. 2].

Сам народный взгляд на прошлое для фольклориста уходил на второй план, он сомневался, что «стихотворения сии могут служить объяснением малороссийской истории», для него они являлись скорее образцом «поэзии безыскусственной, естественной» [68. С. 4]. Однако подбор текстов говорил и об иной тенденции, согласующейся с декабристским стремлением отыскивать в истории и народной поэзии сюжеты гражданственные, патриотические. «Невозможно, думал я, что бы живое воображение малороссиян не воспламенилось чудными переворотами, претерпенными отечеством их; невозможно, чтобы люди, умеющие ценить прелесть спокойствия, не были поражены буйством татарских набегов. Предметы ужасные всегда поражают нас ранее приятных; эпохи бедствий и кровопролитий предшествуют истинной славе народов» [68. С. 2].

В результате в сборник были включены, прежде всего, думы и исторические песни с героическими сюжетами, живописующие события военных походов («О походе гетмана Богдана Хмельницкого в Молдавию»), стоическую смерть защитника отечества («О смерти Ивана Коновченка или о походе козаков против Татар», «Смерть козака Федора Безродного») или подвиги казаков («О побеге трех братьев из города Азова»). Их дополняли рефлексии на политическую историю Гетманщины, связанные с ее центральными персонажами – Богданом Хмельницким и Иваном Мазепой («О хитрости употребленной Богданом Хмельницким к открытию сношений Барабаша с Поляка-

ми», «О смерти Гетмана Богдана Хмельницкого и избрании в гетманы сына его Юрия», «О измене гетмана Мазепы»). Песни лирического характера представлены всего тремя текстами («О Алексее Поповиче или о буре претерпенной козаками в Черном море», «Тоска сестры в разлуке с братом», «Отъезд козака из родины», тоже имевшими патриотический подтекст, демонстрировавшими переплетение интимных чувств с тяготами военной казацкой жизни, с любовью к родине и тоской по ней.

Тем самым этнографическое стремление передать народный колорит, «дух народа», соединилось в «Опыте собрания старинных малороссийских песен» с историческим началом, с образом «казацкого народа», вполне сохранившего память о своем прошлом. Более того, Н.А. Цертелев, подобно Ходаковскому, этот народно-исторический субстрат попытался включить в последующих своих разысканиях в общерусский («Взгляд на старинные русские сказки и песни», «О произведениях древней русской поэзии», «О стихосложении старинных русских песен» (1820); «О народной поэзии» (1823), а затем и общеславянский контекст. В 1824 г. им была помещена в «Северном архиве» рецензия на сборник славянских песен Ф.Л. Челяковского «*Slowanskè narodni Písne*» [71], где Н.А. Цертелев особо отметил лакуны в материале, свидетельствующие о недооценке роли украинцев в славянском мире: «Странно, что отделение сие столь бедно тогда, когда оно могло быть одним из богатейших, ибо ни одно, может быть, из наречий языка славянского не имеет столько разнообразных прелестных стихотворений, как наречие малороссийское» [72. С. 111].

Для фольклориста это было принижением и российского начала, мыслящегося как объединяющее, «старшее»: «Нам, русским, старшим потомкам славян, стыдно уступить в любви к народной славе сербам и богемцам, стыдно не заботиться о памятниках слова дедов наших и имея еще возможность передать внукам и правнукам своим дух народной поэзии, с каждым днем более и более умирающей, совершенно не радеть о том» [72. С. 112].

Эта борьба за «главенство» в славянском мире, проецируемая на различные стороны культуры – от системы образования и книгоиздательской практики до истории и этнографии, являлась частью политических и идеологических полемик 1800 – начала 1820-х гг., глубоко повлиявших на образ Украины в имперской словесности и требующих отдельного рассмотрения.

Литература

1. [Симоновский П.И.] Краткое описание о козацком малороссийском народе и о военных его делах, собранное из разных историй иностранных, немецкой – Бишенга, латинской – Безольди, французской – Шевалье и рукописей русских, чрез бунчукового товарища Петра Симоновского, 1765 года. – М., 1847.
2. [Рубан В.Г.] Краткая летопись Малой России с 1506 по 1776 г., с изъяснением настоящего образа тамошнего правления и с приобщением списка преждебывших гетманов, генеральных старшин, полковников и иерархов, також Землеописания, с показанием городов, рек, монастырей, церквей, числа людей, известий о почтах и других нужных сведений. Издана Васильем Григорьевичем Рубаном, господином коллежским асессором и Вольного Российского собрания, при Императорском Московском университете, членом. – СПб., 1777.
3. Григорович Н.И. Канцлер князь Александр Андреевич Безбородько: в 2 т. – СПб., 1879–1881.
4. *Российский магазин*. – СПб., 1792.

5. *Российский магазин*. – СПб., 1793.
6. *Ригельман А.И.* Летописное повествование о Малой России и ее народе и казаках вообще, отколь и из какого народа оные происхождение свое имеют, и по каким случаям они ныне при своих местах обитают, как-то: Черкасские или Малороссийские и Запорожские, а от них уже Донские и от сих Яицкие, что ныне Уральские, Гребенские, Сибирские, Волгские, Терские, Некрасовские и пр. казаки, как равно и Слободские полки. – М., 1847.
7. *Георги И.Г.* Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. – Ч. 4: О народах монгольских, об армянах, грузинах, индийцах, поляках и владычествующих россиянах с описанием всех именованных казаков, также история о Малой России и купно о Курляндии и Литве. – СПб., 1799.
8. *Киевская старина*. – 1893. – № 1.
9. *История Русов, или Малой России*. Сочинение Георгия Кониского, архиепископа Белорусского. – М., 1846.
10. *Plokhly S.* Ukraine or Little Russia? Revisiting an Early Nineteenth-Century Debate // *Canadian Slavonic Papers*. – 2006. – Vol. 48, № 3/4.
11. [*Калиновский Г.И.*] Описание свадебных украинских простонародных обрядов, в Малой России и в Слободской Украинской губернии, также и в великороссийских слободах, населенных малороссиянами, употребляемых, сочинённое Григорием Калиновским, армейских пехотных полков, состоявших в украинской дивизии, прапорщиком. – СПб., 1777.
12. *Рубан В. Г.* Землеописание Малыя России по ревизии 1764 г. – СПб., 1777.
13. *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российской Империи. – СПб.: Имп. Акад. наук, 1809.
14. *Гмелин С.Г.* Путешествия по России для исследования трех царств естества. – Ч. 1: Путешествие из Санкт-Петербурга до Черкасса, главного города Донских казаков в 1768 и 1769 годах. – СПб., 1806.
15. [*Гильденштедт И.А.*] Дневник путешествия в южную Россию академика Санкт-Петербургской Академии Наук Гильденштедта в 1773-74 гг. / пер. с нем. М. Шугурова // *Записки Одесского общества истории и древностей*. – 1879. – Т. 1.
16. [*Гильденштедт И.А.*] Дневник путешествия по Слободско-Украинской губернии академика Санкт-Петербургской академии наук Гильденштедта в августе и сентябре 1774 г. / пер. с нем. // *Харьковский сборник: литературно-научное приложение к Харьковскому календарю на 1891 год*. – Вып. 5. – Отд. 2. – Харьков, 1891.
17. *Шафонский А.Ф.* Черниговского наместничества топографическое описание 1786. – Киев, 1851.
18. *Переверзев И.А.* Топографическое описание Харьковского наместничества 1787. – М., 1788.
19. *Переверзев И.А.* Топографическое описание Киевского наместничества 1786. – М., 1788.
20. *Маркович Я.М.* Записки о Малороссии, ее жителях и произведениях. – СПб., 1798.
21. *Горленко В.Ф.* Становление украинской этнографии конца XVIII – первой половины XIX ст. – Киев: Наукова думка, 1988.
22. *Когут З.* Истоки парадигмы единства: Украина и создание русской национальной истории (1620–1680-е гг.). – URL: <http://www.ukrhistory.narod.ru/texts/kohut-1.htm> (дата обращения: 04.02.2013).
23. *Saunders D.* Historians and Concepts of Nationality in Early Nineteenth-Century Russia // *Slavonic and East European Review*. – 1982. – Vol. 60, № 1, January.
24. *Гизель И.* Киевский Синописис. – Киев, 1674.
25. *Карамзин Н.М.* История государства Российского: в 12 т. – СПб., 1803–1826.
26. *Когут З.* Развитие украинской национальной историографии в Российской империи / пер. с англ. // *Перекрестки: журнал исследований восточноевропейского пограничья*. – 2006. – № 3–4. – С. 62.
27. *Kohut Z.E.* The Development of Ukrainian National Historiography in Imperial Russia // *Historiography of Imperial Russia: The Profession and Writing of History in a Multinational State* / ed. by Thomas Sanders. – Armonk: M.E. Sharpe, 1999.
28. *Журба О.І.* Журнальний період становлення української археографії (Харківські журнали 10–20-х рр. XIX ст.) // *Архіви України*. – 2002. – № 1–3.

29. *Sysyn F.* The Cossack Chronicles and the Development of Modern Ukrainian Culture and National Identity // *Harvard Ukrainian Studies.* – 1990. – Vol. 14, № 3/4 (December).
30. *Корпанюк М.П.* Крайове та козацьке компілятивне літописання як історико-літературне явище. – Київ: Літопис-XX, 1997.
31. *Лукашова С.С.* Украина в едином этнополитическом пространстве России первой половины XVIII в. // *Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности / Межрегиональные исследования в общественных науках.* – Вып. 3. – М., 2001.
32. *Дзира І.Я.* Козацьке літописання 30–80-х рр. XVIII ст.: джерелознавчий та історіографічний аспекти. – Київ: [б. и.], 2006.
33. *Бантыш-Каменский Д.Н.* История Малой России со времен присоединения оной к российскому государству при царе Алексее Михайловиче с кратким обозрением первобытного состояния сего края. – Ч. 1. – М., 1822.
34. *Кравченко В.В.* Нариси з української історіографії епохи національного відродження (друга половина XVIII — середина XIX ст.). – Харків: Основа, 1996.
35. *Мартос А.И.* История Малой России со времени присоединения к Российскому государству, при царе Алексее Михайловиче, с кратким обозрением первобытного состояния сего края. – М., 1822. Печатана иждивением сочинителя (Д.Н. Бантыша-Каменского) // *Сын отечества.* – 1823. – № 3.
36. *Берлинский М.Ф.* Краткое описание Киева. Содержащее историческую перечень сего города, так же показание достопамятностей и древностей оного. – СПб., 1820.
37. *Брайчевський М.Ю.* Максим Берлинський та його «Історія міста Києва» // *Берлинський М.Ф. Історія міста Києва.* – Київ, 1991.
38. *Толочко А.* Киевская Русь и Малороссия в XIX веке. – Київ: Laugus, 2012.
39. *Документи* першої історико-археологічної експедиції в Україну // *Київська старовина.* – 1998. – № 3.
40. *Переписка* государственного канцлера графа Н.П. Румянцева с московскими учеными // *Чтения в Обществе истории и древностей российских.* – 1882. – Кн. 1.
41. *Ананьева Т.* Десятинна церква: коло витоків археологічних досліджень (1820–1830-ті рр.) // *Церква Богородиці Десятинна в Києві. До 1000 освячення.* – Київ, 1996.
42. *Пытин А.Н.* История русской этнографии. – Т. 3: Этнография малорусская. – СПб., 1891.
43. *Азадовский М.К.* История русской фольклористики. – М.: Учпедгиз, 1958.
44. *Малаш-Аксамитова Л.А.* Доленга-Ходаковский (Адам Чарноцкий) и его наследие. – Wroclaw, 1967.
45. *Болтарович З.* Україна в дослідженнях польських етнографів XIX ст. – Київ, 1976.
46. *Долгорукий И.М.* Славны бубны за горами, или Путешествие мое кое-куда, 1810 года // *Чтения в Обществе истории и древностей российских.* – 1869. Кн. 2. – Отд. 2.
47. *Raeff M.* Ukraine and Imperial Russia: Intellectual and Political Encounters from the Seventeenth to the Nineteenth Century // *Ukraine and Russia in their Historical Encounter / ed. by P.J. Potichnyj, M. Raeff, J. Pelenski, G.M. Zekulin.* – Edmonton: CIUS Press, 1992.
48. *Живов В.М.* Чувствительный национализм: Карамзин, Ростопчин, национальный суверенитет и поиски национальной идентичности // *Новое лит. обозрение.* – 2008. – № 91.
49. *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / пер. с англ. И. Федюкина. – М.: Новое лит. обозрение, 2003.
50. *Кравченко В.В.* «Поэма вольного народу» («Історія Русів» та її місце в українській історіографії). – Харків: Основа, 1996.
51. *Левшин А.И.* Письма из Малороссии. – Харьков, 1816.
52. *Киселев В.С., Васильева Т.А.* «Странное политическое сонмище» или «народ, поющий и пляшущий»: конструирование образа Украины в русской словесности конца XVIII – начала XIX в. // Там, внутри: Практики внутренней колонизации России. – М., 2012.
53. *Северный архив.* – СПб., 1822.
54. *Северный архив.* – СПб., 1823.
55. *Письмо* И.Р. Мартосу от середины 1822 г. Цит. по изд.: *Лазаревский А.* Прежние изыскатели малорусской старины (А.И. Мартос) // *Киевская старина.* – 1895. – Т. 48. – Февр.
56. *Павловский А.П.* Грамматика малороссийского наречия, или грамматическое показание существеннейших отличий, отдаливших малоросское наречие от чистого русского языка, сопровождаемое разными по сему предмету замечаниями и сочинениями. – СПб., 1818.

57. Бучко Д.Г. «Словарь малороссийскаго наречія» О. Павловського // 3 історії української мови: До 150-річчя «Граматики» О. Павловського. – Киев, 1972.
58. Лотман Ю.М. Слово и язык в культуре Просвещения // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. – Т. 1: Статьи по семиотике и топологии культуры. – Таллин, 1992.
59. Пытин А.Н. История русской этнографии. – Т. 3. Этнография малорусская. – СПб., 1891.
60. Українські народні пісні в записах Зоріана Доленги-Ходаковського / Упоряд. та передмова О.І. Дея. – Киев: Наукова думка, 1974.
61. Дей. О.І. Сторінки з історії української фольклористики. – Киев: Наукова думка, 1975.
62. Кирдан Б.П. Собиратели народной поэзии: из истории украинской фольклористики XIX в. – М.: Наука, 1974.
63. Кирчів Р. Початки наукового зацікавлення українським фольклором (збирання і вивчення) // Народна творчість та етнографія. – 2006. – № 1, 2.
64. Доленга-Ходаковский З. Разыскания касательно русской истории // Вестник Европы. – 1819. – Ч. 107, № 20.
65. Доленга-Ходаковский З. Проект учёного путешествия по России для понимания древней славянской истории // Сын Отечества. – 1820.
66. Доленга-Ходаковский З. Историческая система Ходаковского // Русский исторический сборник. – 1837. – Кн. 3.
67. Грибоедов А.С. Горе от ума. – М.: Молодая гвардия, 1978.
68. Цертелев Н.А. Опыт собрания старинных малороссийских песен. – СПб., 1819.
69. Engel J. Ch. Commentatio de republica militari seu comparatio Laca-daemoniorum, Cretenaium et Cosacorum. – Cöttingen, 1790.
70. Engel J. Ch. Geschichte der Ukraine und der ukrainischen Kosaken. – Halle, 1796.
71. Челяковский Ф.Л. Slowanskè narodni Pisnè. – Prague, 1822.
72. Цертелев Н.А. Славянские песни различных наречий // Северный архив. – 1824. – Ч. 9, № 2.

DOI 10.17223/19986645/26/7
УДК 821.161.1 (09)

Е.Г. Новикова

ЖИВОПИСНЫЙ ЭКФРАСИС В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ». СТАТЬЯ 2. ПЯТЬ КАРТИН

В статье исследуется живописный экфрасис романа Ф.М. Достоевского «Идиот». Впервые показано, что в романе Достоевского организован специальный живописный дискурс и исследована его общая динамика. Впервые в «Идиоте» выделены и проанализированы пять картин – пять полных экфрасисов: «лицо приговоренного», портрет Настасьи Филипповны, портрет Рогожина, «Мертвый Христос», Христос и ребенок. Также в романе выделены и изучены два специальных живописных дискурса: дискурс фотографического портрета Настасьи Филипповны и дискурс художника Ганса Гольбейна младшего.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, «Идиот», живописный экфрасис, живописный дискурс.

Одной из ярчайших эстетических и художественных особенностей романа Ф.М. Достоевского «Идиот» является живописный экфрасис. Безусловно, о месте и значении в романе картины Ганса Гольбейна мл. (Hans Holbein der Jungere, 1497/98–1543) «Мертвый Христос» («Toter Christus», 1521)¹ создана обширнейшая литература, суть которой показательно выражена Т.А. Касаткиной: «Несколько лет назад возможно было утверждать, что в романе «Идиот» не определен <...> проблемный центр. Сейчас на этот «проблемный центр» можно буквально указать пальцем. Это так называемый «Мертвый Христос», копия картины Ганса Гольбейна «Христос в могиле» <...>» [2. Т. 9. С. 595]. Также неоднократно исследовалась и проблематика портрета Настасьи Филипповны. Однако изучение «Идиота» в специальном экфрасистическом аспекте показывает, что его живописный ряд ни в коем случае не может быть сведен только к одному какому-нибудь изображению, будь это фотография Настасьи Филипповны или безусловно значимая в контексте романа картина Ганса Гольбейна мл.

По мысли Л. Геллера, экфрасис – это «всякое воспроизведение одного искусства средствами другого» [3. С. 13]. В более традиционном понимании «<...> экфрасис представляет собой непосредственное описание либо простое обозначение визуального артефакта в литературном произведении» [4. С. 48], произведения живописи, скульптуры, архитектуры, фотографии... В данном исследовании термин «экфрасис» будет использоваться во вполне традиционном смысле, поскольку объективно экфрасис в «Идиоте» – это в основном описание живописных полотен, скульптур и архитектуры. Преобладает в романе живопись. Более того, можно говорить о том, что в романе

---

¹ В.Н. Захаров в статье «Воскрес ли мертвый Христос?» приводит несколько названий этой картины на немецком, и, соответственно, на русском языке. См.: [1. Т. 8. С. 658]. В данной работе используется название, которое предпочитал Достоевский, – «Мертвый Христос» («Toter Christus»).

фактически организован специальный **экфрастический живописный дискурс**. Его анализ и является целью данной работы.

Развернутая, обстоятельная, многоаспектная классификация экфрасиса содержится в работе Е.В. Яценко «"Любите живопись, поэты..."». Экфрасис как художественно-мировоззренческая модель» [4]. В частности, здесь показано, что самый значимый принцип классификации экфрасиса – по объему описания: «По *объему* экфрасисы можно разделить на *полные, свернутые, нулевые*. *Полный* экфрасис содержит развернутую репрезентацию визуального артефакта, т. е. это экфрасис в классическом варианте. Описание *свернутого* экфрасиса укладывается в одно-два предложения <...> *Нулевой* экфрасис лишь указывает на отнесенность реалий словесного текста к тем или иным художественно-изобразительным явлениям» [4. 49]. Живописный дискурс романа «Идиот» несет в себе нулевые, свернутые и полные экфрасисы произведений двух жанров, портрета и пейзажа.

Общий живописный дискурс романа начинается описанием художницы Аделаиды Епанчиной: «Старшая была музыкантша, средняя была замечательный живописец <...>» [5. Т. 8. С. 16]. И далее о ней: «<...> Аделаида – **пейзажи и портреты** пишет <...>» [5. Т. 8. С. 47]. Между этими двумя характеристиками Аделаиды в текст романа входит еще один экфрасис, связанный на этот раз с князем Мышкиным: «Вот этот **пейзаж** я знаю; это вид швейцарский. Я уверен, что живописец с натуры писал, и я уверен, что это место я видел; это в кантоне Ури...» [5. Т. 8. С. 25]. Так живописный дискурс романа начинается нулевыми экфрасисами пейзажа и портрета. Несмотря на эту заданную общую установку на жанры «пейзажей и портретов», доминируют в романном экфрасисе портреты.

Первым полным экфрасисом «Идиота» становится предложенная Аделаиде Мышкиным картина «лица приговоренного»: «– Я непременно хочу слышать, – повторила Аделаида. – Давеча, действительно, – обратился к ней князь, несколько опять одушевляясь (он, казалось, очень скоро и доверчиво одушевляясь), – действительно у меня мысль была, когда вы у меня сюжет для картины спрашивали, дать вам сюжет: нарисовать **лицо приговоренного** за минуту до удара гильотины, когда ещё он на эшафоте стоит, пред тем как ложиться на эту доску. – Как лицо? **Одно лицо?** – спросила Аделаида: – странный будет сюжет, и какая же тут картина? <...> растолкуйте мне картину из этой казни. Можете передать так, как вы это себе представляете? Как же это лицо нарисовать? Так, одно лицо? Какое же это лицо? <...> Нарисуйте эшафот так, чтобы видна была ясно и близко одна только последняя ступень; преступник ступил на нее: **голова, лицо** бледное как бумага, священник протягивает крест, тот с жадностью протягивает свои синие губы, и глядит, и – всё знает. Крест и голова – вот картина, лицо священника, палача, его двух служителей и несколько голов и глаз снизу, – всё это можно нарисовать как бы на третьем плане, в тумане, для аксессуара... **Вот какая картина**» [5. Т. 8. С. 54–56]. По жанру – это **портрет**. Не случайно добавлено, что все остальное в этой картине выполняет функцию «аксессуара». Также «по авторской принадлежности экфрасис делится на *монологический* – от лица одного персонажа, и *диалогический*, когда изображение раскрывается в ходе беседы, диалога персонажей» [4. 50]. Первый полный экфрасис романа – диалогиче-

ский, эта картина рождается не только в диалоге Мышкина с Аделаидой, в его беседе с Епанчинными, но в конечном счете в большом времени и в большом диалоге о смертной казни, о насильственной смерти, убийстве. Этот первый полный экфрасис романа «Идиот» задает проблематику «лица приговоренного», которой далее во многом будет определяться романский живописный дискурс.

Второй полный экфрасис в романе – **фотографический портрет** Настасьи Филипповны. Фотографический портрет – вариант экфрасиса: «По «носителю» изображения, материалу, т.е. по *описываемому референту*, экфрасисы подразделяются на репрезентации произведений: а) изобразительного искусства: живописи, графики, скульптуры, художественной фотографии <...>» [4. С. 49], – пишет Е.В. Яценко. Также Е.В. Яценко показывает, что «с точки зрения *способа подачи* в тексте» выделяются цельные и дискретные экфрасисы: «*дискретные* – описание прерывно, рассеяно на некотором пространстве текста, чередуется с повествованием» [4. С. 51]. Портрет Настасьи Филипповны не только полный, но и дискретный экфрасис: он описан или упомянут в тексте романа как минимум 11 раз. Такой значительный объем дискретного экфрасиса позволяет внутри живописного дискурса в романе выделить специальный дискурс фотографического портрета Настасьи Филипповны.

Самыми значимыми фрагментами данного дискурса являются 2, 3 и 5-й, именно в них портрет Настасьи Филипповны дан как полный экфрасис, преимущественно в восприятии Мышкина. 2-й фрагмент – самое общее изображение Настасьи Филипповны во весь рост, своего рода «общий фон» ее образа: «<...> в черном шелковом платье, чрезвычайно простого и изящного фасона; волосы, по-видимому, темно-русые, были убраны просто, по-домашнему; глаза темные, глубокие, лоб задумчивый» [5. Т. 8. С. 27]. Но уже здесь начинается тема характера, личности героини: «<...> выражение лица страстное и как бы высокомерное» [5. Т. 8. С. 27]. Здесь же начинается в романе тема красоты: «Удивительно хороша!»; «<...> действительно необыкновенной красоты женщина» [5. Т. 8. С. 27]. В 3-м фрагменте общий портрет Настасьи Филипповны сменяется крупным планом – специальным описанием ее лица: «Удивительное лицо!» [5. Т. 8. С. 31]. При этом тема красоты исчезает, и ее сменяет тема страдания: «<...> она ведь ужасно страдала, а?» [5. Т. 8. С. 31]. Это лицо страдания, в конечном счете, это «**лицо приговоренного**», поскольку данный экфрасис завершается словами Мышкина о Рогожине «**зарезал бы ее**» [5. Т. 8. С. 32]. Поэтому конечный смысл данного фрагмента – тема спасения: «Все было бы спасено!» [5. Т. 8. С. 32]. При одном условии – «Ах, кабы добра!» [5. Т. 8. С. 32]. 5-й фрагмент соединяет в себе основные смыслы 2-го и 3-го, в нем объединены темы красоты и страдания: «Это необыкновенное по своей красоте и еще по чему-то лицо еще сильнее поразило его теперь. Как будто необъятная гордость и презрение, почти ненависть, были в этом лице, и в то же самое время что-то доверчивое, что-то удивительно простодушное; **эти два контраста** возбуждали как будто даже какое-то **сострадание** при взгляде на эти черты» [5. Т. 8. С. 68]. Красота и страдание Настасьи Филипповны вызвали в душе героя то глубокое сострадание, которое и определит романский сюжет. В целом описание портрета героини осуществляется при помощи таких категорий, как «красота»,

«страдание», «спасение», «добро»). Очевидно, что сопряжение данных категорий в одном дискурсе восходит к Св. Троице Бога Отца – Добра, Бога Сына – Истины, Бога Духа Святого – Красоты. Но с Богом Сыном здесь могут быть соотнесены только категории «страдание» и «спасение». В романе «Идиот» Иисус Христос явлен, прежде всего, в страдании: «Об этой муке и об этом ужасе и Христос говорил» [5. Т. 8. С. 32]. Но здесь же заявлена и тема «спасения», Спасителя: «Все было бы спасено!» Смысловой кульминацией всего дискурса становится 3-й фрагмент, описывающий лицо героини как «лицо приговоренного», которое осмысливается здесь в категориях «Спасения» и «Добра».

Живописный дискурс романа, начатый в доме Епанчиных описанием художницы Аделаиды, картинами «лица приговоренного» и портретом Настасьи Филипповны, продолжается в доме Рогожина. Здесь он также, как и при характеристике Аделаиды, начинается нулевым экфрасисом: «несколько масляных картин» [5. Т. 8. С. 172] – и уточняется далее как два жанра живописи, портрет и пейзаж: «было несколько картин, всё портреты архиереев и пейзажи» [5. Т. 8. С. 181]. На этом неопределенном, живописно бесцветном фоне выделяются две картины – портрет Рогожина-старшего и «копия с Ганса Гольбейна» [5. Т. 8. С. 181].

Но только одна картина представлена здесь как полный экфрасис – это портрет Семена Парфеныча Рогожина: «Один портрет во весь рост привлек на себя внимание князя: он изображал человека лет пятидесяти, в сюртуке покроя немецкого, но длиннополом, с двумя медалями на шее, с очень редкою и коротенькою седоватою бородкой, со сморщенным и желтым лицом, с подозрительным, скрытным и скорбным взглядом» [5. Т. 8. С. 172–173]. Это второй в романе, после фотографии Настасьи Филипповны, портрет во весь рост. И его так же, как и портрет Настасьи Филипповны, можно назвать диалогическим: в его обсуждении, непосредственно и в пересказе, принимают участие три героя, Парфен Рогожин, Мышкин и Настасья Филипповна: «<...> ты, пожалуй, точь-в-точь как твой отец бы стал, да и в весьма скором времени <...> И вот точь-в-точь она это же самое говорила недавно, когда тоже этот портрет разглядывала!» [5. Т. 8. С. 178]. Данный экфрасис организован принципом и идеей копии. Проблематика сложного соотношения «реальности» и визуального искусства начинается уже с появления Парфена Рогожина в дверях своего дома: «Дверь отворил сам Парфен Семеныч; увидев князя, он до того побледнел и **остолбенел** на месте, что некоторое время похож был на **каменного истукана**, смотря своим неподвижным и испуганным взглядом <...>» [5. Т. 8. С. 170]. Сначала он превращается в «каменного истукана», чтобы затем предстать на картине, изображающей его отца. Имена и отчества отца и сына зеркальны; и Мышкин и Настасья Филипповна едины в том, что портрет Семена Парфеныча Рогожина – это «точь-в-точь» изображение Парфена Семеныча. При этом вряд ли это поразительное сходство между отцом и сыном связано с описанием сюртука, медалей... Очевидно, что речь здесь идет, в первую очередь, о **лице**, о выражении лица: «сморщенное и желтое лицо», «подозрительный, скрытный и скорбный взгляд». Так портрет старшего Рогожина становится экфрастическим описанием лица Парфена Рогожина. Поэтому можно говорить о том,

что в романе, наряду с портретом-экфрасисом Настасьи Филипповны, есть и портрет-экфрасис Рогожина. После описания лица жертвы следует описание лица ее палача, убийцы, о котором уже сказано, что он ее «зарезет», и чей «подозрительный, скрытный и скорбный взгляд» также говорит о страдании. Таков **третий полный экфрасис** в «Идиоте».

В живописном дискурсе дома Рогожина в роман также впервые входит экфрасис картины Ганса Гольбейна мл. «Мертвый Христос». Экфрасис этой картины так же дискретен, как и экфрасис портрета Настасьи Филипповны: «Мертвый Христос» приведен в романе трижды (или даже четырежды, в зависимости от интерпретации). Это позволяет говорить о том, что в «Идиоте» есть специальный дискурс Ганса Гольбейна. «По наличию или отсутствию в истории художественной культуры реального референта экфрасисы делятся на *миметические* и *немиметические*» [4. С. 49]. Все миметические экфрасисы романа «Идиот» связаны только с одним художником – с Гансом Гольбейном мл.

Миметический дискурс романа начинается указанием на реально существующую, обсуждаемую, но в конце концов так и не названную некую «базельскую картину». О ней вспоминает Мышкин в тот самый момент, когда предлагает Аделаиде сюжет для ее картины – «нарисовать лицо приговоренного»: «<...> я в Базеле недавно одну такую картину видел. Мне очень хочется вам рассказать... Я когда-нибудь расскажу... очень меня поразила <...> О базельской картине вы непременно расскажете после, – сказала Аделаида» [5. Т. 8. С. 55]. Существуют две основные версии по поводу того, какую именно картину имел здесь в виду Достоевский. В Примечаниях к «Идиоту» в академическом Полном собрании сочинений говорится о картине Ганса Фриса: «По всей вероятности, Достоевский имеет в виду хранящуюся в базельском художественном музее картину Г. Фриса (1450–1520) «Усекновение главы Иоанна Крестителя» (1514), изображающую лицо Иоанна в тот момент, когда над ним уже занесен меч» [5. Т. 9. С. 433]. Вторая версия была сформулирована в Комментариях к «Идиоту» в петрозаводском Полном собрании сочинений писателя. Она состоит в том, что «базельская картина» может быть «Мертвым Христом»: «Текст романа не дает повода для однозначного суждения (о том, что это картина Г. Фриса «Усекновение главы Иоанна Крестителя». – Е.Н.). В подготовительных материалах к роману Достоевский называет «базельской» картину Гольбейна младшего «Мертвый Христос»: “Рассказ о базельском /Holbein/ Христе”» [1. Т. 8. С. 745–746]. В любом случае, включена «базельская картина» в романский дискурс Ганса Гольбейна или нет, это нулевой экфрасис.

Имя художника впервые упоминается в VI главе романа: «У вас, Александра Ивановна, лицо тоже прекрасное и очень милое, но, может быть, у вас есть какая-нибудь тайная грусть; душа у вас, без сомнения, добрейшая, но вы не веселы. У вас какой-то особенный оттенок в **лице**, похоже как у **Гольбейновой Мадонны** в Дрездене» [5. Т. 8. С. 65]. Как известно, здесь имеется в виду копия картины Ганса Гольбейна «Мадонна с семьей бюргермейстера Якоба Майера» («Die Madonna des Bürgermeisters Meyer zum Hasen»;

«Darmstädter Madonna», 1525–1526)¹. Обозначение автора и местонахождения картины, ее частичного содержания и общего впечатления, которое она вызывает, позволяет определить ее описание в романе как свернутый экфрасис. В подготовительных набросках к «Идиоту» есть записи Достоевского, передающие его впечатление от этой картины Ганса Гольбейна: «ОНА ТИХА как Гольбейнова Мадона»; «А моя Мадона Гольбейнова – как она чиста, как прекрасна...»². Так уже в подготовительных записях экфрасис этой многофигурной картины сводится только к изображению и восприятию Мадонны. В окончательном же тексте романа картина дана как экфрасис **лица** Мадонны, лица с «особенным оттенком». Поэтому, думается, экфрасис данной картины можно включить в ряд «портретов» романа «Идиот».

Последующий дискурс Ганса Гольбейна в романе разворачивается в три экфрасиса «Мертвого Христа».

Экфрасис картины в 1-м фрагменте можно определить как свернутый: дано имя автора, и описание картины сведено к «одному-двум предложениям»: «Над дверью в следующую комнату висела одна картина, довольно странная по своей форме, около двух с половиной аршин в длину и никак не более шести вершков в высоту. Она изображала **Спасителя**, только что снятого со креста. Князь мельком взглянул на нее, как бы что-то припоминая <...> Да это... это **копия** с Ганса Гольбейна, – сказал князь, успев разглядеть картину, – и хоть я знаток небольшой, но, кажется, отличная **копия**» [5. Т. 8. С. 181].

Ярко, двойным повтором, представлена здесь проблематика копирования. Также при этом первом экфрасисном изображении Иисуса Христа в романе Он назван «Спасителем». «Все было бы спасено!» – восклицает и надеется Мышкин, глядя на портрет Настасьи Филипповны, в дискурсе которого с Богом Сыном соотнесены две категории, «страдание» и «спасение». Портрет Настасьи Филипповны и «Мертвый Христос» типологически близки тем, что это два дискретных экфрасиса в «Идиоте». Но если экфрасис портрета Настасьи Филипповны отсылает к Святой Троице, то экфрасис картины Гольбейна порождает вопрос о вере, что проявилось во 2-м фрагменте данного дискурса: «Как мрачно сказал давеча Рогожин, что у него «пропадает вера»! <...> А какая, однако же, странная эта картина Гольбейна... А, вот эта улица! <...> Здесь! Князь позвонил и спросил Настасью Филипповну» [5. Т. 8. С. 192]. Во 2-м фрагменте «Мертвый Христос» представлен даже не свернутым, но нулевым экфрасисом: «эта картина». Все описание картины сведено здесь к одному прилагательному – «странная». «Странность» картины была обозначена уже в 1-м фрагменте, там она была связана, прежде всего, с действительно необычной формой «Мертвого Христа»: «картина, довольно странная по своей форме, около двух с половиной аршин в длину и никак не более шести вершков в высоту». Также в 1-м фрагменте наречие «странно» было использовано для характеристики Рогожина, задающего вопрос о вере в Бога: «Как ты странно спрашиваешь и... глядишь!» [5. Т. 8. С. 182]. «Стран-

¹ См. об этом: [5. Т. 9. С. 434], [1. Т. 8. С. 745–746]. В Дрезденской галерее Достоевский видел копию картины, которая в то время считалась оригиналом. Копия принадлежит Бартоломеусу Сарбургу (Bartolomeus Sarburg, 1590 – после 1637). См. об этом: [1. Т. 8. С. 747].

² Цит. по: [1. Т. 8. С. 748].

ная красота!» [5. Т. 8. С. 68] – размышлял Мышкин, вглядываясь в портрет Настасьи Филипповны и находя в ее лице красоту и страдание. Тема страдания входит и в данный фрагмент в связи с Рогожиным: «Этот человек должен сильно страдать. Он говорит, что «любит смотреть на эту картину»; не любит, а, значит, ощущает потребность» [5. Т. 8. С. 192]. Имена Рогожина и Настасьи Филипповны становятся композиционной рамкой данного фрагмента, Мышкин думает о «Мертвом Христе» на пути от него к ней. Но здесь тема страдания разворачивается, прежде всего, в проблематику пропадающей веры и потребности верить: «Как мрачно сказал давеча Рогожин, что у него «пропадает вера» <...> да! во что-нибудь верить! в кого-нибудь верить!» [5. Т. 8. С. 192].

Наконец, экфрасис «Мертвого Христа» в «Моем необходимом объяснении» Ипполита стал четвертым полным экфрасисом в романе «Идиот». Его начало, первое его предложение организовано частичным повтором (копированием) 1-го экфрасиса: «Она изображала Спасителя, только что снятого со креста». – «На картине этой изображен Христос, только что снятый со креста» [5. Т. 8. С. 338]. Если в 1-м экфрасисе «Мертвого Христа» присутствовала тема Спасителя и спасения, то во 2-м и данном, полном, экфрасисе она отсутствует. Но при этом в 3-м экфрасисе продолжена та тема «странной картины» 2-го экфрасиса, с которой в романский дискурс «Мертвого Христа» входят вопросы веры и неверия: «Но странно, когда смотришь на этот труп измученного человека, то рождается один особенный и любопытный вопрос: <...> каким образом могли они поверить, смотря на такой труп, что этот мученик воскреснет?»

В мировой христианской культуре сформирована определенная иконописная и живописная традиция, посвященная изображению снятия Тела Иисуса Христа со Креста. Очевидно, что «Мертвый Христос» Ганса Гольбейна к данной традиции не относится. Тем не менее Достоевский уже в 1-м фрагменте дискурса интерпретирует ее именно так: «только что снятый со креста». В полном экфрасисе «Мертвого Христа» Ипполит прямо называет эту живописную традицию, к которой и относит картину Гольбейна: «<...> живописцы обыкновенно повадились изображать Христа, и на кресте, и снятого с креста» [5. Т. 8. С. 338]. Полотна, посвященные снятию со Креста, всегда многофигурные композиции. В этом смысле описание «Мертвого Христа» Ипполита поразительно: «Эти люди, окружавшие умершего, которых тут нет ни одного на картине <...>» [5. Т. 8. С. 338]. «Эти люди, окружавшие умершего» – необходимая составляющая живописного сюжета снятия со Креста. На картине Гольбейна их нет, и об этом в экфрасисе говорится: «люди, которых тут нет ни одного на картине». Но говорится в конечном счете ради того, чтобы все-таки их назвать, на них указать, так или иначе, но вписать их в картину Гольбейна: «Эти люди, окружавшие умершего». Таков экфрасис «Мертвого Христа» Ипполита – и в конечном счете самого Достоевского. В полном экфрастическом описании картины Гольбейна Достоевский ее «перерисовывает» в снятие со Креста. Иисус Христос Достоевского – не во гробе, а «только что снят со креста». В общем дискурсе «Мертвого Христа» «снятый со креста» и «только что снятый со креста» повторяется четыре раза, причем последний раз со специальным выделением: *«только что»* [5. Т. 8. С.

339]. Перерисовывает Достоевский картину Гольбейна во имя художественной задачи всего живописного дискурса романа – «нарисовать лицо приговоренного». Экфрасис «Мертвого Христа» Достоевского – это отнюдь не воспроизведение картины Гольбейна. Она стала только основой, своего рода художественным материалом, полотном, на котором **Достоевский пишет свою картину – картину казни Иисуса Христа и Его лица как «лица приговоренного»**. Поэтому он перерисовывает «Мертвого Христа» Гольбейна в **портрет**: «<...> это **лицо** человека *только что* снятого со креста, то есть сохранившее в себе очень много живого, теплого; ничего еще не успело заостреться, так что на лице умершего даже проглядывает страдание, как будто бы еще и теперь им ощущаемое <...>» [5. Т. 8. С. 339]

Но наряду с «Мертвым Христом» в роман входит еще одна картина, изображающая Иисуса Христа, – это картина Настасьи Филипповны. Это **пятый полный экфрасис** романа, более того, им завершается весь живописный дискурс «Идиота» в целом.

В описание образа жизни Настасьи Филипповны входят нулевые экфрасисы; при этом можно предположить, что она сама занималась живописью: «В доме нашлись <...> **картины, эстампы, карандаши, кисти, краски** <...>» [5. Т. 8. С. 36], «великолепное убранство первых двух комнат, неслыханные и невиданные ими вещи, редкая мебель, **картины**, огромная **статуя Венеры**» [5. Т. 8. С. 134]. Это дает возможность назвать ее художницей – подобно Аделаиде. Более того, соотношение этих двух героинь как возможных художниц заставляет осознать, что Достоевский, хотя бы отчасти, наделил Настасью Филипповну тем, в чем Аделаиде было отказано. Если последняя постоянно затрудняется в поисках сюжетов для картины (поэтому «<...> общая семейная задача давно уже в том, чтобы сыскать сюжет для картины для Аделаиды Ивановны» [8. Т. 8. С. 206]) и при этом «<...> ничего кончить не может <...>» [8. Т. 8. С. 47], то Настасья Филипповна не только нашла сюжет для своей картины, но даже в определенном смысле ее нарисовала – нарисовала, по крайней мере, в контексте и подходе экфрасиса: «Вчера я, встретив вас, пришла домой и выдумала одну картину. **Христа пишут живописцы всё по евангельским сказаниям**; я бы написала иначе: я бы изобразила его одного, – оставляли же его иногда ученики одного. Я оставила бы с ним только одного маленького ребенка. Ребенок играл подле него; может быть, рассказывал ему что-нибудь на своем детском языке, Христос его слушал, но теперь задумался; рука его невольно, забывчиво осталась на светлой головке ребенка. Он смотрит вдаль, в горизонт; мысль великая, как весь мир, покоится в его взгляде; **лицо** грустное. Ребенок замолк, облокотился на его колена, и подперши ручкой щеку, поднял головку и задумчиво, как дети иногда задумываются, **пристально на него смотрит**. Солнце заходит... **Вот моя картина!**» [8. Т. 8. С. 379–380].

Первый полный экфрасис романа о «лице приговоренного» заканчивается словами «Вот такая картина». «Вот моя картина!» – отвечает на это Настасья Филипповна, заканчивая ими весь романский живописный дискурс.

Оба экфрасиса Иисуса Христа в романе начинаются вопросом о живописных традициях Его изображения: «Мне кажется, живописцы обыкновенно повадились изображать Христа, и на кресте, и снятого со креста» – «Христа

пишут живописцы все по евангельским сказаниям». Если «Мертвый Христос» Гольбейна вписан в не соответствующую ему традицию сюжета снятия со Креста, то здесь изображение Иисуса Христа вообще выведено за рамки канонических «евангельских сказаний». И если, как было показано выше, на основе «Мертвого Христа» Гольбейна Достоевский нарисовал свою картину о казни Иисуса Христа и о Его лице как лице приговоренного, то специально подчеркнутый отказ следовать канону здесь может означать стремление писателя к **созданию своего собственного, не ограниченного даже каноном изображения Христа**. Об этом же может свидетельствовать и то, что на смену миметическому экфрасису приходит немиметический. Как пишет Е.В. Яценко, многие «отдают предпочтение последнему» [4. С. 49], поскольку именно немиметический экфрасис способен наиболее точно и полно выразить полноту позиции писателя, рисующего свою словесную картину.

Все предыдущие четыре полных экфрасиса являются портретами. О «лице» Христа говорится и здесь: «Он смотрит вдаль, в горизонт; мысль великая, как весь мир, покоится в его взгляде; лицо грустное». Но в целом эту картину нельзя отнести к жанру портрета. Здесь создан фон, дано изображение пространства: горизонт с заходящим солнцем; на этом фоне нарисованы Иисус Христос и дитя: «Христос его слушал, но теперь задумался; рука его невольно, забывчиво осталась на светлой головке ребенка <...> Ребенок замолк, облокотился на его колена, и подперши ручкой щеку, поднял головку и задумчиво, как дети иногда задумываются, пристально на него смотрит». (В этом описании ребенка нетрудно обнаружить аллюзию на изображение ангелов в «Сикстинской мадонне» Рафаэля, столь любимой Достоевским.) Горизонт, заходящее солнце – весь земной мир, и на этом фоне задумавшиеся Иисус Христос и ребенок, Иисус Христос и христианское человечество: «рука его <...> осталась на светлой головке ребенка». Очевидно, что этот последний полный экфрасис романа дает ответы на все вопросы, порождаемые «Мертвым Христом».

Итак, пять картин «Идиота»: «лицо приговоренного», портрет Настасьи Филипповны, портрет Рогожина, «Мертвый Христос», Христос и ребенок.

Настасья Филипповна и Рогожин приговорены к убийству как жертва и палач, и с каждым из них связаны две картины: с Настасьей Филипповной – ее портрет и картина о Христе, с Рогожиным – его портрет и «Мертвый Христос», который в романе прямо называется «картина Рогожина» [5. Т. 8. С. 338]. Общий живописный дискурс романа движется от «лица приговоренного» к портретам Настасьи Филипповны и Рогожина и затем – к «Мертвому Христу» и к изображению Иисуса Христа в вечности христианской жизни земного человечества.

Литература

1. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. Канонические тексты / под ред. В.Н. Захарова. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. гос. ун-та. 1995.
2. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 9 т. – М.: Астрель: АСТ, 2003–2008.
3. Экфрасис в русской литературе: труды Лозаннского симпозиума / под ред. Л. Геллера. – М.: МИК, 2002.
4. Яценко Е.В. «Любите живопись, поэты...»: Экфрасис как художественно-мировоззренческая модель // Вопр. философии. – 2011. – № 11. – С. 47–57.
5. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. – Л.: Наука, 1972–1990.

DOI 10.17223/19986645/26/8

УДК 882 (09)

Т.Л. Рыбальченко

СЮЖЕТ БРОДЯЖНИЧЕСТВА И НОВАЯ КАРТИНА МИРА В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В статье рассматриваются произведения с сюжетобразующим мотивом бродяжничества (в отличие от странничества, блуждания, скитальчества, паломничества). Устанавливаются генетические связи сюжетов современных романов с сюжетами литературы прошлого. Определяются социальные и культурные причины современного бродяжничества (номадизма), предлагается типология сюжетов бродяжничества и персонажей-бродяг.

Ключевые слова: современная русская проза, поэтика, сюжет, мотив, бродяжничество, картина мира, типология романов.

Для того чтобы определить общее семантическое поле явлений, отражённых в современной словесности, потребовалось употребление известного слова «бродяжничество», возможно, в неустоявшемся значении. Тем не менее стоит остановиться на этом слове, прочитывая в нём отличие от других существующих понятий *миграции* человека, т.е. разнонаправленного движения, но лишённого цели и связанного с сознательным «опрошением» (известное определение Л. Толстого) или дауншифтингом, понятием, распространённым в последние десятилетия как обозначение отказа от ценностей потребления, от «чужих целей». В слове «бродяжничество» соединяются оба этих значения, в современной ситуации оно не сводится к обозначению социальной деградации «бомжей», «жизни для себя» последователей хиппи, последователей философии «новой эры», т.е. странствующих философов, тем более не сводится к обозначению «духовной неприкаянности», не обязательно ведущей к смене образа жизни и даже способа существования... Слово «бродяжничество» применительно к литературе, интерпретирующей этот неоднозначный поворот современного человека к своей антропологической сущности, объемлет, как кажется, разные проявления этой интенции отказа от культуры с целью обретения чистого и лишённого цели познания бытия. (О том, что «бродяжничество» как явление и как понятие отличается от близких социокультурно и терминологически понятий «странничество» и «паломничество», «путешествие» и «блуждание» и т.п., будет сказано далее.)

Бродяжничество – это, во-первых, социальная дезадаптация, неоседлый образ жизни, связанный с постоянным перемещением и сменой способов существования, что свидетельствует об отказе индивида от культурных и социальных норм либо своего социума, либо человеческой культуры в целом; во-вторых, это психическая организация индивида, утрата духовных ориентиров в границах окружающей реальности и устойчивая потребность в поиске иных ориентиров, в подлинной самоидентификации. Исходя из определения, бродяжничество – это явление, существующее на фоне оседлой культуры, культуры возделывания, а не собирательства, культуры дома, «места» (замещаю-

щего бытие), культуре иерархически организованной цивилизации. В антиномичной культуре – культуре кочевья – «бродяжничество» представляет родовой уклад, культуру пользования природой во всем пространстве бытия, культуру родового, природного социума (это более архаическая культура, сохранившаяся до XX в. и в границах Советского Союза, – не только цыганский уклад, но и уклад калмыков, уклад среднеазиатских народов, не абсолютно разрушенный в советский период). В современной цивилизации, породившей в ходе тотальной миграции «мультикультуру», культуру смешения, возникает «новое кочевье», вызванное транснациональными экономическими причинами, связанное с миграцией не народов, а индивидов, хотя масштабы делают такую миграцию социально-культурным явлением (миграция востока и юга на запад). Наконец, в современной цивилизации утверждается и «гедонистическое бродяжничество», культура потребления ради наслаждения процессом потребления, процессом бесконечного расширения возможностей, не только материальных, но и духовно-эмоциональных, что выражается в массовом туризме, фланёрстве как культуре равнодушных развлечений, в потребности идентифицировать собственную значимость господина, не властного, но того, которому доступны все блага мира. Это не создатель, не организатор, не культурный герой (и не тиран), но тотальный собиратель, потребитель созданных природой и человеческой культурой благ.

Толкование бродяжничества как неукоренённости в физическом и духовном мире получает оценку в зависимости от парадигмы той культуры, в которую вписывается феномен бродяжничества. Различна и экзистенциальная (этическая, духовная) природа бродяжничества, утраты самоидентичности: бродяжничество связано с поиском персональных надвременных ориентиров и комфортных условий; с бунтом против способа существования и с терпимостью ко всякому образу жизни; с осознанием своего Я (до нарциссизма) и с деградацией личностного сознания. Разочарование в себе и/или отверженность превращают «вечного странника», ищущего социальную нишу, в бродягу или скитальца, отказавшегося от цели найти место и способ жизни. В бродяжничестве важны такие **стадии**: 1) отказ, уход, бегство *от...*; 2) перманентный отказ, смена среды, перемещение; 3) принятие отсутствия конца, невозможности достижения цели и места. Метафизический характер бродяжничества свидетельствует об утрате веры не только в идеальное пространство, но и в себя.

Бродяжничество имеет особую семантику в ряду синонимичных способов неоседлого существования. В отличие от **отшельничества** бродяжничество исключает удаление от людей и остановку в несоциальном пространстве. **Странничество** – перемещения по земной юдоли в ожидании и служении небесному миру [1, 2]. **Скитальчество** тоже связано с уединением, тогда как бродяга живёт среди людей, не следуя их нормам, «игнорируя», попирая нормы; в отличие от странничества скиталец ищет возможную идеальную реальность в земной жизни. **Блуждание** (потеря ориентиров) может быть вызвано конкретными внешними обстоятельствами, потому временно и в нём остаётся сомнение в правильности отказа от реальных способов существования. **Паломничество и путешествие** отличны от бродяжничества наличием *направленности* движения и предусмотренного *возвращения*; в них предпола-

гается обретение нового знания или опыта и внесения этого знания в пространство своей жизни. Между собой они различаются характером цели: сакральное место и сакральное знание – в паломничестве; потребность в познании просто *другой* реальности – в путешествии.

Позитивная семантика ненаправленного движения возникла в разные эпохи как **антитеза** довлеющим нормам. В Античности сивиллы и бродячие философы признавались носителями высшего знания. В христианстве странничество *сакрализовалось* как служение Богу, а аскеза странников – как проявление подлинной духовной жизни. В посттрадиционалистической культуре скитальчество и бродяжничество признано проявлением свободной воли человека (Шопенгауэр и романтики, Ницше и модернисты). Экзистенциализм в неоседлости индивида видит интенцию к бытию, выход из Тут-бытия (М. Хайдеггер), а отсутствие смысла в бытии делает движение ненаправленным, обрекает на вечное скитальчество. Так можно истолковать близкие к теме бродяжничества понятия «присутствие», «разомкнутость», «зов бытия», «забота», «бытие к смерти» в работах М. Хайдеггера [3, 4]. Бродяжничество в таком случае ограничивается бунтом против абсурдного бытия и сопротивлением отчуждению от своего Я (по Ж.П. Сартру, человек встречается в бытии с Ничто; по А. Камю, каждый – «посторонний» или Сизиф, безрезультатно сопротивляющийся судьбе).

Современная цивилизация привела к кризису прежних представлений о бытии и потому переосмыслила семантику бродяжничества. Мир лишён смысла, неструктурен и некаузален (известные модели хаосмоса Пригожина, ризомы Делёза и Гваттари). В ризомном мире обесмысливается Эдипова попытка борьбы с судьбой, каузальностью рока («Анти-Эдип», 1980); человек имеет перед собой «тысячу плато», где может временно задерживаться в ненаправленном движении. Делёз и Гваттари сформулировали тип человека постиндустриальной эпохи как фрилансера (*freelancer* – наёмник; вольный художник), а в «Трактате о номадологии» [5] характеризуют современный способ существования как новое кочевье. Пространство «кочевника» – это пространство тактильное, слуховое и цветное, не визуальное, не расчерченное. Это гетерогенное пространство, неоднородное, децентрированное (ризоматическое): «Мы не стоим на берегу, наблюдая за течением реки, одна-направленным и разделенным на струи, а сами несемся в клубящемся потоке, сами вовлечены в процесс вариации» [6. С. 185]. Современный человек не укоренён в ограниченном пространстве, открыт множеству возможностей, он продукт ризомной мультикультуры, неиерархической, приспособленной для потребления, а не для созидания, для информации, а не для смыслов. Человек бездомен, потому что доступен в любом месте своего нахождения (телефон, Интернет). Он дрейфует по ровному пространству – плато – без ориентиров, что сближает его с древним кочевником. Кочевники населяют любое неориентированное пространство (плато), пока оно позволяет удовлетворять потребности. Они движутся свободно, не замыкают себя границами традиций, уклада, что делает их открытыми всему бытию. Номадизм характеризует современного массового человека, не только голод, но и потребность потребления информации толкает на движение. Туризм и фланёрство возникают как удовлетворение чувственно-телесных потребностей, создают субкультуры.

Номадизм, новое кочевье и одинокое странничество, бродяжничество суть порождение потребительских возможностей, но и антитеза тоталитаризму и догматизму.

Бродяжничество как социальное явление, возникающее в моменты резких культурных переворотов, имеет позитивный смысл как попытка людей «идентифицировать себя» [7. С. 206] в новом состоянии социума и мира. На разрушение культуры странничества и её вырождение в культуру бродяжничества повлиял, не столько запрет на странничество в период тоталитаризма (как пишет И. Смирнов), сколько появление «лишенцев», вынужденных скрывать своё прошлое, невинных и виновных жертв социального террора. В посттоталитарный период (1960–1970-е гг.) появились новые типы полуполюгальных мигрантов: бомжей-колымщиков и туристов-романтиков, нонконформистов, сменивших интеллигентов-странников. Этот тип, критически изображённый в «деревенской прозе» (В. Шукшин, В. Астафьев, Е. Носов), сочувственно – в «молодой прозе» начала 1960-х гг., аналитически – в прозе 1960-х гг. (Ю. Трифонов, Г. Семёнов), связан с культурой отказа от потребления, ухода в природу, в сторону от цивилизации (профессия геолога в 1960-е гг. была овеяна ореолом нонконформизма не меньше, чем официальным романтизмом). В постсоветскую эпоху торжествует тип путешественника-потребителя, в отличие от нонконформиста-геолога перемещающегося в целях удовлетворения потребностей в комфорте и впечатлениях.

В **нарратологическом** аспекте мотив или сюжет бродяжничества вписывается в инвариант *сюжета путешествия*, основывающийся на архесюжете инициации, обретения индивидом опыта рода. (См. работы В. Проппа [8], а также Ю. Лотмана [9,10], В. Топорова [11], Н. Тамарченко [12], В. Руднева [13], Ж. Женетта [14]). Любое пересечение границы – это расширение опыта, а результатом инициации становится обретение центра, возвращение и деяние, остановка и обустройство *своего* пространства.

О. Шпенглер разделил два природных способа существования: растение и животное. Растение космично, в статике следует законам бытия; животное, пользуясь свободой передвижения, отыскивает микромир по своим ценностям и живёт законами малого, ограниченного мира. Гомогенный мир растёт, эволюционирует; с расширением пространства происходит распад монокультуры, смешение с чужим миром, но и возникает новая культура. Разнонаправленное движение приводит к обогащению ценой ассимиляции. Поэтому движение в художественной символике получает разную оценку: **направленное движение** позитивно (даже без возвращения, если происходит обустройство нового пространства). Позитивная семантика сюжетных мотивов *путь, дорога*, линейного движения объясняется креативностью обогащения знанием (хотя в иудаизме Каин, начинатель прогресса, наказан странничеством; то же в христианстве: уход от рода, от дома объявлялся богоугодным, потому что человек начинал служить Богу, а не кесарю). **Ненаправленное движение** оценивается преимущественно негативно (см. этимологическую близость русских слов *бродить/бредить*: бесцельно и без контроля разумом двигаться физически и в изменённом сознании).

Мотив бродяжничества определяется в соответствии с другими вариантами движущегося персонажа: путешествие, странствие, блуждание, скиталь-

чество, миграция, бегство, паломничество (отстраняемся от более конкретных вариантов – экспедиция, экскурсия, прогулка, поход, туризм). В бродяжничестве а) сохраняется общая семантика перемещения как смены отношения субъекта с миром, открытия мира; б) редуцируется ценностный смысл, телеологическая сущность, возможность обретения ценностного центра; в) исключается финализм (возвращение в любых ценностных модусах – как обретение ценности дома в финале путешествия и как негативный опыт поисков, конечная усталость и утрата иллюзий); г) редуцируется семантика разрыва с исконным пространством – невозвращение (как в бегстве).

Мотив как устойчивое и повторяющееся положение (ситуация) в изображении процессуальности бытия относится к сфере сюжета («истории» и наррации), но определяет сферу всего образного мира художественного произведения, системные связи разных уровней: фокализацию (тип «героя» в системе персонажей), нарративную перспективу (тип дискурса, субъектную организацию), хронотоп, предметно-вещную среду, модальность. Мотив бродяжничества может входить в набор сюжетных мотивов как элемент сюжета центрального персонажа и как параллельный мотив персонажей второго плана в разные повествовательные жанры. В современной русской литературе он становится не только отражением маргинализации и деградации общества («обомжения»), но и выражением несогласия личности с наличными обстоятельствами. В таком случае бездомный и мыслящий персонаж делается субъектом непредвзятого, неиллюзорного познания окружающего мира. Сюжетный мотив становится структурообразующим принципом и опредмечивает не только романное содержание социально-психологического романа (частная судьба как столкновение субъективной воли и объективных условий), но и авторскую концепцию мироустройства, авторское философское познание бытия, открывающееся незакреплённому персонажу.

Художественная словесность закрепила этот культурный феномен в мотивах, сюжетах и жанрах (хождение, путешествия и пр.). Исследование мотивов и сюжетов бродяжничества и его разновидностей в мировой литературе заложено в работах М.М. Бахтина о хронотопах дороги, порога, встречи и т.д., в его работах о романе [15. С. 400–407].

В онтологической прозе, например у В. Астафьева, бродяжничество выступает примером социальной безответственности, новый вид кочевья, вызванного не гедонизмом, но вынужденным приспособлением к условиям, меняющимся независимо от индивидуальной воли человека. У Астафьева бродяжничество противопоставляется оседлости и трактуется не только как следствие нарушенного крестьянского уклада, но и как проявление национальной психологии. Уже в «Последнем поклоне» сибиряки воплощали два полюса национального характера: принесённое «чалдонами» долготерпение и следование коренным устоям (род Потылицыных), одновременно и широту в неизвестность стремящейся души, отвергающей ответственность перед родом (род Астафьевых). В «Царь-рыбе» (1975) мотив бродяжничества связывается с образом аборигена, вырванного социальными преобразованиями и машинной цивилизацией из органичного уклада, но не обретшего оседлость. Аким, эвенк, выученный на матроса, но промысляющий охотой и рыбной ловлей, сезонной подработкой в геологических партиях, остаётся мигрантом,

кочевником, не способным организовать своё малое пространство: дома, семьи. В системе персонажей-чушанцев маргинально проведена тема высылки (неизвестный чеченец, отец Командора; Грохотало), мотивирующей отношение к сибирскому пространству как к чуждому и временному. В главе «Не хватает сердца», включённой в постсоветские издания «Царь-рыбы», высвечен и «лагерный» источник бродяжничества в Сибири – бегство заключённых, преступников или становящихся преступниками.

Кроме этой массовой формы народного бродяжничества, Астафьев отразил и персональный выбор неоседлости, бездомья в истории геолога Гоги Герцева, предпочитающего урбанистической обезличивающей цивилизации одинокое выживание в природе. Хотя он вписан в социалистический социум, работает в геологических партиях, открывает сибирские недра для государственного использования, он неконформист до конца, одиночка, презирающий толпу, женщин. Однако его связь с культурой (знание не только законов природы, но и литературы, философии, о чём свидетельствуют дневники Герцева) не делает его бродячим философом или человеком, расширяющим сознание до природного космоса, даже универсальным человеком в духе просветительских героев, Робинзона или Гулливера. Герцев отказался от потребительского образа жизни, способен делать всё сам. Действительно, в нём есть попытка ницшеанского бунта, но и сам Герцев воплощает лишь имитацию «сверхчеловека», и автор дискредитирует антропологическую природу человека вне цивилизации тем, что завершает его блуждания по пространству Сибири гибелью. Герцев презрителен к естественному человеку, к людям, не владеющим цивилизационными знаниями («вонючка» Аким для него не становится союзником вроде Пятницы), а знания природных законов ограничены, претензии на превосходство не только среди людей, но и в природном мире ложны. Бродяжничавший окультуренный человек мнит себя водителем (библейским лжеводителем Гогой), но гибнет от малой случайной неожиданности, поскользнувшись на камешке, и рыбы питаются телом человека, бывшего в уверенности, что знание природы даёт ему статус царя. Вновь тема вынужденного социального бродяжничества определила сюжеты многих персонажей в романе «Прокляты и убиты» (1982), ставших бездомными по вине социальных антигуманных законов, сменивших не только место жизни, но и имя, обречённых на неукоренённость, на путь скитальчества, но не странничества, т.е. не поиска идеального пространства. Война прервала разнонаправленную народную миграцию, дала движению одиночек общую направленность. Но это направленность к гибели, поскольку социальное проклятие обесмыслило высокую эпическую цель – защиту родной земли. Героям Астафьева остаётся экзистенциальная интенция к защите жизни как права на существование, а не охранение малого центра на земле. В повести «Весёлый солдат» герой Астафьева после военного бездомья возвращается и выстраивает малый дом как пространство малой радости, превращаясь из весёлого, мнимо беззаботного, движущегося не по собственной воле солдата в человека дома, умеющего не столько выстраивать космос, сколько удерживаться в хаосе абсурдного мироустройства. Весёлый солдат на краю жизни проявляет умение любить неидеальный реальный мир, радоваться отдельным проявлениям идеального.

Традиционная оценка бродяжничества как разрушающего сознание личности даётся в тетралогии Ф. Абрамова «Братья и сёстры» в изображении прежде всего Егорши Ставрова, хотя он не убегает, а легко вовлекается во всякие смены ориентиров, которые навязывает социум. Но и судьба Евсея Мошкина, которому в романе «Дом» отдана сентенция о необходимости «дома в душе», ослаблен годами ссылки, бездомьем (хотя он клал печи в домах других людей): старый Евсей по бродяжнической привычке приспосабливается к любым условиям жизни, ценя духовную устойчивость, сам уступает обстоятельствам, пьёт с деревенскими мужиками, отмахнувшись от собирания жизни. И опять нелепая гибель в финале должна акцентировать авторскую оценку духовного бродяжничества.

Иная трактовка бродяжничества как экзистенциального кризиса выявилась в повестях 1970-х гг.: А. Ким «Собиратели трав», «Луковое поле», в романе Саши Соколова «Между собакой и волком» (1982) в сюжетах дауншифтера Паламахтерова, егеря, «запойного художника», разочаровавшегося в интеллектуальных блужданиях по европейской культуре, в судьбе инвалида Дзындзырелы, бывшего бродяги, всю жизнь искавшего «пакинебытия», соединения с неограниченным пространством бытия, находящегося за границами не только цивилизованного мира, но и материальной реальности. Можно говорить о полюсах сюжета бродяжничества: перманентное бегство от ложного способа существования как экзистенциальный выбор личности (в фигуре бродяги-интеллигента) и вынужденное бездомье как отказ от своего Я и принятие безличного существования. В повести П. Алешковского «Жизнеописание Хорька» (1993) делается попытка соединить сюжет бродяжничества маргинала с сюжетом обретения онтологического сознания в массовом человеке. Цикличность сюжетных побегов и возвращений Хорька в родной город призвана показать некий герменевтический круг индивида, испытывающего на истину разные сферы бытия (преступный современный город, неискренний церковный мир, одухотворённая природа). Примечательно, что фабульно благополучный финал – превращение Хорька в обычного семьянина – сюжетно трактуется как утрата, а оседлость становится причиной душевного усреднения героя.

Ю.М. Лотман определяет событием «перемещение персонажа через границу семантического поля» [16]. Не всякое перемещение героя ведёт к смене семантического поля. Важны модальность события, отношение к событию персонажа и повествующего субъекта, характер пространственного положения героя: внешнее, внутреннее и онирическое пространство (пространство воображения).

Бродяга в современной литературе – это образ человека, освободившего вытесненные желания и вышедшего за границы наличных эпистем как в поведении, так и в сознании. Типы бродяги – социальный маргинал, обладающий некими индивидуальными подсознательными интенциями; естественный человек, существующий в пространстве мифологического бытийного сознания; окултуренный человек, для которого лишались значимости как его социальный статус (высокий с позиций общества), так и те представления о мире, которые дала ему культура. Эти три типа представлены, например, в романе А. Иличевского «Матисс» (2005). В романе воспроизведена историче-

ская ситуация развала Советского государства и массовой дезориентации (социальной и психологической) людей, поставившая мыслящих индивидуумов перед необходимостью новой самоидентификации не только в новом государстве, но и мире, в собственном сознании. Иличевский выдвигает в центр романа истории трёх персонажей одного поколения и разных социальных сред, ставших «бомжами» и бродягами. В историях талантливого учёного Королёва, массового человека Вади и «природного человека» олигофрена Нади ставится проблема наличия смысла в человеческой жизни за пределами социума, философская проблема человека как мыслящего существа. Из трёх главных персонажей, представляющих социологию нового бродяжничества, героем становится носитель личностного сознания, молодой физик Королёв, уходящий от ложного социума в никуда, но ментально выходящий из границ социально и культурно ограниченного представления о мире и человеке к познанию огромного и меняющегося бытия, к перманентной смене ценностных ориентиров. Этапы бродяжничества Королёва – это этапы познания бытия: научное познание, опирающееся на неличностные модели мироздания, сменяется погружением в эмпирическую жизнь без бытия, детерминированную кругом конкретных обстоятельств (поиск работы, жилья), а этот этап социальной дезадаптации делает сознание героя свободным, самостоятельным, нелинейным, кроме того – безграничным в пространстве и времени. Королёв движется (физически и ментально) ненацеленно, внимание его задерживается на непредполагаемых явлениях, но бессвязность создаёт условие для попытки связать «ризомное» пространство, выходить к вопросам о сущности не явлений, а бытия: природы, Вселенной, места и назначения человека в бытии как вечном превращении, вечных метаморфозах. Потребность в познании мира – важнейший источник бродяжничества Королёва, в социально организованном мире бывшего исследователем, в социуме, основанном на борьбе за выживание, он становится одиноким натурфилософом, одиноким, несмотря на соединение с другими типами бродяжничества: обусловленного отказом от культуры (Надя) и отказом от ответственности за себя, игровым, имитационным существованием (Вадя).

Бродяжничество индифферентно либо толерантно к любой социальности, к любым групповым связям. Королёв в начале бродяжничества нуждается в микросоциуме как в защите, даже имитирует образ жизни бомжей, но далее он сосуществует с окружающими свободно: равно заинтересованно и равнодушно он останавливает внимание на себе подобных, на людях укоренённых (старый респектабельный человек в ресторане, «матисс» для Королёва; обитатели психушки в южном поселении; пассажиры метро в Москве; увлечённые авиаторы на учебном аэродроме). Хотя современный бродяга представлен типом деграданта, но бродяжничество начинается как социальный дауншифтинг (скольжение вниз). Это добровольный маргинал, сознательно отказавшийся от социального статуса и от безусловности знаний и ценностей, хотя знания, обнаруживающие соответствие диффузному бытию, восстанавливаются в сознании (знания физики, математики, факты истории, силлогизмы философии). Королёв – современный Фауст, не путешествующий (ментальное паломничество) к феноменам прекрасного бытия, а бесцельно бредущий по пространству жизни, не соблазняемый дьяволом-водителем, кото-

рый искушает на ложные маршруты и убеждает в иллюзиях обретения истины, а безыллюзорно фиксирующий собственные открытия и прозрения. Он вступает в первичный контакт с материальным миром (тактильный, слуховой, визуальный), он сам ищет символы и знаки, фиксирующие его собственные открытия бытия; он не обманывается, как Фауст в нахождении истины, более того, он знает о конечности всяких форм материи, в том числе и человеческой.

Возможности такого сюжета для создания современного мира очевидны. Во-первых, герой-бродяга проходит через разные социальные среды, возникает этологический дискурс, близкий плутовскому роману, дающий срез социума: группы других бомжей, художники, живущие в брошенном доме, обитатели дач и заброшенных деревень после ликвидации колхозов, слепые сборщики телевизоров и новые русские, спецназовцы, стреляющие в Белый дом (1993 год), и пилоты аэроклуба. Разрушенная социальная структура империи, отброшенные в сторону культура, наука (см. опустевшие здание реактора и парк). Позиция наблюдателя, не выстраивающего поток жизни причинно-следственно, создаёт объёмность социума, разрушает авторскую дидактику, сталкивает антитезы миропонимания, ценности.

Во-вторых, нефокусированное сознание героя-бродяги создаёт психологический дискурс – воспроизведение потока сознания, освобожденного от линейной логики, позволяет открыть антропологическую сущность человека – мыслительную потенцию, возможность быть не носителем информации, а обладателем разума, готового к встрече с полнотой и нестабильностью реальности. Выявляется природа нравственности, её органичность или конвенциональность, её телесно-чувственный источник или следствие деятельности рассудка. В отличие от психоделического романа Д. Керуака («*On the Road*» – «По дороге», 1957, и «*The Dharma Bums*» – «Бродяги Дхармы», 1958), где фиксируются видения изменённого сознания, в сюжете Иличевского рассудочный выбор персонажа проверяется реальностью: шизофреническое сознание в обученном рационалисте после побоев утрачивает даже способность к речи, но сознанию открывается объёмность материальной жизни. Герой опускается в метро, метро втягивает его в ощущение земли, её слоёв – культурных и геологических: и на поверхности земли, закатанной в асфальт перестроенных улиц и заросших парков, он начинает видеть напластование слоёв, «скелеты» исчезнувших форм.

В-третьих, расширенное сознание выводит его к новому состоянию разума, определяющего место индивида в космических масштабах жизни: Король воспринимает себя феноменом природных метаморфоз, тождественным живым и неживым феноменам. И прежние научные знания, проверенные эмпирически, по-новому выстраивают сознание человека, имея критерием не научные конвенции, а материю жизни, распад и метаморфозы которой были известны учёному-физику как абстрактные знания. Земля, камни, вода, воздух теперь воспринимаются как продукты распада и собирания новых форм, как разные стадии самодвижения жизни: живое становится неживым, но неживое совершает метаморфозы, распадаясь, выделяет энергию, способствующую возникновению жизни. Мифологизируется возвращение жизни в нефти и каменном угле, после исчезновения жизни сохраняется энергия для

возникновения новых форм жизни. Жизнь нелинейна, это метаморфозы, в которых не простое повторение (так в мифе), но прихотливая креативность, и эволюция непредсказуема: когда-то исчезнет человек как мыслящая форма живой материи. Так возникает картина самосознающей жизни, не космоса, а превращений, подобных прихотливому шизофреническому бреду, брожение-бродяжничество материи. Следующий момент – потребность зафиксировать в символах открывшуюся целостную картину мира: карточки с чертежами, рисунки, описания – рождается логос, слово.

В отличие от странника, бродяга не ищет идеального, он готов принять и хаос бытия, и его исчезновение (не только собственную смерть); более того, отсутствие претензий к жизни есть условие влечения к жизни. Очевидна близость Иличевского к философии экзистенциализма, представившей существование человека как путь в никуда: в хайдеггеровском «*Der Mensch ist das Weg*» игра слов выдаёт смысл высказывания: *Weg* (путь) звучит как *weg* (прочь). Связь ментального и физического перемещения делает роман философским по структуре, ибо воспроизводит непосредственное, неподвзятное осмысление коренных свойств бытия и существования в нём человека.

Итак, ситуация, положенная в основу сюжета бродяжничества, определяет предмет изображения (тип неоседлого ментально человека), хронотоп (образ дороги не как пути, а как лабиринта или вектора, направленного в никуда), предметно-вещную среду, наполненность неиерархическими сферами цивилизации и природы, гиперреализм, новое барокко в избыточности изобразительных деталей), нарративную структуру (сосуществование и параллельное развитие разных коллизий, мифологизация миметических, порой натуралистических образов). Поэтому в литературе второй половины XX в. сюжет бродяжничества характерен и для модернистской прозы, и для бытописательной, социологической реалистической прозы, и для философической психологической прозы. Здесь обнаруживается сила жанровой памяти в традиции европейского романа: античного романа («Сатирикон» Петрония и «Золотой осел» Лукиана); плутовского романа XVI–XVIII вв. («Жизнь Ласарильо из Тормеса» М. Алемана, «Приключения Жиля Бласа» А. Лесажа, «Приключения немца Симплициссимуса, или История жизни удивительного бродяги...» Г. Гриммельсгаузена, как и пародирующий сюжет путешествий в рыцарских романах («Дон Кихот» М. Сервантеса); просветительского романа («История Тома Джонса, найденщика» Г. Филдинга, «Приключения Перегринна Пикля» Т. Смоллетта, «Истории кавалера де Грие и Манон Леско» А. Прево, «Простодушный» и «Кандид» Ф.М. Вольтера, «Сентиментальное путешествие» Л. Стерна, «Годы странствий Вильгельма Мейстера» И.В. Гёте); романтического романа («Паломничество Чайльд Гарольда» Дж. Байрона, «Моби Дик» Г. Мелвилла, «Путешествие на Восток» Ж. де Нерваля); модернистского романа («Одно лето в аду» А. Рембо, «Улисс» Д. Джойса, «Пропавший без вести» Ф. Кафки, «Кнульп» и «Степной волк» Г. Гессе, «Посторонний» А. Камю, «На дороге» и «Бродяги Дхармы» Д. Керуака). Эта линия традиции создаёт сопротивление постмодернистской прозе, поставившей под сомнение самой реальность. Текстовая природа сознания в сюжетах бродяжничества корректируется возвращением к материальному потоку жизни, к наличию самой онтологии, пусть и представляющей непредсказуемые мета-

морфозы вещественного и невещественного, материального и нематериального (энергетического, если не духовного).

Примечательно, что ключевая тема сюжета бродяжничества – тема разрыва, конца – оборачивается семантикой погружения в новую полноту дискретной реальности. Неомифологизм, осознание феноменов бытия как частиц целого («всё во всём») возвращается с новой картиной мира как разнонаправленного плато, децентрированного объёмного реального пространства.

В русской классической традиции более развит сюжет странничества, связанный с этической темой ухода, отказа от социальных эпистем («Странник» А. Вельтмана, «Алеко» А. Пушкина, «Подросток» Ф. Достоевского (Маккар), «Очарованный странник» Н. Лескова, «Отец Сергей» Л. Толстого, рассказы М. Горького и И. Бунина). В первой половине XX в. онтологический (антропологический) аспект проявляется в сюжете бродяжничества в прозе А. Платонова («Сокровенный человек», «Чевенгур», «Джан», «Такыр», «Счастливая Москва»), а сюжет странничества обрел форму путешествия-отшельничества, ухода от цивилизации в природу, представляющую сакральное материально-духовное пространство («В краю непуганых птиц», «Жень-шень», «Неодетая весна» М. Пришвина; «Мещёрская сторона» К. Паустовского; «На пробужденной земле», «Рассказы о Родине» И. Соколова-Микитова).

Во второй половине XX в. в русской прозе сюжет бродяжничества был распространён и как способ изображения социального распада, и как проявление личного инакомыслия (неполитического диссидентства). В последнем случае фигура бродяги социально получала окраску трагической тупиковости, как, например, в рассказах Ю. Казакова («Трали-вали», «Адам и Ева»), в рассказах и романе Ю. Мамлеева «Шатуны» (1966), в повестях А. и Б. Стругацких «Улитка на склоне» (1966), Вен. Ерофеева «Москва – Петушки» (1969), Ю. Трифонова «Предварительные итоги» (1971) – сюжет Гартвига¹, В. Тендрякова «Находка» (1965) и «Затмение» (1977). В 1970-е гг. сюжет бродяжничества равно служил дискурсу как психологической, так и натурфилософской прозы. В первый ряд можно поставить «Путешествие дилетантов» (1978) Б. Окуджавы, «Поиски жанра» (1972) В. Аксёнова, «Гражданин убегающий» (1986) В. Маканина, постмодернистский вариант сюжета бродяжничества в прозе С. Довлатова («Наши», «Заповедник», 1983) и Е. Попова («Душа патриота», 1989). В дискурсе философской прозы фигура героя-бродяги, странствующего философа, решающего заново «последние вопросы» бытия, возникает в произведениях Ф. Горенштейна «Псалом» (1975), В. Астафьева «Царь-рыба» (1975), А. Кима «Луковое поле» и «Отец-лес» (1987), А. Битова «Человек в пейзаже» и «Птицы, или Новые сведения о человеке» (1989), О. Базунова «Морепплаватель» (1980), Саши Соколова «Меж-

---

¹ Каким бы странным не казалось обозначение образа жизни героя повести Ю. Трифонова «Предварительные итоги» «бродяжничеством», не стоит отказываться от этого определения. Гартвиг не только играет роль неконформиста-философа, не только имитирует «опрошение», но и совершает (хотя временно, возвращаясь после «отдушины путешествий в нестоличную жизнь») выход в нерегламентированное пространство и образ жизни. Можно назвать эти неконформистские акции «экспериментом», а об отношении автора к такому типу неконформизма стоит говорить более подробно, но оценка Гартвига не может опираться на предвзятую характеристику другим персонажем повести, антиподом.

ду собакой и волком» (1982), М. Харитоновна «Линии судьбы, или Сундучок Милашевича» (1985).

Сюжет бродяжничества в постсоветской литературе обнаруживает следующие аспекты в изображении современного мира: этология современности, психоанализ и антропология, культурология, онтология. Понятно, что этологический аспект сюжета бродяжничества «отражает» социальную реальность, разрушившую привычный уклад, сделавшую деградантами людей как массового сознания, так и индивидуального. Этологический аспект можно прочесть во всех произведениях, строящихся на сюжете путешествия-бродяжничества, в изображении персонажей-номадов, с одной стороны, плута, аморалиста, с другой – деграданта, жертвы: И. Богатыревой «АвтоStop» (2008), А. Снегирева «Как мы бомбили Америку» (2005), О. и В. Пресняковых «Убить судьбу» (2008), рассказы цикла «Афинские ночи» (2000) Р. Сенчина и его роман «Минус» (2011), З. Прилепина «Патологии» (2005).

Психоанализ, выявляющий глубинную психологию человека «окультуренного», современного фланёра, определяет сюжет бродяжничества в произведениях И. Стогоффа «Апокалипсис вчера: дневник кругосветного путешественника» (2010), С. Чередниченко «Потусторонники» (2005), Н. Кононова «Фланёр» (2011), В. Нарбиковой «...и путешествие. Видимость нас» (1996) (примечательны названия и психоделические сюжеты её ранних повестей «Ад как да, ад как Да» (1986), «Видимость нас» (1988), «Побег — про бег», «Около Эколо» (1990), «Великое кня...» (1991), Е. Садур «Из тени в свет перелетая» (1993), В. Маканина «Испуг» (2007). Во многом созвучна современному принципу изображения жизни человека, подвластного социальным условиям, но и отстранённого от них, опубликованная в 1996 г. (Новое литературное обозрение, №18) лирическая проза А. Кондратова «Здравствуй, ад!», написанная, возможно, в 1960-е гг., лирический дневник героя, текущего с рекой и одновременно наблюдающего за потоком как за посторонней ему реальностью. Эту прозу отличает и различной глубины культурологичность, воссоздание сферы культуры, в которой либо спасается персонаж-фланёр (В. Максимов. «Кочевание до смерти», 1996), либо растворяет свою личность в имитации (Евг. Попов. «Душа патриота», 1996). Встреча с бытийным «ничто» подвигает не столько к эскапизму, сколько к мужественному стоицизму: неизбежность конца не только личного, но и конца бытийных форм побуждает жить, пусть и без иллюзорной цели.

Антропологический аспект определяет изображение героя-дауншифтера в романах М. Бутова «Свобода» (1999) и «Мобильник» (2006), В. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени» (1998) и «Испуг» (2007), А. Королёва «Эрон» (1996), А. Слаповского «Они» (2005), Ю. Волкова «Эдип-царь» (2006), А. Варламова «Лох» (2003), прозе П. Мейлахса «Отступник» (2002), «Пророк» (2004), сценарии Н. Репиной «Подписка о невыезде» (2005 – в основе фильма А. Фенченко «Пропавший без вести»). Травмирующий мир обращает к самому себе, к неготовности жить в иллюзорной реальности, к нестабильности собственных этических принципов. И потому проза о бродягах амбивалентна: наряду с открытием абсурда реальности она показывает неподлинность индивида, неоправданность его претензий к миру.

Онтологический, натурфилософский аспект связан с использованием сюжета бродяжничества как метафоры индивидуального и независимого познания реальности, в фигуре духовного странника соединяются современная фаустианская личность и герой-простодушный: П. Алешковский. «Жизнеописание Хорька» (1994); А. Битов. «Ожидание обезьян» (1993), «Преподаватель симметрии» (2005) – (линия Антона); О. Ермаков. «Свирель Вселенной» (1997–1999): «Транссибирская магистраль», «Единорог», «Река»); А. Ким. «Остров Ионы» (2005); А. Илличевский. «Матисс» (2005), «Перс» (2009), «Математик» (2011); Ю. Мамлеев «Блуждающее время» (2001). Соответственно семантике бродяжничества открывается негуманность бытия как необращённость его к человеку: бытие не предназначено только для человека, как бы ни выделялся природой «мыслящий тростник». Мамлеев показывает метафизичность бытия, несоразмерность его сознанию человека; Ермаков, упоывая на возможность гармонии в высших сферах Вселенной, демонстрирует утрату иллюзий найти сакральное место, обрекает своего героя блуждать по реке, фиксируя лишь феномены гармонии. Битов называет людей оглашенными, но не знающими направления движения.

Итак, в современной прозе можно выделить следующие типы героя-бродяги: эскапист («лишний человек»), духовный странник, плут, деградант, фланёр. В большей части это индивид, в котором есть интенция к бытию, даже принимаемому за ад, и равно интенция к познанию бытия, экзистенциальная потребность к интерпретации бытия. Поэтому повествовательные структуры, связанные с образом бродяги,номада, фланёра, позволяют перебирать разные версии и персонажей, и автора о незавершённой современности. Такой сюжет, вопреки недоверию к господствующим текстовым версиям бытия, наполнен не только деталями реальности, но и выходом к другим текстам в форме интертекстуальных знаков или аллюзий, рождающихся как в сознании персонажей, так и в слове субъекта повествования. Думается, сюжет бродяжничества – один из инструментов не только для создания образа новой и меняющейся реальности, но и для поиска новой эстетики, принимающей наличие пустоты, отсутствие цели, ограниченности возможностей человека построить себе дом в бытии, как реальный дом, так и дом-текст, дом-версию, далёкую от верификации.

Литература

1. Смирнов И. Странничество и скитальчество в русской литературе // Звезда. – 2005. – №5.
2. Дорофеев Д. Феномен странничества в западноевропейской и русской культурах // Мысль. – Вып. 1: Философия в преддверии столетия. – СПб., 1997.
3. Хайдеггер М. Бытие и время. – М., 1997. – Ч. 1.
4. Хайдеггер М. Искусство и пространство // Самосознание европейской культуры XX века. – М., 1991.
5. Делёз Ж., Гваттари Ф. Трактат о номадологии // Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. – М., 2007.
6. Делёз Ж., Гваттари Ф. Трактат о номадологии // Новый круг. – 1992. – №2. – С. 185.
7. Смирнов И. Странничество и скитальчество в русской литературе // Звезда. – 2005. – №5.
8. Пропт В. Морфология сказки. – Л.: Академия, 1928. – Гл. 3.
9. Лотман Ю. Семантика пространства // Лотман Ю. Избранные статьи: в 3 т. – Таллин, 1992. – Т. 1.

10. *Лотман Ю.* Происхождение сюжета в типологическом освещении // Лотман Ю. Избранные статьи: в 3 т. – Таллин, 1992. – Т. 3.
11. *Топоров В.* Пространство и текст // Текст: семантика и структура. – М.: Наука, 1983.
12. *Тамарченко Н.* Теория литературы: в 2 т. – М.: Академия, 2007. – Т. 1, ч. 2, разд. 2.
13. *Руднев В.* Морфология реальности: Исследование по «философии текста». – М.: Русское феноменологическое общество, 1996. – Разд. 2.2, 3.1, 3.2.
14. *Женетт Ж.* Пространство и язык. Литература и пространство // Женетт Ж. Фигуры. – М., 1998. – Т. 1.
15. *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975. См. «Заключительные замечания».
16. *Лотман Ю.* Структура художественного текста. – М., 1971. – Гл. 8.

ЖУРНАЛИСТИКА

DOI 10.17223/19986645/26/9

УДК 070: 7.012 (078)

В.А. Вершинин

ПРАКТИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕТОДА ЭКСПЕРИМЕНТА В МОДЕЛИРОВАНИИ ИЗДАНИЙ

Статья содержит практические результаты использования метода эксперимента в рамках методики комплексного моделирования прессы на примере газет и журналов региона. Представлены варианты использования типологии эксперимента на основе трудов по теории социологических исследований и функционально-матричного подхода к моделированию прессы. Рассмотрены два медиапроекта, в рамках которых ставились экспериментальные задачи.

Ключевые слова: пресса региона, метод эксперимента, системный подход, моделирование прессы.

В статье «Возможности адаптации метода эксперимента к моделированию прессы региона» мы предложили дифференцировать эксперимент в области моделирования на несколько типов [1]. В основу была положена методика комплексного моделирования, в частности матричный модуль [2], используемый для определения и решения прикладных задач по моделированию и проектированию газет и журналов региона. Были выделены основные виды в системе моделирования прессы:

1. Эксперименты в решении комплексных задач моделирования изданий.
2. Эксперименты, факторами которых становятся один или несколько уровней комплексного моделирования.
3. Экспериментальная апробация модели на этапе реализации проекта [1. С. 102].

Также на основе методики социологического эксперимента и с учетом характера того или иного этапа или принципа работы над медиапроектом было предложено выделить в области моделирования прессы три типа эксперимента: натуральный, мысленный и натуральный квазиэксперимент [3. С. 365–366].

В лаборатории моделирования и проектирования периодических изданий факультета журналистики Томского государственного университета апробированы возможные варианты адаптации метода эксперимента к процессу моделирования прессы с использованием методик как комплексного [2], так и композиционно-графического моделирования, ориентируясь на труды С.И. Галкина [4] и В.В. Тулупова [5]. Многие из выполненных нами в рамках хоздоговорных и инициативных НИР работ по корректировке и моделированию газет и журналов региона имели экспериментальный характер.

В статье будут проанализированы некоторые работы и характерные особенности решения экспериментальных задач. Будут представлены наиболее характерные примеры, которые соответствуют предложенной нами типологии метода эксперимента в системе моделирования и проектирования медиа.

Представленные работы выполнены автором данной статьи (рис. 1), некоторые – в сотрудничестве со студентами и преподавателями факультета журналистики Томского государственного университета.

Рис. 1. Обложки экспериментальных выпусков изданий: «Гуманитарий», «Охотники и рыбоводы Сибири», «Практики свободы», «Театральная площадь»

Работы, в процессе выполнения которых, ставились экспериментальные задачи, получили несколько специальных характеристик. Среди них:

- тип эксперимента по характеру вмешательства разработчика в процесс выпуска издания: *мысленный* (например, проектные предложения), *натурный* (выпуск готового проекта на рынок) и *натурный квазиэксперимент* (подготовка модели);
- тип эксперимента по характеру моделируемой области: *комплексный* или *факторный* (указывается конкретный уровень модели, в пределах которого выполняется эксперимент);
- *поисковый* и *проверочный* эксперименты, которые могут быть разными этапами натурного эксперимента. Если поисковый эксперимент предполагает лишь поиск новых форм визуальной коммуникации, то проверочный требует апробации их наиболее востребованных форм в виде экспериментального выпуска (пилотного номера);
- *форма эксперимента* показывает, был ли это пилотный или корректировочный выпуск издания, а также в каком объеме он проводился: один выпуск или серия;
- *статус эксперимента* определяет характер отношений между разработчиком и заказчиком проекта, в рамках которого ставится экспериментальная задача: инициативный проект или хоздоговорная НИР.

Альманах «Гуманитарий» филологического факультета ТГУ (2008. № 4)

Тип эксперимента: натурный, комплексный, определяется изменением типологического статуса, содержания и КГМ, проверочный.

Статус эксперимента: инициативный проект.

Форма эксперимента: корректировочный выпуск.

Задача его состояла в трансформации традиционного журнала филфака в новый тип издания – альманах, с новым комплексом целеназначения,

рубрикатора. Эксперимент в композиционно-графическом моделировании проявился в адаптации композиционной структуры и нового графического оформления: шрифтового, композиционного, иллюстрационного и т.д. – к новому типу содержания издания.

Ежемесячная газета «Охотник и рыболлов Сибири» (2008–2009 гг.).

Тип эксперимента: натурный, факторный (на уровне КГМ), проверочный.

Форма эксперимента: серия корректировочных выпусков в рамках трансформации издания региона в сетевое межрегиональное.

Статус эксперимента: инициативный проект.

Процесс разработки и внедрения новой композиционно-графической модели занял в общей сложности год (12 выпусков газеты). Экспериментальная составляющая заключалась в поиске возможности выхода на новый межрегиональный рынок и издания большого количества корректировочных выпусков. Перевод в тип сетевого издания обусловил перераспределение элементов системы содержания, а также элементов структуры и графики обложек между основным изданием и его региональными приложениями, при условии сохранения унифицированности оформительского стиля.

Журнал Министерства энергетики Татарстана «Практики свободы», г. Казань (2010. № 1)

Тип эксперимента: натурный, комплексный, проверочный.

Форма эксперимента: экспериментальный выпуск.

Статус эксперимента: хоздоговорная НИР.

В рамках этого проекта была разработана концепция композиционно-графической модели издания (мысленный эксперимент). Проект был реализован в выпуске тиража в количестве 999 экземпляров и представлен аудитории (натурный эксперимент).

Журнал «Театральная площадь», г. Томск (2012–2013. № 1–2)

Тип эксперимента: натурный, комплексный, проверочный.

Форма эксперимента: пилотный и корректировочный выпуски.

Статус эксперимента: инициативный проект.

Задача первых номеров состояла в апробации содержательной и оформительской составляющих модели журнала, проверке их соответствия интересам аудитории. Эксперимент в композиционно-графическом моделировании проявился в поиске схем оформления типовых материалов и разделов журнала, шрифтового оформления заголовков.

Это обзор лишь некоторых проектов, который позволил проиллюстрировать типологию эксперимента в системе моделирования и проектирования. Она, конечно, нуждается в дальнейшей корректировке и уточняющих экспериментах. Чтобы более точно представить особенности процесса применения метода эксперимента, предлагаем более подробно рассмотреть два проекта, в рамках которых были апробированы составляющие данной типологии.

Журнал «Следующий шаг», г. Томск (2009)

В начале 2010 г. автором данной статьи был завершен журнальный проект – «Следующий шаг». Работа предполагала частичный редизайн издания и полный цикл дизайна и верстки. В соответствии с прикладными задачами, согласованными с заказчиком, эксперименты нужно было развернуть на уровне композиции и графики, а в частности – в иллюстрировании издания.

Таким образом, эксперимент включал в себя следующие типы: *натурный*, *поуровневый* (композиционный и графический) и *поисковый*.

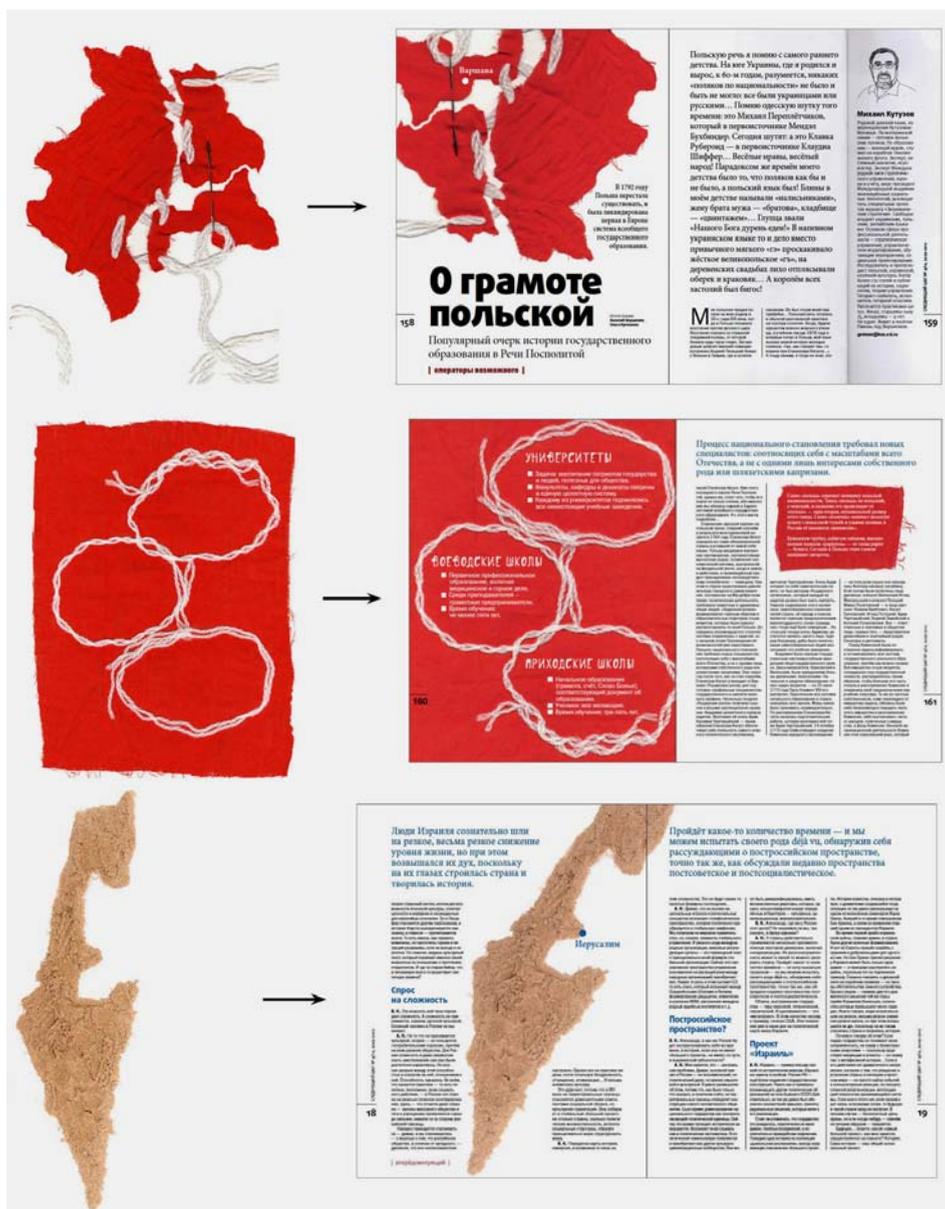

Рис. 2. Примеры разработанного для журнала «Следующий шаг» и экспериментально апробированного подхода к иллюстрированию материалов

Если особенности *натурного* и *поуровневого* эксперимента были уже описаны, то понятие *поискового* эксперимента в процессе моделирования газет и журналов требует пояснения. В данном проекте поисковый эксперимент проявился в нестандартных технологиях создания иллюстраций, поиске новой

формы для них. Многие иллюстрации были созданы буквально из подручных материалов прямо по ходу создания макета в сотрудничестве со студентами факультета журналистики, принимавшими участие в работе над журналом. Например, карта раздела Польши для публикации «О грамоте польской» была выполнена из вырезанных из ткани лоскутов, а другая карта была представлена россыпью песка, точно повторяющими очертания Израиля (рис. 2). Некоторые иллюстрации были выполнены с использованием таких материалов, как крупа, нити, листья и т.д.

Кроме того, необычным способом выполнен один из разворотных титулов: с использованием специально приготовленных оттисков высокой печати была создана аппликация, иллюстрирующая титульный лист серии материалов про наиболее крупные проекты: саммит АТЭС-2012, разработку ископаемых в Нижнем Приангарье (рис. 3). Задача этого эксперимента – показать через совмещение традиционных и современных технологий смысл, заложенный автором статьи, в которой описываются перспективы перечисленных выше проектов.

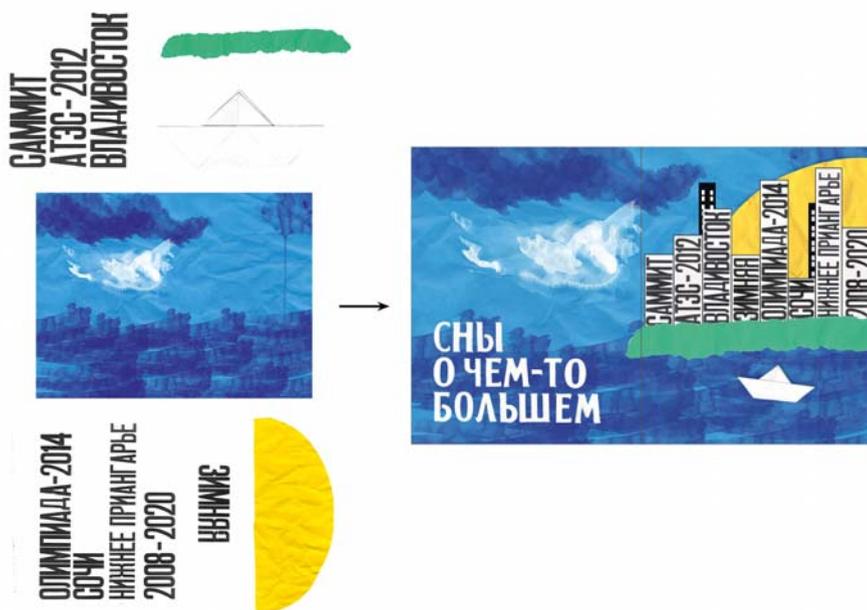

Рис. 3. Пример иллюстрации, созданной в виде аппликации с использованием оттисков высокой печати

Такие подходы к иллюстрированию реализованы не только с целью придать изданию более «живой» вид (так была сформулирована экспериментальная задача издателем), но и со стремлением через простые образы донести до читателей идеи, заложенные в довольно сложных и объемных материалах журнала «Следующий шаг», использовать их в качестве дополнительных «точек входа» в текст.

В рамках работы над этим проектом проведена корректировка композиционно-графической модели не только на уровне графики, подхода к иллюстрированию, но также изменены некоторые базовые элементы макета (расположение рубрик на развороте) и откорректирована шрифтовая палитра издания. Стремление «оживить» журнал привело к изменению заголовочного шрифта с геометрического Franklin Gothic на гуманистический Daxline. Данный шрифт использовался в сочетании со старостильной антиквой Minion, имеющей широкий потенциал использования за счет большого количества начертаний и сочетающейся с гуманитарным характером журнала.

Районный медиахолдинг на базе газеты «Шегарский вестник»

Одной из важнейших прикладных задач, обусловленных техническим заданием хоздоговорной НИР «Научное обоснование и экспериментальная апробация концепции районного медиахолдинга на базе газеты «Шегарский вестник» (Томская область)» в 2011–2012 гг., стала разработка моделей комплекса изданий на базе газеты Шегарского района. Ядро проекта, объект редизайна – районная газета «Шегарский вестник», переведенная на выпуск в статусе районного восьмиполосного еженедельника выходного дня. В качестве приложений к нему разработаны модели молодежного журнального приложения «Молодой человек» с плановой периодичностью не менее двух выпусков в год, районной школьной газеты «Первая смена» с плановой периодичностью четыре раза в год и одноименными промежуточными тематическими страницами в газете «Шегарский вестник». Также разработаны концепция и модели выпусков книжных приложений в рамках проекта «Библиотека «Шегарского вестника» (рис. 4).

Рис. 4. Обложки изданий, вышедших в рамках «Шегарского эксперимента»: еженедельник «Шегарский вестник», газета для школ района «Первая смена», молодежное журнальное приложение «Молодой человек» и книжные приложения из «Библиотеки «Шегарского вестника»

Во время редизайна газеты «Шегарский вестник» были разработаны рекомендации по оформлению информационных полос в рамках формирования новой коммуникативной стратегии издания. «Один из главных пунктов – превратить официальную информацию, являющуюся содержательной основой каждого номера (до 70 %), в удобный для местного читателя сервис» [6]. В лаборатории моделирования и проектирования периодических изданий факультета журналистики Томского госуниверситета были разработаны типо-

вые схемы основного информационного разворота и ряд макетов-шаблонов тематических полос (рис. 5), позволяющих редакции оптимизировать процесс верстки газеты. Например, совмещение заголовков и лидов в объемных новостных подборках типа «картина дня», отказ от неинформативных подписей к каждой фотографии в подборке в пользу обобщающей врезки-легенды.

Рис. 5. Варианты макетов-шаблонов для газеты «Шегарский вестник»

В рамках хозяйственной НИР по разработке Шегарского медиахолдинга предложена уже апробированная в нашей лаборатории методика удаленной разработки макета (предыдущий опыт – модель газеты «За прогресс» Бийского олеумного завода). Она превентивно определяла расположение на полосе рубрик, заголовков, текстов, иллюстраций, конкретизацией которых работники редакции занимались на месте. То есть форма газеты была скорректирована раньше, чем ее содержание. Следует констатировать, что опыт использования этой методики «Шегарским вестником» оказался востребованным. В рамках разрабатываемой типологии данный эксперимент по корректировке модели газеты включал в себя следующие типы: *натурный, комплексный и проверочный*.

Другие приложения к «Шегарскому вестнику» – «Молодой человек» и «Первая смена» – отличаются как по тематике, так и по формату и внешнему оформлению, но при этом в них сохранены связи с главным изданием холдинга.

По целевой аудитории журнал «Молодой человек» и газета «Первая смена», как приложения к газете, ориентированы на молодежь и школьников, поэтому в целом строгая и консервативная типографическая система «Шегарского вестника», которую наследуют макеты этих изданий, дополнена а-

цидентными шрифтами и более «демократичным» флаговым набором, нежели набор по формату в еженедельнике. Кроме того, вариативная сквозная сетка, разработанная для этого журнала, позволяет даже в небольшом формате искать разнообразные композиционные схемы (рис. 6).

Рис. 6. Пример используемой сетки в журнальном приложении «Молодой человек» к районной газете «Шегарский вестник»

Таким образом, разрабатывая проекты изданий разного типа, мы имели возможность убедиться, что метод эксперимента является неотъемлемой частью моделирования изданий. Предложенная нами парадигма экспериментального подхода к решению прикладных задач моделирования изданий и функционально-матричный подход к проектированию прессы региона позволили выделить характерные типы экспериментов, представленные в данной статье на примере ряда экспериментальных проектов. Они не только иллюстрируют тот или иной аспект адаптации метода эксперимента к данной сфере, но и показывают возможности использования их в качестве инструментария моделирования прессы региона. В то же время мы убедились на практике, что методика эксперимента в моделировании требует дальнейшего изучения, методологического обоснования и практической апробации, в том числе внедрения в учебный процесс, например, в рамках работы спецкурса и спецпрактикума, целью которых является проведение различных по типу экспериментов в процессе выпуска газет и журналов.

Также, исходя из опыта работы в лаборатории моделирования и проектирования изданий факультета журналистики Томского госуниверситета, видится целесообразным включение студентов в работу над экспериментальными учебными и реальными издательскими проектами для развития не только конкретных профессиональных умений, будь то фотограф или дизайн-

нер, но и навыков работы в команде – группе выпуска издания. Наиболее благоприятным в таком случае может стать наличие экспериментальной составляющей в работе группы или в целом учебно-экспериментальный характер проекта, который может проявиться в типологически мотивированном моделировании содержания, в поисках оригинального подхода к компоновке материалов, их иллюстрированию, использовании таких форм подачи материала, как инфографика или информационный пакет.

Метод эксперимента, его виды, поиск или экспериментальные этапы являются эффективным инструментом решения прикладных задач моделирования изданий. И по-прежнему актуальной остается задача апробации методик эксперимента как собственно в прикладной работе конкретного дизайнера, так и в рамках учебного процесса на факультете журналистики.

Литература

1. *Вершинин В.А.* Возможности адаптации метода эксперимента к моделированию прессы региона // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2013. – № 3 (23). – С. 98–106.
2. *Мясников Ю.Н.* Технология моделирования и проектирования периодики региона. – 2-е изд., доп., перераб. – Томск, 2010. – 164 с.
3. *Ядов В.А.* Стратегия социологического исследования: Описание, объяснение, понимание социальной реальности. – М.: Добросвет, 2000. – 596 с.
4. *Галкин С.И.* Техника и технология СМИ: Художественное конструирование газеты и журнала: учеб. пособие. – М., 2007. – 232 с.
5. *Тулупов В. В., Колосов А.А., Цуканова М.И., Сапунов В.И., Бобрятнов А.А.* Техника и технология СМИ: печать, радио, телевидение, Интернет: учеб. / под ред. В.В. Тулупова. – СПб.: Изд-во В.А. Михайлова, 2006. – 320 с.
6. *Тыщевская А. Ю.* Новая «модель» и ежедневная практика выпуска номера: к проблеме внедрения // Коммуникация в современном мире: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Проблемы массовой коммуникации», 11–13 мая, 2009 г. – Воронеж, 2009. – С. 80–83.

DOI 10.17223/19986645/26/10

УДК 070: 7.012 (078)

И.Ю. Мясников, Е.М. Тихонова

**МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРЕССЫ НА ПОРОГЕ ЭПОХИ
КОНВЕРГЕНЦИИ: К ПРОБЛЕМЕ МОДЕЛИ ОПИСАНИЯ
КОНВЕРГЕНТНОЙ ПОЛИТИКИ ИЗДАНИЯ**

В статье рассматривается проблематика развития методик моделирования прессы в эпоху конвергенции прессы, прогнозируются возможные сценарии этого развития в контексте оптимистических и пессимистических прогнозов развития подсистемы печатной периодики. Обобщая опыт лабораторий моделирования и проектирования изданий и редакционно-издательского дела НИ ТГУ в изучении политик конвергенции современных изданий различного типа, авторы предлагают рабочую версию описания конвергентной политики издания, которая, на их взгляд, является необходимым промежуточным шагом для порождения представлений о «конвергентной модели» издания. Модель содержит ряд уровней, соответствующих направлению конвергенции, и принципиальные критерии их описания.

Ключевые слова: моделирование прессы, конвергентная политика, описательная модель.

Моделирование изданий как набор практически-ориентированных методик создания и развития медиапроектов в сфере печатных СМИ подвержено постоянной трансформации, поскольку вынуждено реагировать на актуальные вызовы медиарынка. Включая в методологический спектр новые уровни и этапы разработки, возможность учитывать все большее число творческих, организационных, технологических, рыночных факторов, моделирование печатных СМИ тем не менее сегодня достигает некоторого естественного предела. Трансформация самих печатных изданий в конвергентные медиа ставит разработчиков методик моделирования перед выбором пути развития, необходимости совершенствования методического инструментария – или радикальной смены методик. Рождение ответа на этот вопрос во многом зависит от результатов исследований в сфере медиаконвергенции, способности взглянуть на функции и признаки конвергентной среды с позиций моделирования прессы.

Медиаконвергенция, под которой обычно понимается сближение и взаимодействие платформ и каналов коммуникации, корректирует представления о работе редакций на разных уровнях, от сбора и обработки информации до бизнес-стратегий. В процессе развития конвергенции размываются границы того, что раньше называлось носителем информации; форма и содержание массмедиа перестают быть жестко детерминированными своим материальным воплощением¹. Этот и связанный с ним эффекты могут касаться только

---

¹ По большей части тенденция конвергенции текстов массмедиа связана с бурным развитием интернет-технологий. В то же время нельзя отрицать, что разовые эксперименты по конвергенции предпринимались и до повсеместного распространения интернет-коммуникаций (например, публикация в газетах репортажей-стенограмм или текстов радиопередач). Тема конвергенции не сводится к осо-

формально стороны работы или затрагивать существенные аспекты профессии, но чаще всего изменения, вызванные к жизни конвергенцией (по крайней мере, на современном витке развития медиа), обогащают практику СМИ новыми возможностями и усложнением задач, которые может решать журналистика (см. [1, 2, 3] и др.).

Не может оставить без внимания процесс конвергенции и такая сфера медиапрактики, как моделирование изданий. Рассматривая его в качестве сферы широкой, формирующей модели издания на всех уровнях, от композиционно-графической модели, дизайна в узком смысле, до организационных и бизнес-моделей, необходимо признать, что конвергенция ставит перед моделированием ряд принципиально новых задач, на которые его теория (для которой характерна рекомендующая, практически-ориентированная модальность) ответа пока не дает, хотя практики, разработчики и управленцы в сфере медиа сталкиваются с этими задачами освоения потенциала конвергенции ежедневно [2].

Как должны соотноситься модели в рамках «гипермедиа» и «трансмедиа» (такое название исследователи конвергенции дают СМИ, которые используют несколько каналов передачи информации, а также включают в свою систему смежные коммуникационные платформы, например социальные сети [4])? Как меняется специфика социального функционирования СМИ, чем медиа становится для читателя в конвергентном мире, в какой мере по-новому вынуждены журналисты, редакторы, дизайнеры посмотреть на свой труд, устаревание каких приемов и принципов работы должны признать, а какие инструменты – модернизировать? Какими должны быть его интернет-версия, мобильная версия, присутствие в социальных сетях – все это на практике приходится «выводить» из модели, пользуясь заложенными в нее тематическими, жанровыми, стилевыми константами. Однако что делать, если этих констант не хватает для фиксации всего многообразия возможностей современного издания?

Очевидно, что эти вопросы касаются журналистики в целом. К моделированию же они имеют отношение в той мере, в какой новые принципы и приемы журналистской практики можно систематизировать, превратить в постоянную характеристику издания и включить в арсенал ресурсов моделирования изданий (правда, под словом «издание» сегодня приходится понимать результат более сложной и многомерной упаковки медиаинформации, чем в доцифровую эпоху) (см. [3,5,6] и др.).

Трансформация моделирования в условиях конвергенции

Каким образом может измениться моделирование как практики, чтобы отразить фактор конвергенции, включить в себя разработку конвергентных параметров издания? Действия по этой трансформации могут осуществляться одним или несколькими способами.

1. В методике моделирования появится представление о том, как трансформируются параметры модели при реализации в иной среде. Это отчасти облегчит задачу разработчика конвергентной версии издания и в то же время оставит открытым вопрос о новой методике моделирования для связанных с

изданием «новых медиа», которая будет коррелировать с моделированием периодических изданий за счет появления этих «стыковочных» шагов.

2. В моделировании появляются новые уровни, на которых конвергентные версии издания разрабатываются полностью, как и на других уровнях. Возможно, эти уровни будут второстепенными по отношению к основным (например, тематика, жанры, композиция, графика), так же как основные являются второстепенными по отношению к концептуальному, типологическому уровню. Однако, возможно, константы модели будут параллельно реализовываться, например, в ее печатной и интернет-версии. Это значительно более амбициозная стратегия развития методик, которая потребует от команды разработчиков нового, расширенного набора компетенций и, главное, изменения подхода к моделированию, который сегодня является ориентированным на периодическое печатное издание как основную единицу моделирования.

3. Комплексное моделирование включится как элемент в более соответствующую требованиям практики методику моделирования интернет-изданий. В этом случае методика, вероятно, должна быть значительно переработана, чтобы вписаться в новую методологию, вплоть до полного растворения в мире «новых медиа».

Нетрудно заметить, что эти варианты развития методики соотносимы с различными взглядами на судьбу развития прессы как медианосителя в принципе: это модели консервативного, эволюционного и революционного развития, которые предполагают, что печатные издания медленно дополняются интернет-версиями, либо надолго останутся одним из важных, хотя не основных компонентов медиасистемы, либо быстро растворятся в медиасреде, останутся ее декоративным, антикварным элементом [5].

В контексте разговора о модернизации моделирования предпочтительной представляется ориентация на эволюционный сценарий развития: он позволит прессе и связанным с ней компетенциям медленно и достойно уйти в прошлое, успев транслировать в будущее наработанный опыт как в индустрии в целом, так и на уровне конкретных методик.

Эволюция методики комплексного моделирования в сторону «новых медиа» может начаться с различных шагов, которыми могут стать решения для ряда задач:

- разработка механизма выбора и переноса графических решений из печати в конвергентную среду;
- создание стратегии адекватного, неразрушающего расширения тематической палитры в условиях тематической толерантности, характеризующей интернет-среду (иными словами, как оставаться собой в условиях множественных заимствований, перепечаток, использования пользовательского контента);
- разработка новой описательной модели жанрового спектра, которая даст представление о коммуникативном богатстве жанровых форм, относящихся не только к печатному изданию, но и, например, к веб-ресурсу;
- создание принципов выработки универсальных композиционных решений, которые сохраняли бы единство и функциональность в различных средах и в различных моделях потребления;
- модель описания конвергентной политики издания, которая позволит

вырабатывать концептуально обоснованные ответы на вопросы, в чем же суть компромисса между различными средами, от чего газета должна отказаться и что теряет и приобретает при переходе в Интернет, какие шаги должны быть предприняты для освоения этой среды и какие из них предоставляют возможности управленческого и творческого выбора и т.д.

Любое расширение парадигмы моделирования, будь то включение в модель содержательных уровней, как в 80-е гг. прошлого столетия, или превращение моделирования в инструмент проектного менеджмента, как на рубеже веков, имеет в основании четко сформулированные концептуальные представления о факторах актуальных тенденций развития печатных СМИ. Несомненно, что и «конвергентное моделирование» не может не иметь в своей основе представлений о том, в чем воплощается сегодня конвергенция, и предположений, как конвергенция может преломляться в практике моделировании изданий. Логика развития моделирования последних десятилетий позволяет также предположить, что системные знания о конвергенции должны породить представление о конвергентной модели издания, которая будет воплощать специально сконструированную систему принципов взаимодействия различных медиаплатформ, действующую в зависимости от проявления различных факторов, определяющих индивидуальный облик издания.

До тех пор, пока представление о моделировании на этом уровне не сформировалось, уместно употребление понятия «конвергентная политика», которое характеризует специфику проявления конвергенции в деятельности той или иной редакции. Обозначая эту практику как политику, мы подчеркиваем поливариантный характер этого проявления и то, что они являются результатом осмысленного выбора из ряда возможных направлений развития.

Представление о том, как строится конвергентная политика издания, неизбежно многосоставно и многомерно, так как конвергенция может происходить на многих уровнях (от уровня изменений компетенций специалистов до структурных и сущностных слияний каналов передачи информации, тематических структур и т.д.) и придавать изданию принципиально новые характеристики. Среди основных выделяемая целым рядом исследователей триада «ценностей конвергенции»: многоканальность, мультимедийность, интерактивность.

Очевидно, что такое многообразие аспектов редакционной политики, где конвергенция может проявиться по-разному (например, издание может «увлечься» мультимедиа, но совершенно не беспокоиться об интерактивности своих средств или провести рациональные структурные изменения в связи с выходом в Интернет, но так и не подойти к перераспределению компетенций, использовать социальные сети, но проигнорировать микроблоги), ставит перед исследователями и практиками моделирования задачу поступенчатого, подробного изучения теории и практики различных направлений, видов, уровней конвергенции.

Так, в базу знаний моделирования периодических изданий должен включаться широкий круг современных исследований в сфере конвергенции – это описывающие философские, практические и технические аспекты медиаконвергенции работы М. Киндер, Г. Дженкинса, Д. Бэлла и Д. Гиллмора, актуальные российские исследования Е.Л. Вартановой, А.Г. Качкаевой, И.И. За-

сурского, А.А. Калмыкова, В.Л. Цвика, М.В. Луканиной, а также разработки О.М. Силантьевой, И.В. Кирия, Д. Горчакова и др., в которых подробно описываются уровни, слои и виды конвергенции как в целом, так и на уровне частных проявлений.

В то же время моделирование нуждается и в обобщении успешной практики конвергенции, которая встречается в передовых редакциях, задающих стандарты отрасли. Это обобщение может строиться как по принципу описания политики, так и по сегментам: например, описание эффективных проектов по социально-сетевому взаимодействию, успешной практики создания планшетных приложений, направлений технологического прорыва в коммуникации. Принимая во внимание «догоняющее» состояние современной теории конвергентной журналистики, есть смысл задуматься о включении результатов изучения этой практики в арсенал моделирования, не дожидаясь создания полной «теории медиаконвергенции».

Особенно важно изучение тех принципов и приемов работы, которые, с одной стороны, напрямую обеспечивают достижение функций конвергенции, с другой – особенно явно демонстрируют ее потенциал как нового средства журналистики, достойного систематического применения и «упаковки» в виде элемента моделей изданий. Для моделирования они становятся своего рода предметной областью, которая подлежит изучению для включения в управляющую методику в качестве ресурса.

Составляющие конвергентной политики и принципы ее описания

Анализ практики российских изданий, в той или иной степени успешно осуществляющих конвергентную политику, например газет «Ведомости», «Коммерсантъ», «Московский комсомолец», «Аргументы и факты», журналов «Esquire», «GQ», «Эксперт», «Русский репортер» и др., помогает понять, что спектр направлений конвергентной политики соотносится, во-первых, с вошедшими в общее употребление технологиями (например, мобильный Интернет и устройства связи с развитыми операционными системами), а также популярными интернет-сервисами, такими как социальные сети, микроблоги, хостинг-платформы. Эта соотнесенность лишней раз свидетельствует о том, что конвергентная политика изданий не просто серия технологических нововведений, но попытка отреагировать на меняющийся в технологическом, техническом, коммуникационном отношении спрос аудитории.

Описывая конвергентную политику издания в аспекте медиапроизводства (который отличается, в частности, от аспекта управленческого или творческого, но в большей степени важен для моделирования прессы), важным представляется выделить ряд составляющих конвергентной политики.

1. Наличие интернет-версии издания или самостоятельного интернет-издания под той же маркой (его структура, тематические и жанровые отличия от печатной версии, специфика работы и размещаемых материалов, богатство возможностей и т.д.).

2. Присутствие и специфика работы издания в социальных сетях (специфика размещаемых материалов, темпоритм коммуникации, использование специфических возможностей соцсетей (в России это в первую очередь «Фейсбук» и «ВКонтакте»), использование интерактивных средств взаимодействия с читателями и т.д.).

3. Присутствие каналов и представительств издания в блогах, микроблогах и на хостинг-сервисах, коммуникационная политика на этих платформах. Так, например, издание одновременно может обновлять каналы на платформах *Flickr*, *Vimeo*, *YouTube*, блоги на платформах *Tumblr* и *Livejournal*, микроблоги *Twitter* и *Google+*, медиамикроблоги *Instagram* и *Pinterest*. При описании политики издания в этой сфере, впрочем, необходимо учитывать, что со временем все эти платформы обрастают свойствами социальных сетей, а «социальные медиа», в свою очередь, позволяют пользователям вести коммуникацию в режиме микроблога.

4. Использование мобильных интернет-сервисов также может быть описано по нескольким параметрам. Какую поддержку оказывает издание мобильным интернет-пользователям, предлагает ли мобильную версию сайта, использует ли собственные приложения для мобильных операционных систем и какие коммуникационные и жанрово-тематические трансформации претерпевает содержание издания, попадая к мобильным интернет-пользователям.

5. Поддержка планшетных СМИ. Несмотря на то, что в сегодняшней практике, разрабатывая мобильные версии изданий, редакции часто относят пользователей планшетных компьютеров, приобретших популярность несколько лет назад, то к обычным интернет-читателям, то к пользователям мобильного Интернета, свидетельство ряда экспертов, например М. Гарсиа, а также практика таких изданий, как *New York Times*, *National Geographic*, *GQ* и др., техническая специфика планшетных версий изданий позволяют охарактеризовать их как отдельный канал коммуникации с особым набором свойств.

К ярким конвергентным эффектам можно отнести и отдельное производство конвергентного продукта. Так, обращает на себя внимание наличие у издания и информационного агентства студий видео- и аудиопроизводства, интерактивной графики, мультимедийных проектов и т.д. (в первую очередь заслуживает изучения опыт такого рода редакции *New York Times*). В то же время этот творческий результат, иллюстрирующий специфику работы в конвергентной среде, используется на всех направлениях конвергенции, его выделение в отдельное полноценное направление в контексте настоящей описательной модели не имеет большого смысла.

Этот список направлений конвергентной политики, очевидно, будет расширяться по мере развития тех или иных технологий или в случае, если те или иные медиаплатформы породят собственную, специфическую практику, яркие отличительные черты или традицию создания.

Какие принципы могут быть положены в описание конвергентной политики? Пользуясь принципами моделирования, а также учитывая характер практики ряда успешных российских изданий («Ведомости», «Коммерсантъ», «Esquire», «Эксперт», «Русский репортер» и др.), можно сформулировать ряд критериев, которые позволяют объемно и полно охарактеризовать совокупность характерных особенностей конвергенции в отдельном издании, т.е. создать портрет его конвергентной политики, описать, как именно издание пользуется спектром возможностей конвергенции. Эти критерии описания

актуальны на каждом направлении конвергенции (Интернет, мобильный веб, планшетная версия, социальные медиа и т.д.):

- структурная, жанровая, тематическая специфика версии издания, их общие и уникальные черты;
- аудиторная и функциональная направленность издания на этом уровне, специфические функции, читательские группы, модели потребления;
- реализация специфических черт той или иной платформы; потенциал платформы в реализации основных функций издания;
- потенциал мультимедийности платформы;
- потенциал и модель интерактивного взаимодействия.

За описанием каждой платформы в отдельности неизбежно следует исследование такого фактора, как внутрисистемные взаимосвязи: видимая иерархия версий (включая, например, печатную, которая давно не обязана быть основной), наличие общей концепции и дизайна, наличие и специфика кросс-платформенных связей и т.д.

Описание медиапродукта редакции с учетом приведенных уровней и критериев позволит получить релевантную для моделирования (а возможно, и для других аспектов творческой и управленческой практики редакции) картину конвергентной политики издания. Следует также учитывать, что в данную модель описания принципиально не включены творческие, организационные аспекты работы редакции (например, наличие самостоятельной онлайн-редакции), а также чисто рыночные эффекты.

Даже беглый взгляд на эту модель описания позволит уловить сходство с существующими методиками описания. Эта общность подходов позволит по мере накопления опыта описательной работы в сфере конвергентной журналистики, а также при формировании достаточного банка экспериментальных результатов в данной сфере сформулировать представление о конвергентном моделировании, а впоследствии предоставит разработчикам возможность сформулировать принципы и критерии мастерства создания конвергентной модели издания.

Литература

1. *Калмыков А.А.* Конвергенция – возможность универсального журнализма в рамках профессиональной идентичности [Электронный ресурс] // Вестн. электронных и печатных СМИ: электронный научный журнал. 2011. № 16. Электрон. дан. – <http://www.ipk.ru/index.php?id=2231> (дата обращения: 10.09.2012).
2. *Калмыков А.А., Коханова Л.А.* Интернет-журналистика. – М., 2005. – 383 с.
3. *Качкаева А.Г.* Журналистика и конвергенция: почему и как традиционные СМИ превращаются в мультимедийные. – М., 2010. – 200 с.
4. *Землянова Л.М.* Коммуникативистика и средства информации: англо-русский толковый словарь концепций и терминов. – М., 2004. – 416 с.
5. *Копылов О.В.* Профессионализм журналиста в условиях медиаконвергенции: трансформация, эволюция, апгрейд? // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2012. – № 3. – С. 120–130.
6. *Лукашина М.В.* Текст средств массовой информации и конвергенция // Политическая лингвистика. – Вып. 20. – Екатеринбург, 2006. С. 205–214.

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

DOI 10.17223/19986645/26/11

Жанровые трансформации в литературе и фольклоре: коллективная монография / Т.Н. Маркова, И.А. Голованов, Н.Э. Сейбель [и др.]; под общ. ред. Т.Н. Марковой. – Челябинск: Энциклопедия. – 2012. – 360 с.

В монографии собраны исследования, которые объединяет интерес к проблеме эволюции жанров во всём многообразии её художественных проявлений. В научно-исследовательском проекте приняли участие учёные из разных регионов России, а также ближнего и дальнего зарубежья, представляющие различные филологические школы и направления. Исследование теоретических аспектов проблемы сочетается здесь с главами-медальонами об отдельных авторах и произведениях. Таким образом предпринята попытка передать бесконечное разнообразие жанрового поля современной словесности, на котором ведутся самые смелые эксперименты.

Книга предназначена для учёных, студентов и аспирантов филологических специальностей, а также всех интересующихся проблемами жанровой эволюции.

Исследуя современные жанровые метаморфозы...

Очевидно, что формат коллективной монографии, в отличие от сборника статей, налагает на авторов и редактора трудное бремя отбора, структуризации текста, а главное, создания общего семантического пространства, в котором полифония материала и методологий создаёт не диссонанс, а взаимокоррекцию. Усилия главного редактора, заслуживающие уважения, насколько можно судить по композиции, взаиморасположению глав, и были направлены не на целостное воплощение концепции жанрового модуса, а на выявление его разнообразных модификаций и признаков. Главы задают как проблемно-тематический диапазон, так и внутреннюю логику и центростремительные связи между интерпретациями исследователей. В орбите их внимания – жанровый репертуар начиная с «высокой» прозы до «региональных» текстов и экспериментов сетевой словесности.

В первой главе – «Модификация фольклорных и архаических жанровых форм» – внимание обращено на поэтику усвоения фольклорных, агиографических и иных жанровых канонов. Две статьи: «Жанровые преломления категории времени в фольклорной прозе» И.Е. Голованова и «Локальные стилевые особенности уральского художественного текста» Е.И. Головановой –

посвящены современным фольклорным текстам в аспекте их соотносённости с архаическими первоосновами и факторами, определяющими бытование современного фольклорного сознания. Авторы обращаются к текстам ограниченного культурного ареала. И.Е. Голованов оперирует жанрами современной несказочной прозы, выделяя три группы преданий (о появлении русских на Урале; повествования о первопоселенцах, оформляющие генеалогические предания; тексты о «золотом веке»), и прослеживает парадоксы преломления фольклорной темпоральности в сознании современного человека: архаические представления о мифологическом прошлом редуцируются сосредоточенностью на частной судьбе отдельного человека, утратившего органическую связь с миром. Наблюдения Е.И. Головановой над поэтикой уральского «локального текста» открывают обретение классическими фольклорными жанрами (сказкой, несказочной прозой) регионального облика – следы горнозаводской культуры. Представление о мире уральского локуса закрепляется в авторской литературе (П. Бажов). Работы о современных фольклорных текстах Урала провоцируют неизбежный вопрос: уникальны отмеченные трансформации либо, напротив, неизбежны и универсальны для любого «локального текста», – тогда можно было бы говорить о методологическом потенциале представленных работ.

Две другие статьи первой части – «Трансформация жанровой модели жителя в романах Л. Улицкой» Т.Г. Прохоровой и «Повесть Л. Улицкой “Сонечка”: поэтика экфрасиса» Н.В. Ковтун – обращены к текстам одного автора. Соседство статей оказывается показателем того, как в беллетристике более непосредственно, «формульно» проступают те или иные жанровые структуры. В агиографическом каноне в романах Л. Улицкой Т.Г. Прохорова очерчивает приметы романного и житийного и семантические сдвиги, рождаемые при их пересечении. Наиболее очевидно это обнаруживается в романе «Медея и её дети», где житийные элементы христианизуют мифологическую модель мира. Размышления Н.В. Ковтун сосредоточены на экфрасических составляющих поэтики одной повести Л. Улицкой («Сонечка»). Несмотря на расширительное толкование экфрасиса, автор статьи уточняет поэтику воплощения устойчивого в литературе образа художника через экфрасистические вкрапления, визуальные мотивы (портрет, судьба картин художника), неизменно выводящие к диалогу с классическими предшественниками, повесть подключается к высокой традиции.

Вторая глава – «Современные рецепции жанровых моделей» – посвящена драме. Статья известного чеховеда В.Б. Катаева «Не начало ли перемены? (О новых тенденциях в интерпретации произведений А.П. Чехова)» носит полемический характер: автор готов понять новые прочтения чеховских текстов, предлагаемые в научном (диссертационном) и театральном дискурсе; говоря о трактовке чеховского интеллигента в современных спектаклях, Катаев обнаруживает влияние современного общественного сознания, когда текст становится заложником идеологических комплексов. «Неакадемизм» статьи, правда, уводит автора от магистральной линии выяснения жанровых особенностей чеховских текстов.

Статью «Высокое напряжение: о стилевом своеобразии пьесы А. Платонова» Е.Г. Белоусовой логичнее было бы расположить в середине второй гла-

вы, соотносясь с хронологией. Содержание и финальный (слишком лапидарный) вывод значительнее предложенного заглавия. Анализ поэтики драмы (в первую очередь диалог реплик и ремарок, создающий аранжировку трагической логики драматического действия) подводит к уточнению антиномичности платоновской концепции распада мира и тщетности попыток человеческого сознания собрать мир. Значимость данной статьи в монографии видится в том, что автор встраивает драматургическую структуру в «единый метатекст платоновского творчества» (с. 163), в котором происходит интерференция из соседства текстов разной жанрово-родовой природы.

Жанровое измерение рецепции ставших уже классикой XX в. драматургических текстов осмысливается Л.С. Кисловой в статье «Рецепции жанровых моделей в современной отечественной драматургии». Объектом внимания оказываются тексты Г. Горина («Чума на оба ваши дома!»), И. Вырыпаева («Валентинов день») и Р. Литвиновой («Небо. Самолёт. Девушка»). Не разделяя категоричности автора («доминирование “вторичных” текстов становится одной из ключевых тенденций современного литературного процесса» – с. 130), согласимся, что феномен «вторичных» текстов заслуживает самого пристального внимания – как индикатор не только культурных, но и социально-идеологических российских реалий. В статье выстраиваются типы связей новых пьес с претекстом. Например, «Валентинов день» и рошинский претекст образуют парадоксальную «дилогию», вторая часть которой поэтикой карнавализации пародирует коллизии пьесы М. Рошина. При этом оба текста оказываются профанирующими вариантами шекспировских трагических коллизий и сопрягаются с фарсовой поэтикой пьесы Г. Горина, оттеняют её трагикомическую жанровую доминанту.

«Привязка» к драмам Г. Горина и И. Вырыпаева киносценария Р. Литвиновой, несмотря на внешне сходный тип связи с претекстом Э. Радзинского, представляется искусственной. Отдавая должное оригинальности творческого почерка Р. Литвиновой, полагаем, что её киносценарий эксплуатирует пьесу Э. Радзинского с целью адаптации к собственной индивидуальной психофизической актёрской природе. Заметим здесь: претензии актрисы с амплуа «демонической» женщины не достигают глубины исполнения роли Наташи в ранней экранизации, где Т. Доронина преодолевает мелодраматизм и «советскую» типажность. Словесный текст киносценария обращает к своеобразию диалога, объективно пародирующего модернистскую парадигму женственности и «нездешности». К сожалению, автор статьи ограничился в финале общими словами о ремейках и сиквелах, хотя наблюдения над текстами первых двух драматургов позволяют более глубоко говорить об отношениях «старых» и «новых» текстов, когда востребованными оказываются не полноценные тексты, а «проекты».

Третья глава – «Жанровые эксперименты в литературе» – включает пять статей, в которых сталкиваются разные десятилетия литературного развития XX в., разные имена и жанрово-родовые предпочтения. А.В. Кубасов не первый пишет о С. Кржижановском, однако в статье «Нувелеты С.Д. Кржижановского как результат жанрового сдвига» он обращается к действительно уникальным экспериментам писателя в жанре нувелеты как разновидности миниатюры, которая представляет собой результат «контаминации таких перифе-

рийных для “большой литературы” жанров, как анекдот, пародия, афоризм, притча, шарада» (с. 167). Как известно, одна из жанрово-стилевых основ прозы Кржижановского – языковая игра; автор статьи объясняет семантику лингвокреативных сдвигов и их жанрообразующие функции, выходя к идее соприродности нувелеты и классической новеллы. Выстраивается цепочка развёртывания шарады в нувелету и далее – в новеллу; другой вариант трансформаций «генетических» жанров – их контаминация в нувелете («Стилист»). Игра с жанрами, как убедительно говорит А.В. Кубасов, становится для художника и формой оценки социальной реальности, и возможностью эстетической полемики с жанровыми тенденциями эпического освоения действительности.

Ю.Б. Орлицкий в русле своих стиховедческих исследований предложил, казалось бы, академического звучания тему, не сулящую откровений: «Новая жизнь традиционных жанровых и строфических форм в русской поэзии последних десятилетий», и обнаружил общность интенций, объединивших разных поэтов, которые ощутили потребность вспомнить как будто далёкий от современного эстетического сознания и основательно подзабытый жанр оды. Автор напоминает, что уже в XIX в. забвение проявилось в ослаблении версификационной связи жанра и строфы, в размывании жанрового содержания оды и произвольности жанровой номинации текстов как оды. Но в конце XX в. ода как жанр в его нормативной строфике (или её вариациях) востребована современными поэтами (названы Л. Лосев, О. Седакова, М. Генделев, А. Цветков, С. Завьялов и М. Амелин). Даже краткий комментарий нескольких текстов открывает смысл притягательности одической строфы. Во-первых, она позволяет современному поэту мыслить себя звеном мирового поэтического древа (об этом говорится в связи со стихотворением О. Седаковой «Кузнечик и сверчок», полемическом диалоге с Китсом). Во-вторых, манипуляции с одической версификацией могут быть поэтической саморефлексией, демонстрацией версификационного мастерства. В-третьих, одическое содержание «удобно» для иронического снижения, выдающего доминанту современного (постмодернистского) сознания. Остаётся посетовать, что в монографии это единственная статья о поэзии.

Н.В. Барковская в статье «Соцреализм в джазовой аранжировке: роман С. Жадана “Ворошиловград”» раздвигает границы материала, обращаясь к явлению украинской прозы, впрочем, органично включённому в контекст вненациональный. М.А. Литовская и Е.В. Литовская предпринимают разыскания в любопытной области «литературы»: «“Истории с рецептами”: жанрово-стилевое своеобразие современных “кулинарных книг”». Т.Н. Маркова («Жанровые номинации в русской прозе 2000-х гг.») подводит предварительные итоги научной рефлексии и фиксирует степень изученности проблемы, упоминая работы предшественников. Исследователь осваивает пульсирующую современность российской словесности (в том числе журнальные публикации последних лет), делает типологизацию жанровых номинаций, обосновывая причины их появления (кризис традиционного жанрового мышления, экспансия интермедиальности, воздействие интернет-технологий и т. д.). Примечательно, что среди перечисляемых авторов, стремящихся к оригинальным жанровым определениям своих текстов, не только профессиональные и уже составившие себе имя в литературе писатели, но и остающиеся в

зоне беллетристики (В. Шендерович), люди других профессий (С. Юрский), что позволяет говорить о неких общих тенденциях. Экстенсивное собрание авторских жанровых номинаций может послужить основой будущей аналитической работы. Главная задача, поставленная Т.Н. Марковой, состоит в интерпретации диалога авторской жанровой номинации с жанровым каноном, в выявлении оригинальности нового авторского «жанра». Аналитические фрагменты статьи касаются лишь «филологического» романа.

Три части четвёртой главы проблематизируют ситуацию активного взаимодействия традиционной, бумажной, словесности и феноменов сетевого функционирования текстов. Цементирует главу статья Т.Л. Рыбальченко «Потенциал гипертекстовой структуры в романе А. Битова “Пушкинский дом”»; она видится наиболее поливалентной – в смысле разветвлённых связей с другими статьями, где речь идёт и о традиционных проблемах жанра, и о «сетевых». Сюжет публикации романа А. Битова «Пушкинский дом», значимый сам по себе, как индикатор социокультурных процессов, становится уникальным примером того, как на рубеже 1960–1970-х гг. художественная интуиция автора опередила и предварила многие процессы «переформатирования» отношений между автором и читателем текста. То, что воспринимается как новации, уже обрело текстовое воплощение. Битовские интенции радикально меняли механизмы текстопорождения, прежде всего – отменяли линейную парадигму создания и чтения текста, авторитетную авторскую инстанцию. Может быть, сетеватурный гиперроман «Роман» вырос из гипертекстовых битовских ресурсов, о чём интересно было бы поразмышлять одному из авторов главы Ф.А. Катаеву, чья диссертационная работа посвящена русской прозе в эпоху Интернета, в том числе и этому «интерактивному гипертексту».

Статьи соавторов М.П. Абашевой и Ф.А. Катаева «Русская проза в условиях информационной эпохи: трансформации в поэтике» и В.Ю. Прокофьевой «Жанровые трансформации непрофессиональной сетевой литературы: фанфики и пирожки» обращены непосредственно к «компьютерному дискурсу» (воспользуемся термином, предложенным Ф.А. Катаевым). В первой из названных статей, оснащённой реферативной преамбулой, позволяющей судить о степени освоенности сферы взаимодействия бумажной и сетевой словесности, авторы конкретизируют две важные проблемы: изучение текстов, порождённых собственно сетевым пространством, и исследование влияния «компьютерного дискурса» на «бумажную» прозу, не в последнюю очередь – в аспекте изменения жанровой структуры. Поэтому более интересны такие части статьи, как «Литература: текстовые эксперименты» и «Сеть и слово», в которых выявляются, например, любопытные гибриды романа и компьютерной игры разного эстетического уровня (Л. Петрушевской и Б. Акунина). Статья В.Ю. Прокофьевой видится продолжением и дополнением предыдущей; автор актуализирует «старый», как оказывается, жанр «фанфикшн», эксплуатирующий классические жанровые структуры рассказа, повести, романа и поэмы, и прослеживает его «омассовление» благодаря интернет-технологиям. Статья порой читается как соблазн приобщиться к сонму авторов сетеватурности, тем более что в статье предложен словарь жанровых модификаций фанфиков.

В составе данной главы уместнее было бы видеть и помещённую в предыдущей статье М.А. Литовской и Е.В. Литовской «История с рецептами»: жанрово-стилевое своеобразие современных “кулинарных книг”, поскольку в любопытных образчиках такого рода текстов проступают способы конструирования рецептивных механизмов потребления текстов читательским сознанием, сформированным уже в пространстве потребительской культуры и формата интернет-изданий.

Последняя глава – «Авторские жанровые стратегии в зарубежной литературе и литературе зарубежья» – оставляет впечатление менее цельной. Три статьи слабо интегрированы в общее русло монографии, хотя статьи этой главы интересны.

Публикация фрагмента М.П. Бента «Вставные истории в “Житейских воззрениях Кота Мурра”» (дань почтения ушедшему коллеге) встраивается в парадигму «текст в тексте»; в статье «Гносеологическая концепция Г. Броха (на материале “Истории девушки из Армии Спасения”» Н.Э. Сейбель исследуется такая художественная логика, когда в составе трилогии «Лунатики» повышенным статусом наделяется новелла «История девушки из Армии Спасения в Берлине», а в тексте новеллы, в свою очередь, сконцентрированы стихотворные отрывки, воссоздающие судьбу Агасфера. В подобной романной структуре «проигрываются» различные варианты гносеологических поисков автора, чьё мышление реализуется в научном и художественном дискурсах.

Статья Г.Л. Нефагиной «Поэтика и литературные дискурсы романа О. Грушиной “Жизнь Суханова в сновидениях”» открывает автора, работающего на пересечении двух языковых и национальных миров и включённого в диалог с русской прозой. Для автора статьи более очевидна набоковская линия в романе О. Грушиной, тем более что в этом направлении уже работают исследователи. Вскользь упомянут бунинский след как традиция феноменологического («Жизнь Арсеньева»). Более продуктивными представляются отсылки к повести Ю. Трифонова «Обмен», требуется и сравнение обращения с «Домом на набережной» и с другими трифоновскими повестями и романами.

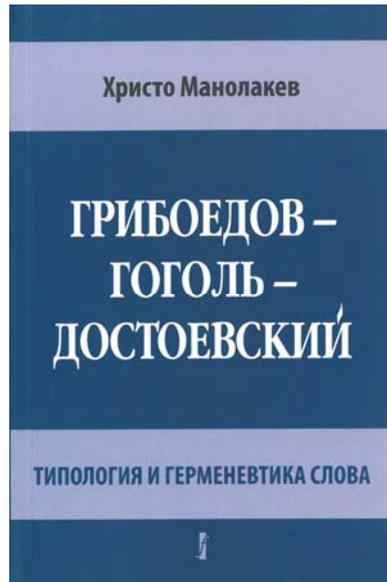
Научно-исследовательский проект, соединивший под одной обложкой российских и европейских учёных, можно считать реализованным. Составляющие монографию статьи – это не только описание того или иного жанрового феномена, но и выявление тенденций, что намного сложнее. Если вспомнить (вслед за Т.А. Снигирёвой) аксёновскую формулу «в поисках жанра», то она вполне проецируется на работы авторов монографии. Убеждает в состоятельности жанра коллективной монографии готовность к освоению неизбежных жанровых метаморфоз, определяемых пульсацией и внеэстетической реальности, и эстетического мышления. В практическом аспекте наблюдения и выводы авторов монографии могут служить навигатором для профессиональных и читательских ожиданий, направляя их в определённые жанровые русла.

А.С. Сваровская,
канд. филол. наук, доцент кафедры истории русской литературы XX века
Томского государственного университета
E-mail: anna_svarovski52@mail.ru

DOI 10.17223/19986645/26/12

Манолакев Христо. Грибоедов – Гоголь – Достоевский. Типология и герменевтика Слова / пер. Л.А. Дубовой. – В. Търново: Фабер, 2011. – 182 с.

В книге рассматривается до настоящего момента не исследованный историей литературы межтекстуальный диалог между пьесой «Горе от ума» А.С. Грибоедова, поэмой «Мертвые души» Н.В. Гоголя и романом «Идиот» Ф.М. Достоевского. Главные герои в них, Чацкий, Чичиков и Мышкин, являются носителями особого идейного Слова. В комедии оно рождается как выражение определенного политического намерения, в поэме поддается сомнению в результате своей социализации, в романе «политическое» вовсе отрицается – взамен ему предлагается альтернатива в дискурсе этического и религиозного.

Книга болгарского ученого Христо Манолакева «Грибоедов – Гоголь – Достоевский. Типология и герменевтика Слова», переведенная с болгарского Л.А. Дубовой, состоит из предисловия и трех глав: глава I. Герой, Слово и Дом в комедии «Горе от ума» А.С. Грибоедова; глава II. «Усомненное» Слово. «Мертвые души» Н.В. Гоголя; глава III. Другое Слово. Роман «Идиот» Ф.М. Достоевского. Библиография полно отражает русскоязычные и иностранные источники по творчеству рассматриваемых в книге писателей.

«Герменевтика Слова», заявленная в заглавии, таит глубочайшую проблему, можно сказать, заманчивую тайну, тогда как поясняемая «идеологичность», востребованная в большей мере «типологией», является своего рода «поверхностью». Автор лапидарно поясняет в предисловии: «Имеется в виду Слово в смысле М. Бахтина – как целостное высказывание, заявляющее и отстаивающее определенную идеологическую позицию, воплощенную в художественный дискурс. В акте встречи с принимающими его оно меняется согласно конвенциям бытовой ежедневности ввиду своей идеологической принадлежности к Дому, который рассматривается в широком символическом значении родного. Слово рождается и существует ради его судьбы» (С. 11).

Основу для «новой идеологичности» Слова, его «герменевтики», составляет, как известно, переворот в культуре, отозвавшийся в романтизме и особенно бесповоротно в реализме и связанный с формированием позиции суверенного Я вне внешних надличностных программ. Слово несет жизнестроительный потенциал и становится единственно персонологичной формой встречи личности и бытия. Поэтому в книге постоянны импликации взрывчатой, чреватой глобальным переворотом, «судьбоности» появления героя, т.е. вторжения в закоснелый порядок персонифицированного через него Слова.

В связи с этим заслуживают особого внимания выделяемые Х. Манолакевым в литературе линия слова и линия тела. Как видится, линия тела предполагает единство (имманентность) реальности и героя, а линия слова – их разноприродность (трансцендентность). Поэтому в этой линии оказался Гоголь с его «Мертвыми душами», для поэтики которого характерна противоположность духовного и материального начал.

Порой, следуя за мыслью Х. Манолакева, можно подумать, что под Словом понимается «идейное содержание», которое привнесит в реальность герой. Акцентируется столкновение «идеального порядка», который идея собой устанавливает (герой собой это воплощает), с энтропийными, искажающими ее силами мира¹. В «Горе от ума» акцент ставится на проблеме неуспешности инертным русским миром просветительского (западного) комплекса идей (или ложного их усвоения через комплекс «моды»), носителем которых воспринимается Чацкий. «Чацкий не говорит о чужом, оно отложилось в его воспоминаниях, превратилось в оценивающий код при осмыслении и обсуждении своего; чужое находится в памяти Слова, присутствует в нем как идеологический силуэт» (С. 26). В «Мертвых душах», которые, по мнению исследователя, являются «идейной инверсией» «Горя от ума» (С. 102), речь идет о широком укоренении (т.е., по Х. Манолакеву, «социализации») «западного», приводящем к «омертвлению души», что в свою очередь рождает «усомненное» слово (неологизм заявлен в названии второй главы, посвященной разбору поэмы), т.е. сомнение в просветительских идеалах западного толка, при еще не утвердившейся, как считает ученый, христианской ортодоксальности в мировоззрении Гоголя (С. 103). И лишь у Достоевского в романе «Идиот» воспроизводится «матрица» «Горя от ума» для критического разрыва с рациональным просветительским типом изменения человеческой жизни (чреватый нигилизмом) с утверждением христиански-персоналогического преобразования жизни и души.

Такая типология выглядит явно схематичной и спорной. И дело даже не в ее доказательности. Определяя собой вектор композиционной целостности исследования, она служит более ценному, чем она есть сама по себе, – *уточнению* на широком комплексе тем и мотивов, которые в выстраиваемой интертекстуальной связи трех произведений представляют собой своего рода «герменевтический круг» с возможностью не столько законченных ответов, сколько углубляющейся проблематизации. В работе можно даже увидеть внутренний сюжет своеобразного спора «типологии» и «герменевтики», когда одно стремится стать целью для другого: герменевтика – для типологии или типология – для герменевтики. Не будем упрекать автора в том, что он не учел в выстраиваемой «герменевтике Слова», ведь каждое из трех рассматриваемых произведений в этом безграничном аспекте утянуло бы в собственную глубину, нарушив четкость «типологии».

---

¹ В конце первой главы своего исследования Х. Манолакев по поводу «Горя от ума» вводит следующее обобщение: «Так рождается новая метафизика «Я», которая пренебрегает «телом» и актуализирует «ум». Тело референцирует связь с западноевропейской литературой, т. е. старой литературной нормой, тогда как идеологическое содержание слова представляет собой неизвестное политическое наполнение, что, в итоге, формирует облик родной литературы. Таким образом, общая дискурсивность слова улавливает и собирает разнонаправленные поиски и амбиции русской литературы в тот момент» (С. 58).

Анализ «Горя от ума» задает важные узлы (аспекты) интертекстуального диалога. Во вступлении сказано: «...три произведения объединены общим алгоритмом, с помощью которого построены их сюжеты: «приезд – встреча – отъезд» (С. 10), в первой главе уточняется, что анализ опирается на «морфологизацию сюжета до топосов *возвращение – встреча – отъезд*» (С. 15). Но, как кажется, каждый из трех компонентов телеологично полновесен лишь в «Горе от ума», в «Мертвых душах» это «приезд», а не «возвращение», которое акцентирует начало «второй части» (возвращение в город Чичикова), в «Идиоте» редуцирован «отъезд» (или же метафорически можно под ним понимать финальное безумие Мышкина). Такая морфологизация сюжета исключительно важна для феноменологизации «границы» как условия для нового содержательно-функционального воздействия на фабульный ряд «второго», или «внутреннего, сюжета» Слова, который и является, по мнению ученого, ведущим для целостности рассматриваемых произведений.

В связи с «границей» (временной и пространственной) не случайно исследователь подчеркивает три вопроса для фабульной предыстории «Горя от ума»: 1. Почему он внезапно уехал три года назад. 2. Почему он приезжает именно сейчас? 3. Где он был эти три года? Вопросы несколько неожиданные, ответы на них, важные для ведущей темы, при обращении автора к различным исследовательским мнениям прочерчивают интересные интерпретационные границы. Автор усиливает роль «чужого» (западного) в идеологической установке Чацкого (уточняя, где же он был – в России или за границей, и почему не делится впечатлениями о последней¹). Добавим, что принципиальная нераздельность путешествия за границу и путешествия в пределах России (познание своего и чужого) интенционально (например, сакральные коннотации: грянул «как с облаков») относит Чацкого к той области *иного* (не относимого ни к какому конкретному топосу), с позиций которого и возможна объективная оценка Запада и родины. Отсюда и сакральные мотивы, связанные с воздействием Слова (странничество героя и тема Пророка, о которой упоминается вскользь, поскольку религиозные мотивы «Горя от ума» для выстраиваемой типологии редуцированы, в «Мертвых душах» проглядывают и в полный голос выражают тему Слова в «Идиоте»).

Феномен «границы» артикулируется и в пространстве дома: автор уделяет большое внимание тому, что встреча Чацкого с Репетиловым происходит у дверей: «Пространство возле дверей – это особая граница дома, его начало и конец. В семиосфере Слова как целостного сюжета пьесы это пространство является переходным, оно одновременно внутри и снаружи Дома. Именно здесь через миг раскроется тайна о клевете, но она будет озвучена только в этом пространстве, где и останется. На этой нейтральной территории истины различие Чацкого и Репетилова получает символический подтекст» (С. 50).

---

¹ «Дискурс молчания» акцентируется и в поэме Гоголя, когда «мертвые души» – как пограничная ситуация, фиксирующая семантизацию Слова между произнесением и умалчиванием: «...несмотря на то, что в первой главе мы нигде не слышим голоса героя и не присутствуем при его разговорах, в конце все уверены, что он очень приятный человек. Его символическое рождение во второй главе не связано, однако, только с приобретением «речи» (языка), а происходит в момент встречи с Маниловым, когда он впервые называет цель своего присутствия в городе: покупка «мертвых душ». После этой пограничной ситуации рассказ начинает явно/скрыто семантизировать Слово между произнесением и умалчиванием» (С. 90).

Детально анализируется топография дома Рогожина при его встрече с Мышкиным (С. 127–130) и т.д.

Сюжет Слова опирается на сопоставление публичного и интимного. Если у Грибоедова их конфликт усложняет их специфику, то в «Мертвых душах» интимное предстает инверсией к комедии, т.е. не отталкивание от публичного, а соположение через симпатию как притяжение к утаиваемой мнимости величины героя, порождающей всплеск «ложно-идиллической» в своей «семейственности» публичности Города. У Достоевского же соотношение интимного и публичного получает диалектическое наложение в так называемых конклавных сценах, разбираемых Х. Манолакевым. Нужно отметить, что для выражения специфики публичного в сюжете Слова во всех трех произведениях важное значение имеет проекция общенационального и метаисторического, как тот горизонт, создаваемый именно персонологически самоутверждающимся и самосознающимся Словом (в связи с чем объяснимы социологические акценты, на которых настаивает Х. Манолакев как тематически, так и стилем своего исследовательского дискурса).

Архитектоническим топосом публичности, интертекстуально связывающим три текста, становится *бал*, который содержит интенцию «границы» встречи публичного и интимного, при возникающих матримониальных планах в *сюжете героя* (Чацкого, Чичикова, Мышкина¹). Сюжетно герои оказываются «обделены» любовью, у них «импотентный комплекс» (если расширенно понимать характеристику Х. Манолакевым Мышкина). Это может быть объяснено непростым диалогом сюжета Идеи и сюжета Любви, проецируемых в работе на соотношение Слова и Тела (особенно при разборе «Идиота» в III главе). Если условно определить характер соотношения выделяемых противоположностей, то для комедии это конфронтация, для поэмы – ассимиляция (наложение, ведущее к аннигиляции), а в романе – диалогичное (можно даже обратиться к хрестоматийному «полифоничное») сочетание.

В связи с поставленной задачей Х. Манолакев в основном опирается на художественную структуру, прежде всего структуру сюжета, обращая особое внимание (в связи с «Мертвыми душами» и «Идиотом») на его трансформацию (во второй половине поэмы и в центральной части романа), проблематизирующую «целостность» сюжета, восстанавливаемую через «второй», внутренний сюжет Слова. Границы такой трансформации маркируются в поэме сном героя, а в романе – эпилептическими припадками.

Внутренний сюжет Слова наращивает и вбирает интерпретационные стратегии (героя разгадывают). При этом в ходе сюжета динамизируется (подрывается и заново утверждается) его идеологический статус и его сюжетно-функциональная валентность. Все это провоцирует попытки дискредитации персонажами Слова героя (клевета, слухи и пр.). В «Горе от ума» задаются важнейшие стратегии такой дискредитации: клевета (Софья), молчание (Молчалин), снижающий повтор, выхолащивающий суть (Репетиллов). Именно последний составляет, по Х. Манолакеву, так называемую «ситуацию-Репетиллов» (С. 49–50). Эти варианты будут возникать и в поэме, а осо-

¹ Имеется в виду сцена «званого вечера» у Епанчиных, при анализе (С. 151–158), получающая значение кульминации сюжета Слова героя в романе.

бенно в романе. Для «Мертвых душ» подчеркивается: «Если на одном полюсе слово творит бытие, то на другом оно изоморфно его переворачивает, обращает. Их пересечение находится в дискурсе слуха, где лингвистическая ценность слов тотально девальвируется. Слухи – это мертвое слово, превращенное в страшную метафору пустого, лишенного жизни пространства, в котором все обитают» (С. 90).

Усложняемая функциональность взаимодействия Слова героя с другими персонажами базируется на принципе повтора, искажающего Слово, или на субъективно-предвзятой интерпретации, т.е. заведомо искажающего двоения. «Чацкий символически будет сосуществовать с ними с приписанной ему идентичностью – той, другой, которая появилась из-за его Слова» (С. 50). Это взаимодействие подвергается в книге тщательному разбору на материале трех произведений. Оно специализировано в фигурах «двойников», которые служат отнятию сущности у Слова (Х. Манолакев, например, видит функциональность Репетилова в Ноздре (С. 92–93); разветвленная система противников и ложных последователей Мышкина характеризуется исследователем в «Идиоте»). Слово героя живет в других, получая в их слове различное свое преломление. В связи с этой проблемой особенно впечатляющ разбор романа Достоевского «Идиот» в III главе исследования болгарского ученого.

Для сюжета Слова, как показывает Х. Манолакев, исключительно важное значение имеет феномен Дома, понимаемого в широком смысле; он нуждается в Слове, а Слово рождается для него, чтобы был «идеологический баланс между *героем, словом и национальным пространством*» (С. 41). Но сюжетно уже в «Горе от ума» задается историческая перспектива коллизии, когда «Дом отказывается принимать новое идеологическое Слово и через клевету выносит однозначный приговор: все с готовностью принимают участие в его сюжете, соучаствуя в акте его уничтожения» (С. 57). Тема Дома, заявленная в названии I главы, редуцирована в положительных своих моментах. Мир аннигилируется до «мертвых душ», теряется его амбивалентность. В связи с этим над всеми тремя произведениями нависает трагическое¹ (темы смерти, жертвы как необходимое условие напряжения и очищения Слова).

Идеологический аспект, как кажется, способствует сужению темы «герменевтики Слова», становясь сюжетным объектом исследования и исключая художественно-поэтологическое преобразование. Ведь можно сказать, что художественное творение и становится тем идеальным Домом, в котором обретается метафизика исторического свершения Слова, его бытийная целостность и единство. Произведение как целостное Слово. И автор этого емкого исследования большого и важного материала показывает, какую роль в таком «ощельнении» играет Слово героя.

Н.В. Хомук,

канд. филол. наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы
Томского государственного университета
E-mail: homuk1@yandex.ru

---

¹ Даже финал «Мертвых душ» в связи с судьбой России прочитывается Х. Манолакевым довольно мрачно: Гоголь «отказывается указать, ведет ли тот путь, который она выбрала, в объятия «антихриста» или к светлому Христовому спасению». Но сам Х. Манолакев склонен видеть в перспективе хаос, негатив, *ничто*: «остается тягостное ощущение безысходности» (С. 84).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНИСИМОВА Евгения Евгеньевна – канд. филол. наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Сибирского федерального университета (г. Красноярск).

E-mail: eva1393@mail.ru

ВАСИЛЬЕВА Татьяна Александровна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета.

E-mail: tatiana_w_1988@mail.ru

ВЕРШИНИН Василий Александрович – ассистент кафедры теории и практики журналистики Томского государственного университета.

E-mail: virshinin@gmail.com

ВОЛОШИНА Светлана Владимировна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Томского государственного университета.

E-mail: vsv1304@yandex.ru

ГОЛЕВ Николай Данилович – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Кемеровского государственного университета.

E-mail: ngolevd@mail.ru / ngolevd@yandex.ru

ДЕЕВА Анастасия Игоревна – аспирант кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета.

E-mail: bondad2005@mail.ru

КИСЕЛЕВ Виталий Сергеевич – д-р филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета.

E-mail: kv-uliss@mail.ru

МЕЩЕРЯКОВ Роман Валерьевич – канд. техн. наук, профессор кафедры комплексной информационной безопасности электронно-вычислительных систем Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники.

E-mail: mrv@ieee.org

МИШАНКИНА Наталья Александровна – д-р филол. наук, профессор кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета; профессор кафедры русского языка как иностранного Томского политехнического университета.

E-mail: mishankina@ido.tsu.ru / n1999@rambler.ru

МЯСНИКОВ Илья Юрьевич – канд. филол. наук, доцент кафедры теории и практики журналистики Томского государственного университета.

E-mail: bit.magazine@gmail.com

НОВИКОВА Елена Георгиевна – д-р филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета.

E-mail: elennov@mail.ru

РЕЗАНОВА Зоя Ивановна – д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета; профессор кафедры русского языка Томского политехнического университета.

E-mail: resso@rambler.ru / resso@mail.tsu.ru / rezanovazi@mail.ru

РОМАНОВ Александр Сергеевич – канд. техн. наук, доцент кафедры комплексной информационной безопасности электронно-вычислительных систем Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники.

E-mail: alexx.romanov@gmail.com

РЫБАЛЬЧЕНКО Татьяна Леонидовна – канд. филол. наук, доцент кафедры истории русской литературы XX века Томского государственного университета.

E-mail: talery.48@mail.ru

ТИХОНОВА Екатерина Михайловна – магистрант кафедры социологии, лаборант учебно-полиграфической лаборатории Томского государственного университета.

E-mail: katerinatikhonova@gmail.com

SUMMARIES OF THE ARTICLES IN ENGLISH

LINGUISTICS

P. 5. *Voloshina Svetlana V.*, Tomsk State University (Tomsk, Russia). AUTOBIOGRAPHICAL TEXTS ON THE INTERNET: GENRE AND DISCURSIVE ASPECTS OF ANALYSIS. This article is about autobiographical practices on the Internet. It is a new phenomenon that appeared in recent decades. The material of the research is Russian federal and regional TV workers' autobiographical information. The analysis is based on the concept of speech genre.

Posting information about oneself on the Internet is a new phenomenon, which is unfamiliar for a modern person. The study has shown that there are no specified norms for autobiography composing in such a new communicative space as the Internet.

On the one hand, I analyse autobiographies corresponding to the official-business style documents. On the other hand, I focus on autobiographical texts with discursive features (autobiographical texts and questionnaires). The purpose of every text in the analysed material is to provide information about oneself. These texts perform several functions: information, self-identification, and self-presentation.

The genre of autobiography is the prototype for the analysed texts. Transformation of form, composition, content and style is considered in this paper.

The composition of the autobiographical texts created by the employees of TV companies is characterised by relative stability. They include the following elements: date and place of birth, information about parents, about education: secondary and higher, information about how they come into their profession, about the first experience in the profession, about the career and achievements in the profession, family (wife / husband, children), information about the hobby. There are texts with missing elements: for example, the authors can describe the part of life relevant professionally. Texts can start with a message about the first day in the profession, or at the channel where the employee works at the moment.

Many autobiographical information notes are in the genre of questionnaire. In our opinion, it does not correspond to the traditional form of autobiography and is connected with the specificity of the discourse.

TV workers' autobiographical stories are mostly creative. They are posted on the Internet, which stimulates speech creativity. Texts' authors are creative, too: not only the speech subject (what to say), but also the method of verbal presentation (how to say) is important for them.

Almost every text has information about the author's education, thoughts about the profession, about family and awards.

Autobiographical stories are written in conversational style.

Keywords: the Internet, autobiographical story, autobiographical questionnaire, self-presentation, speech genre.

P. 14. *Golev Nikolay D.*, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia). 'COMMON GENDER' AND RUSSIAN NOUN GENDER SEMANTICS: BI-GENDER OR NON-GENDER? In modern Russian gender is a functional-semantic category with a wide range of diverse content and multi-level means of expression. The content level (gender semantics) of this category comprises various parameters, among which the opposition 'gender' vs. 'non-gender' is basic. Non-gender is widely spread in animate nouns' domain, within which there are nouns traditionally attributed to the common gender. At the system level gender is marked by the presence of a weak or a strong gender seme in the lexical meaning proper. At the denotative speech plane gender may be represented implicitly (as situation knowledge) or explicated by a variety of forms including uncoordinated forms of adjectival attributes and predicates. Grammatical semantics (morphological gender) of nouns is available in a lexeme irrespective of denotative speech semantics modulations.

The ability to denote beings of a definite sex is not the morphological characteristics of the word form and the lexeme as a set of word forms. This ability belongs to the context-denotative plane of semantics with the word forms and to the lexical one with the lexemes, if the masculine or the feminine is part of the word meaning (e.g. *мадам*, '*madam*'). The morphological noun gender (*дубина*

(*dubina*, 'bat') – f., *пень* (*pen*, 'stub') – m., *чудовище* (*chudovishche*, 'monster') – n.) does not depend on the context-denotative meaning of sex. True is the inverse statement.

In the phrases like *врач пришла* (*vrach prishla*, 'the doctor came'), *наша врач* (*nasha vrach*, 'our doctor'), *кенгуру кормила детеныша* (*kenguru kormila detyonysha*, 'the kangaroo was feeding its young'), etc. nouns of the masculine gender denoting female beings do not become nouns of the feminine gender. Without a context they do not become nouns of the common gender. The gender of verbs (in the past tense) and adjectives is determined by the context-denotative meaning component implied by the author.

For this reason nouns of the so-called common gender (*ежоза* (*yegoza*, 'fidget'), *соня* (*sonya*, 'sleepy'), *пакса* (*plaksa*, 'crybaby'), *сирота* (*sirota*, 'orphan')) discover their true morphological gender in neutral contexts. The noun 'orphan' is of feminine gender, because the context *Миша – такой сирота* (*Misha – takoy sirota*, 'Misha is such an orphan') is possible, but the context *Маша – такой сирота* (*Masha takoy sirota*, 'Masha is such an orphan') is impossible as the strong grammatical meaning component of the feminine gender prevents sense agreement. The same holds good for the nouns *особа* (*osoba*, 'person'), *дрянь* (*driani*, 'rubbish'). The noun *коллега* (*kollega*, 'colleague') is of masculine gender as you cannot say *Ваня – моя коллега* (*Vanya – moyu kollega*, 'Vanya is a colleague of mine').

Traditional classification of such nouns as nouns of the common gender does not agree with the morphological essence of the gender category because according to this essence gender is not a word changeable category. Supporters of the common gender conception would consider that *ежоза* (m.) and *ежоза* (f.) are different lexemes which contradicts commonsense (ordinary metalanguage) and scientific sense.

Keywords: nouns of common gender, Russian morphological system, ordinary metalanguage consciousness, gender as grammatical category, gender as functional-semantic category, agreement, tendency to analytic analysis.

P. 29. *Mishankina Natalia A., Deeva Anastasia I.*, Tomsk State University (Tomsk, Russia). OIL AND GAS METAPHORICAL TERMINOLOGY: EQUIVALENCE AND ASYMMETRY OF TRANSLATION (BASED ON RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES). The topic analysed in the article is oil and gas terminological systems in English and Russian languages. In the present research the terminological systems are studied from the perspective of equivalence and symmetry.

The relevance of the research is due to the insufficient knowledge of the basic principles of metaphorical oil and gas terminology functioning. Today the study of branch-wise lexis is one of the most timely and promising directions in modern linguistics, science of terminology and theory of translation.

The main objective of the article is to study metaphorical terminology of the oil and gas industry from the perspective of equivalence.

The data for the study are terminological oil and gas dictionaries and also professional dictionaries, created by the interpreters and translators in different oil and gas companies for internal use only. The presentation of the terms in translation dictionaries and professional dictionaries stated the problem of equivalence.

Equivalence is one of the criteria of a successfully performed translation. However, while analyzing the selected data it has become evident that metaphorical terms in two languages are asymmetrical. Therefore, equivalence is not always achievable.

We can say that the metaphor in scientific text facilitates the creation of new hypotheses and vision of the world, it makes possible to have a look at a habitual object from another perspective; metaphor adds volumes and shadows to the known notions.

In our research we investigate metaphorical scientific terms in the framework of the system. Metaphorical terms are integral components of a terminological system. In our study we compared the metaphorical fragment of terminological systems and therefore revealed the difference in the scientific experience structuring. This difference again highlights the cultural distance, which is the reason for a number of translation problems, and therefore problems of scientific communication. Asymmetry, both quantitative (in the English language there are more metaphorical terms than in the Russian language) and qualitative, reveals two main types of relatedness of metaphorical terms in the two languages: "metaphor – direct naming" and "metaphor – metaphor", which in its turn is represented by three subtypes. Moreover, the analysed terminology was investigated from the position of equivalence. We found the following peculiarities: equivalence in translation of metaphorical terminology can only be achieved on three levels out of the existing six levels. The absence of equivalence is the result of

asymmetry and the fundamental cause of metaphorical terms asymmetry is the gross difference in the processes of formation and interpretation of human experience.

Keywords: linguistic view of the world, scientific view of the world, metaphorical term, terminological systems, oil and gas terminology, translation, asymmetry, equivalence.

P. 38. *Rezanova Zoya I.*, Tomsk State University (Tomsk, Russia), *Romanov Aleksandr S., Meshcheryakov Roman V.*, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russia). SELECTING TEXT FEATURES RELEVANT FOR AUTHORSHIP ATTRIBUTION.

The article discusses the problem of text features that are relevant for the tasks of the author attribution of the text. Analysis of the works in this area demonstrates the efficiency of such features as bigram and trigram symbols and words, functional words, distribution of words by parts of speech, most frequent words, punctuation marks, word length distribution and length of sentences. These are formal and formal-semantic linguistic elements of all the subsystems of the language system. The most commonly used diagnostic parameters in authorship expert review are formal features of the lower subsystems of the language system. Usually the speaker is not aware of these signs in the generation of speech. These elements are easy to distinguish for a programmer who does not have a special degree in Linguistics. In identifying the statistical patterns of use of such elements small amounts of text may be involved.

Elements of formal-semantic segmentation of speech are less involved as a diagnostic parameter. The author of the text may deliberately simulate these parameters. The programmer has to use pre-tagged texts, a special linguistic analysis of texts and a specialised corpus are needed. In identifying the statistical patterns of use of such elements big amounts of text may be involved. The authors name features of text that can be diagnosing only in certain types of texts. Idiosyncratic features (lexical, grammatical errors, etc.) are not relevant in the edited and corrected texts, the use of metadata is applicable to computer texts, etc.

The authors note the unsolved problem of context independent features of the text. Many of the results of authorship attribution were obtained in the analysis of texts in English and other Indo-European languages. The relevance of these features for Russian texts is topical. It is especially necessary to identify the relevant grammatical features. The Russian authorship attribution tested the methodology on the material of literary texts. It is now necessary to identify (define) the composition (set) of context-independent features and attributes that are relevant for analysing texts of a certain type. Effective use (application) of the morphological and syntactic text features is possible only on the basis of linguistic text markup. The Russian authorship attribution needs a specialised linguistically marked Russian corpus.

Keywords: authorship expert review, stylometry, interdisciplinary methods of research, computer science, data mining.

LITERATURE STUDIES

P. 53. *Anisimova Yevgenia Ye.*, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia). V.A. ZHUKOVSKY BETWEEN TWO JUBILEES (1833-1902): ARTICLE 2. FESTIVITIES OF THE YEAR 1902: COMBINATION OF JUBILEES, STRATEGIES OF SELF-CANONISATION. The article considers a new stage in the development of Zhukovsky's sociocultural reputation in connection with the jubilee festivities of 1902. The analysis of the documents and jubilee materials, which were timed for the fifty years of the poet's death, allows to single out not only the official comprehension of his personality and traditional direct projections of his biography on poetry but also the interferences of Zhukovsky's and Gogol's "cults", the emergence of a kind of "self-canonisation", the strengthening of this or that living author's or topical edition's charisma "under the aegis" of Zhukovsky's myth. The key points of this article are the following.

Firstly, the official recognition of the poet and celebration in honour of his memory in the jubilee 1902 was confirmed by the Imperial Decree. It is connected with the fact that the state policy of forming a literary canon originated on the border of the centuries. The policy manifested itself, first of all, in glorification of Zhukovsky and Gogol. Secondly, the jubilee year of 1902 saw a new rise of documentary and fictional publications. The publishing activity consisted in presenting Zhukovsky's heritage and its most significant event was the first complete works of the poet edited by A.S. Arkhangelsky, which was issued in the jubilee year. Thirdly, it should be noted that the jubilee in 1902 had a "double" nature because in the most part of the celebration events of 1902-1903 the names of Zhukovsky and Gogol stood side by side. In "double" jubilee articles of 1902 more was said about

Gogol *the Writer* and Zhukovsky *the Person* and the reconciliation of poetic ideals with life realised by the Russian romanticist becomes a leitmotif in describing his biography. Another important event, which coincided with this date, was the centenary of "Vestnik Evropy" journal whose editor in the early 19th century was Zhukovsky. By the initiative of V.S. Solovyov, another jubilee – the centenary of the birth of Russian poetry – was timed for 1902.

By the jubilee of 1902 Zhukovsky had already been recognised as a key figure of Russian literature: his name was associated with the beginning of its "classical" period. At the same time in the history of native literature the poet was given the role of an important bonding link. The researches of Zhukovsky made at the end of the 19th century demonstrated that due to the peculiarities of his life-building scenario he had become an inalienable part of almost all outstanding biographies of his time, thus connecting them in a single semantic field. Therefore, the pathos of Zhukovsky's jubilee of 1902 sounded different than twenty years before: combined with Gogol's jubilee the festivities in Zhukovsky's honour turned into the jubilee of the Russian classics, and linked with the jubilee of Karamzin's "Vestnik Evropy" they turned into the jubilee of Russian journalism and culture of new time in general.

Keywords: Zhukovsky, literary jubilee, canonisation of classics, biography, reception.

P. 61. *Kiselev Vitaly S., Vasilieva Tatiana A.*, Tomsk State University (Tomsk, Russia). EVOLUTION OF IMAGE OF UKRAINE IN IMPERIAL LITERATURE OF THE FIRST QUARTER OF THE 19TH CENTURY: REGIONALISM, ETHNOGRAPHY, POLITICIZATION. ARTICLE 2. "NEOBKHODIMO SNIZOYTI POD KROVLIU SELIANINA" (IT IS NECESSARY TO DESCEND UNDER A VILLAGER'S ROOF)). The first generation of the Little Russians, engaged in the imperial activities by Catherine the Great, considered it important to note a special place of their homeland in history (literary and historiographical works by P. Simonovsky, V. Ruban, F. Tumansky, M. Antonovsky, G. Poletyka, V. Poletyka, A. Chepa, etc.). However, with all the historical value that experience up to a certain time was excluded from the mainstream of Russian historiography, which was moving to the creation of a universal empire-wide narrative. The descriptions of the native land made by G.I. Kalinovsky and V.G. Ruban with A.F. Shafonsky's natural history reviews were a kind of the alternative for historical research. Natural and geographical, economic and statistical, and ethnographic approach they used mostly fitted the context of the scientific and discursive development of the imperial borderlands that became systematic in the second part of the 18th century.

The regional vision, which replaced the autonomy principle, made it possible to solve two fundamental problems of the historical and ethnographic discourse. Firstly, the Ukrainian history became part of the imperial history, and, secondly, the cultural differences of the Great and the Little Russians were either removed or reduced by their common origin that allowed considering Ukraine as the cradle of "Russianness". The statement of the "traditional scheme" of Russian history or the imperial "great narrative" in Karamzin's works was the basis for the rapprochement. Accepting Karamzin's scheme Little Russian historians of the new wave aimed to fill its gaps, to bring the events that took place in "their" territory into the imperial past. The model was the fundamental "History of Little Russia since its Annexation to the Russian State under Tsar Alexey Mikhailovich" by D.N. Bantysh-Kamensky, in which the main attention focused on the political events in the territory of Hetmanate and the actions of the central power were put in the forefront.

It should be noted that at the beginning of the 19th century the Ukrainian historiography followed the class purposes. As a result, the Ukrainian history appeared primarily as the "history of the elite", and the common people were forced out to the periphery of the national discourse. Transformation of the Ukrainian historical and ethnographic discourse was possible due to the spread of Gerder's ideas which re-estimated the common people's role in the creation, preservation and historical translation of the national culture fixed in the language, folklore, and rituals. They reflected some constant features of the national character, independent of the political circumstances change. Adam Charnotsky (Z. Dolenga-Khodakovsky) subtly felt it; his concept was based on the idea of the Regional identity connected with the way of life of the lower classes, especially the peasantry. Little Russian ethnography and archeology, rapidly developing in this direction, also helped to bridge the gap with historiography, reinterpreting it in the context of the gentry elite history and of the people's one. It can be attributed to N.A. Tsertelev's "discovery" (made in the late 1810s) of historical songs and thoughts representing the people's version of the history. This was the first declaration of the mature imperial Ukrainophilism.

Keywords: Russian literature, Ukrainian literature, historiography, image of Ukraine, nationalism, regionalism, ethnography.

P. 78. *Novikova Yelena G.*, Tomsk State University (Tomsk, Russia). PAINTING EKPHRASIS IN "THE IDIOT" BY F.M. DOSTOEVSKY. ARTICLE 2. FIVE PAINTINGS. The article examines ekphrasis in "The Idiot" by F.M. Dostoevsky. This is the first time when special painting discourse and its general dynamics has been investigated within the novel medium. Above all, five paintings, i.e. five full ekphrases have been revealed and analysed: "the face of a condemned man", the portrait of Nastasya Filippovna, the portrait of Rogozhin, "The Body of the Dead Christ in the Tomb", Christ and a Child.

The face of a condemned man proposed by Myshkin to Adelaida is the first example of full ekphrasis in the novel "The Idiot". This first painting representing "the face of a condemned man" determines the painting discourse of the whole novel. The second full ekphrasis in the novel is the photographic portrait of Nastasya Filippovna when her face is compared to the face of a condemned man regarded within the categories of "Salvation" and "Kindness". The portrait of Nastasya Filippovna is the example of not only full ekphrasis but also of discrete ekphrasis: the portrait is described or mentioned in the novel at least 11 times. Such a great number of references to the portrait of Nastasya Filippovna make it possible to identify a special discourse of the photographic portrait of Nastasya Filippovna within the painting discourse of the novel. The third full ekphrasis is the portrait of Semyon Parfyonovich Rogozhin, which is created basing on the principle and idea of copying. The portrait of the elder Rogozhin is the ekphrastic description of the face of Parfyon Rogozhin.

All actual ekphrases traced in the novel "The Idiot" are associated with one painter, i.e. Hans Holbein the Younger. Therefore, it is possible to state that there is a special painting discourse referring to Hans Holbein in the novel. His painting "The Body of the Dead Christ in the Tomb" is mentioned three times in the novel (or even four times, depending on the interpretation). The ekphrasis of the painting "The Body of the Dead Christ in the Tomb" is not a simple representation of Holbein's painting. The painting itself becomes the basis, the so-called literary material or even canvas where Dostoevsky paints his own picture – the picture of Christ's crucifixion and His face as "the face of a condemned man". The fifth painting of the novel is the description of Jesus Christ by Nastasya Filippovna. It represents the thoughtful Jesus Christ and a child, Jesus Christ and all Christian people against the vast horizon and the setting sun, against the whole natural life. This fifth full ekphrasis crowns the entire painting discourse of "The Idiot". It is obvious that this final full ekphrasis embodies the answers to the questions posed by "The Dead Christ".

Nastasya Filippovna and Rogozhin refer to the murder as the victim and the executioner, and each of them is associated with two paintings: Nastasya Filippovna – with her portrait and the painting about Christ, Rogozhin – with his portrait and the painting "The Dead Christ" which is directly named as "Rogozhin's painting" in the novel. The entire painting discourse flows from "the face of a condemned man" to the portraits of Nastasya Filippovna and Rogozhin and then to "The Dead Christ" and the image of Christ represented within the eternity of Christian life.

Keywords: F.M. Dostoevsky, "The Idiot", painting ekphrasis, painting discourse.

P. 87. *Rybalchenko Tatyana L.*, Tomsk State University (Tomsk, Russia). THE VAGRANCY PLOT AND A NEW PICTURE OF THE WORLD IN CONTEMPORARY RUSSIAN LITERATURE. The article discusses the semantics of the motif of vagrancy as a variant of the motif of initiation, i.e. movement different from traveling, wandering, roving, sauntering, pilgrimage, nomadism, etc. In vagrancy, the semantics of movement testifies of the crisis in the relationship between the subject and the world, as well as about a free, non-deterministic discovery of the world (social and natural). The rupture and rebellion is reduced to the voluntary abandonment of the social status and estranged perception of reality; this excludes finalism, finding values, and returning to the past as a result of adaptation to a different way of life or exhaustion from wandering.

The social cause of vagrancy is the collapse of the Soviet empire, the cultural causes are the transformations of the centrifugal culture into centripetal, of the individual consciousness into the mass consciousness. The civilization cause is the loss of illusions in the possibility to transform ontology. The literature on vagrancy does not only reflect the process of the social decline, but approaches the anthropological vision of person.

The plots of modern novels about vagrancy apparently have genetic links with the travel stories of the heroes from ancient Menippea, the plots of picaresque literature, stories of romantic wandering, travelogues in the literature of Enlightenment, Sentimentalism, and Realism, as well as the stories of nomadism. If in Russian culture vagrancy is close to wandering, searching for a sacred place, in Russian literature of the second half of the twentieth century the vagrancy plot is linked with the birth of dissidence and rejection of social dictates (the prose of the 1950s–1980s). This phenomenon is

explained by the philosophy of life (Nietzsche) and existential philosophy (Martin Heidegger, J.-P. Sartre, Albert Camus). The post-Soviet tendency to reject society is explained through the postmodern philosophy of nomadism (Gilles Deleuze, Felix Guattari).

The article deals with the novels, in which the motif of vagrancy forms the plot, and the narrative focuses on the new "nomad": a voluntary homeless, wanderer, wandering philosopher, who does not build life, but floats in the stream of life while observing all its manifestations. The world appears as a rhizome, with no center and hierarchy, as the world of metamorphoses and disappearances, not meant for people. Anthropologism of literature about vagrancy returns to ontology from textual civilization. The plot of vagrancy embodies the path of spiritual wanderings, the knowledge of the absurd of reality and metaphysical being, the situation of "nomadism to death" of the new nomad.

Contemporary literature about vagrancy is drawn to two poles: ethological and philosophical discourses. The motif of vagrancy does not only "reflect" the marginalization of a person in today's society, but also expresses free knowledge of being without illusions. The article offers a typology of vagrancy plots (ontological, psychoanalytical, anthropological, ethological prose) and a typology of the vagrant characters (an escapist, a wanderer, a knave, a degradant, a flaneur).

Keywords: contemporary Russian prose, poetics, plot, theme, vagrancy, picture of the world, types of novels.

JOURNALISM

P. 101. *Vershinin Vasily A.*, Tomsk State University (Tomsk, Russia). THE USE OF EXPERIMENTAL METHOD IN PRINT MEDIA MODELLING. This article focuses on the practical results of the use of experimental method as a part of printed media integrated modelling method — evidence from local newspapers and magazines. The basis of experimental method typology is integrated modelling method which includes matrix module used to define and solve application tasks for modelling and designing local newspapers and magazines.

The article contains the most characteristic examples which are in line with the proposed experimental method typology for media modelling and designing. They include magazines *Gumanitarniy, Sleduyushchiy shag, Praktiki svobody, Teatralnaya ploshchad*, newspaper *Okhotnik i rybolov Sibiri* and publications issued by a local media holding and based on newspaper *Shegarskiy vestnik*. These editions were designed by the author of this article, some of them – jointly with students and academicians of the Faculty of Journalism (Tomsk State University). When working on these projects, several experimental objectives were set. They have the following special features:

- The experiment type can be classified by the type of developer's interference in the publication issue process: *quasiexperiment* (e.g. design proposals), *field experiment* (issue of a complete publication for marketing), *field quasiexperiment* (model preparation).

- The experiment type can be classified by modelling area types: *integrated* or *factorial* (the specific model level is indicated to perform an experiment within its framework).

- *Searching* experiment and *verifying* experiment which can be different stages of quasiexperiment. The searching experiment involves only a search for new forms of visual communication, while the verifying experiment requires approbation of their most popular forms in the form of experimental issue (pilot issue).

- *Experiment form* shows whether it was a pilot or corrective issue as well as the circulation of publication: one issue or a series.

- *Experiment status* determines the nature of the relationship between the developer and the project customer and sets the experimental task: an initiative project or an economic contract-based research.

The proposed experimental approach paradigm intended to solve application tasks for modelling print media. The functional and matrix approach for designing of local print media made it possible to identify specific types of experiments represented by a series of experimental projects, which are not merely examples of a particular aspect of the experimental method adaptation to this branch, but they demonstrate their applicability as a modelling tool for local print media, too.

Keywords: method of experiment, system approach, complex modelling, editorial design, regional periodicals.

P. 110. *Myasnikov Iliya Yu., Tikhonova Yekaterina M.*, Tomsk State University (Tomsk, Russia). PRESS MODELLING AND DESIGN BEFORE THE AGE OF MEDIA CONVERGENCE: CONVERGENCE POLICY OF PRINTED MEDIA AND THE PROBLEM OF ITS DESCRIPTION

MODEL. The article focuses on the problems of press modelling and design techniques development in the era of media convergence, the possible scenarios of this development are predicted in the context of optimistic and pessimistic forecasts for the subsystem of the print media.

Modelling and design methods are inevitably upgraded due to the development of newsroom convergent practices. The authors indicate the range of options for the development of techniques: from absorption of press modelling, its inclusion into more common methods of web development – to gradually adding layers of modelling describing the convergent evolution within the accepted publication model.

A wide range of current research in the field of convergence, describing the philosophical, practical and technical aspects of media convergence should be included in the knowledge base of modelling and design.

At the same time, press modelling and design need the compilation of good practices of convergence, which can be found in advanced newsrooms that define industry standards.

Summarizing the experience of TSU laboratory of press modelling and design and laboratory editorial and publishing activities in the study of convergence policy of different types of modern media, the authors propose a working version of the converged policy description, which is a necessary intermediate step in the generation of ideas of the "converged model" of printed media.

The model contains a number of levels corresponding to the areas of convergence and the fundamental criteria for their descriptions.

Among the levels are: the presence of the Internet version of the publication or an independent online publication of the same brand, the presence and specificity of newsroom in the social networks, the presence of channels and representative publications in blogs, microblogs and web hosting services, communication policy on these platforms, the use of mobile Internet services, support for tablet media.

Several options of convergence policy description are highlighted as its fundamental criteria. These are its structure, genre, topical specificity of the publication, common and unique features of different versions, audience and functional orientation of the publication, specific functions, reader groups, consumption patterns, implementation of specific features of a particular platform, the potential of the platform in the realization of the basic functions of media, the potential of multi-media platforms, and the potential of interactivity model.

Keywords: press modelling, convergence policy, descriptive model.

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вестник Томского государственного университета. Филология» был выделен в самостоятельное периодическое издание из общенаучного журнала «Вестник Томского государственного университета» в 2007 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29496 от 27 сентября 2007 г.), ему присвоен международный стандартный номер сериального издания (ISSN 1998-6645).

«Вестник ТГУ. Филология» выходит 6 раз в год и распространяется по подписке, его подписной индекс – 44041 в объединённом каталоге «Пресса России». Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://vestnik.tsu.ru/philology>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе. Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://vestnik.tsu.ru/philology>

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Телефон 8(382-2)52-96-67

Факс 8(382-2)52-98-46

Ответственный секретарь редакции журнала – Д.А. Катунин.

E-mail: katunin@mail.tsu.ru

Научный журнал

**ВЕСТНИК ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ФИЛОЛОГИЯ**

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

2013. № 6(26)

Редактор *Т.В. Зелева*

Редактор-переводчик *В.В. Каипур*

Оригинал-макет *Г.П. Орловой*

Дизайн обложки *Яна Якобсона* (проект «Пресс-интеграл»,
факультет журналистики ТГУ)

Подписано в печать 20.11.2013 г. Формат 70x100¹/₁₆.

Печ. л. 8,75; усл. печ. л. 11,37; уч.-изд. л. 11,17.

Тираж 500 экз. Заказ №

ООО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
Учебно-производственная типография ТГУ, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 66